

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 2 (95) апрель – июнь 2019 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 2 (95) April – June 2019

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio
broadcasting and mass media, certificate ПИИ No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution

“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,

Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia

Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА

Наумов О.Н., Журавлёв В.В. Род Пушкиных в социокультурном пространстве России.....	11
Гулин А.В. Революция и державная традиция в раннем творчестве А.С. Пушкина (ода «Вольность»).....	24

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Звягинцев А.Г. «Вирус нацизма».....	41
Беляев Л.А. Русская археология Палестины.....	51

ЭКОНОМИКА

Торопцев Е.Л., Мараховский А.С. Эквивалентирование динамического межотраслевого баланса при решении задач устойчивости.....	65
--	----

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Позднякова М.Е. Новая наркоситуация в России.....	77
Бочкарёв С.А. Философия и отрасли права: проблемы конвергенции.....	90
Алеврас Н.Н., Гришина Н.В., Выдрин О.В. Диссертационная культура российских университетов XIX – начала XX века.....	100

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Фёдоров М.Л. «Как четырнадцатая дивизия в рай шла» Демьяна Бедного: от стихотворной повести к пьесе.....	111
Слюнькова И.Н. Категория времени и концепция идеальной резиденции монарха в архитектуре Большого Ливадийского дворца.....	122

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Нартова-Бочавер С.К., Силина О.В. Генезис психологической суверенности: фактор порядка рождения.....	137
Микляева А.В. Социально-психологический подход к исследованию личностного инфантилизма...	147

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Коробов Д.С.

Исследование ресурсных зон поселений Кисловодской котловины..... 158

Рыжакова С.И.

Индийские артистические сообщества и практики транса:
локальные традиции Гуджарата, Ассама и Кералы..... 170

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

Вдовиченко М.В.

Всероссийская научная конференция с международным участием
«Век археологии: открытия — задачи — перспективы»
(Москва, 10–12 апреля 2019 г.)..... 182

Барышников В.Н., Возгрин В.Е., Козлов Н.О.

XXI Международная научная конференция «Санкт-Петербург
и страны Северной Европы» (Санкт-Петербург, 3–4 апреля 2019 г.)..... 187

Дёмина В.Н., Крылова А.В.

Международная конференция «Проблемы синтеза в современной
музыкальной культуре» (Ростов-на-Дону, 11–15 апреля 2019 г.)..... 192

МИР КНИГИ РФФИ

Топычканов А.В. —

Беляев Л.А., Медникова М.Б. В поисках бояр Романовых: междисциплинарное
исследование усыпальницы XVI–XVII вв. в Знаменской церкви Новоспасского
монастыря в Москве: В 2 вып. / Отв. ред. Н.А. Макаров; Институт археологии РАН.
М.: Club Print, 2018. — Вып. 1. — 208 с. 197

Щербакова М.И. —

Родня по духу. Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова (1870–1896):
В 2 т. Т. I: 1870–1879 // Сост., подг. и коммент. Л.В. Калюжной, Т.Г. Никифоровой,
В.А. Фатеева, В.Ю. Шведова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. — 816 с. —
(«Русские беседы». РАН, Институт русской литературы (Пушкинский дом);
Государственный музей Л.Н. Толстого)..... 201

Пестова Н.В. —

История литературы Германии XX века. Т. I (1880–1945):
В 2 кн. Кн. 2: Литература Германии между 1918 и 1945 годами /
Отв. ред.-сост. Т.В. Кудрявцева, В.Д. Седелник. М.: ИМЛИ РАН, 2018. — 984 с. 205

CONTENTS

CELEBRATING THE 220TH ANNIVERSARY OF ALEXANDER PUSHKIN

Naumov O.N., Zhuravlev V.V. Pushkin's Dynasty in the Sociocultural Space of Russia.....	11
Gulin A.V. Revolution and Sovereign Tradition in Alexander Pushkin's Early Works ("Ode to Liberty").....	24

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

HISTORICAL SCIENCES

Zvyagintsev A.G. "Nazi Virus".....	41
Belyaev L.A. Russian Archaeology in Palestine.....	51

ECONOMICS

Toroptsev E.L., Marakhovsky A.S. Equivalent Dynamic Inter-Sectoral Balance in Sustainability Issues.....	65
--	----

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCE

Pozdnyakova M.E. New Drug Situation in Russia.....	77
Bochkarev S.A. Philosophy and Branches of Law: Issues of Convergence.....	90
Alevras N.N., Grishina N.V., Vydrin O.V. Dissertation Culture of Russian Universities of the 19 th – Early 20 th Centuries.....	100

PHILOLOGY. ART CRITICISM

Fedorov M.L. "How the Fourteenth Division Got to Heaven" by Demyan Bedny: from a Poem to a Play.....	111
Slyunkova I.N. Category of Time and the Concept of Ideal Residence of the Monarch in the Architecture of the Great Livadia Palace.....	122

COMPLEX HUMAN STUDY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Nartova-Bochaver S.K., Silina O.V. Genesis of Psychological Sovereignty: Birth Order Factor.....	137
Miklyaeva A.V. Socio-Psychological Approach to the Study of Personal Infantilism.....	147

FIELD RESEARCH

- Korobov D.S.**
Site-Catchment Study of Kislovodsk Depression..... 158
- Ryzhakova S.I.**
Indian Artistic Communities and Trance Practices: Local Traditions of Gujarat,
Assam and Kerala..... 170

CONFERENCES. CONVENTIONS. SYMPOSIA

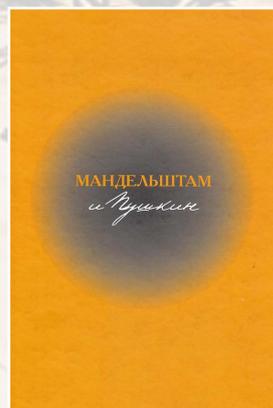
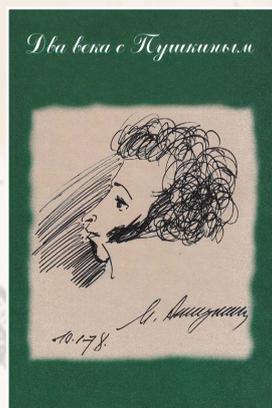
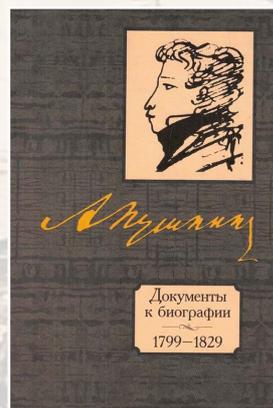
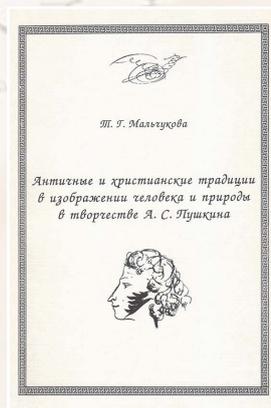
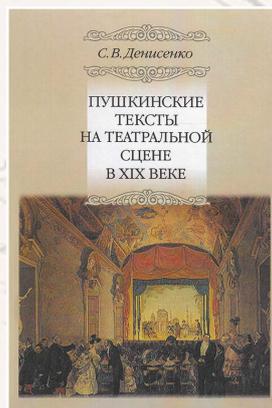
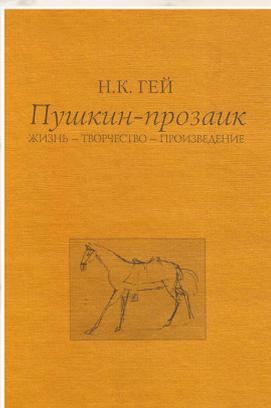
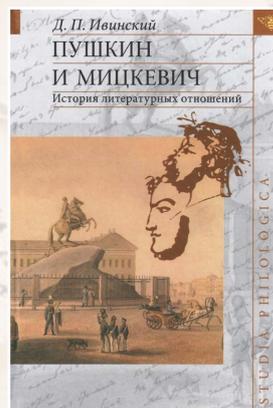
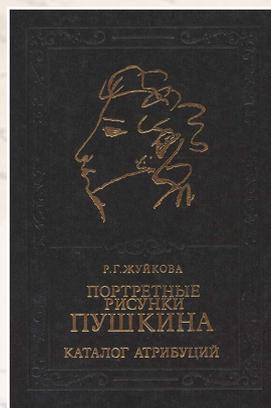
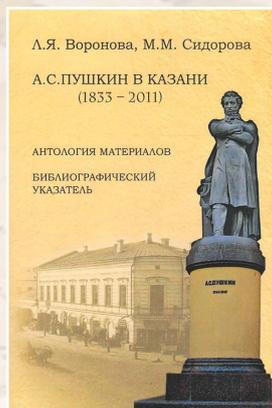
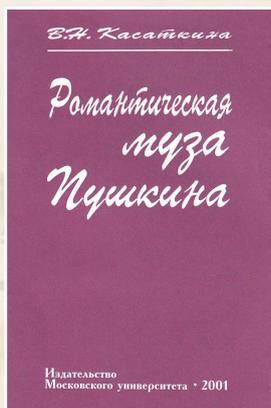
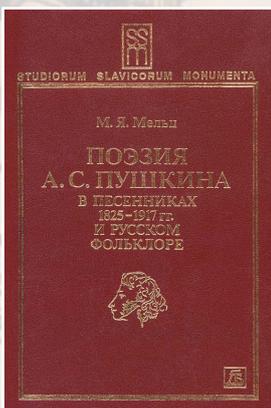
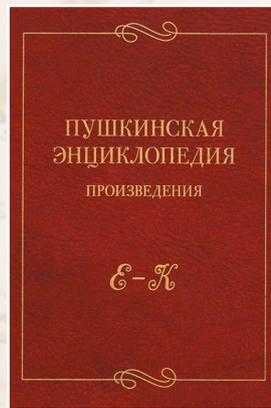
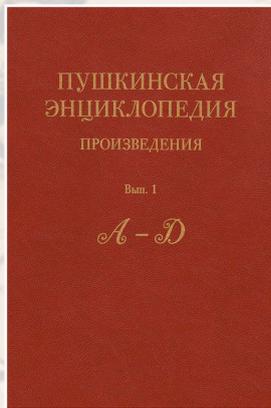
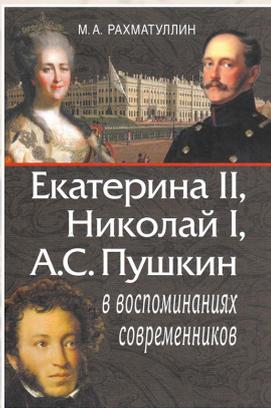
- Vdovichenko M.V.**
Russian National Scientific Conference with International Participants
“The Age of Archaeology: Discoveries — Tasks — Prospects”
(Moscow, April 10–12, 2019)..... 182
- Baryshnikov V.N., Vozgrin V.E., Kozlov N.O.**
21st International Scientific Conference “St. Petersburg
and the Nordic Countries” (St. Petersburg, April 3–4, 2019)..... 187
- Demina V.N., Krylova A.V.**
International Conference “Synthesis in Contemporary Musical Culture”
(Rostov-on-Don, April 11–15, 2019)..... 192

THE RFBR BOOK WORLD

- Topychkanov A.V. —**
Belyaev L.A., Mednikova M.B. In Search of the Romanovs' Boyars:
Cross-Sectoral Study of the Tomb of the 16th — 17th Centuries in Znamenskaya Church
of Novospassky Monastery in Moscow: in 2 vols. Vol. 1 / ed. N.A. Makarov;
Institute of Archaeology, RAS. Moscow, ClubPrint Publ., 2018. 208 p. 197
- Shcherbakova M.I. —**
Soulmates. Correspondence between L.N. Tolstoy and N.N. Strakhov (1870–1896):
in 2 vols. Vol. I: 1870–1879 / comp., prepared and comments by L.V. Kalyuzhnaya,
T.G. Nikiforova, V.A. Fateeva, V.Yu. Shvedov. St. Petersburg, Pushkinsky Dom Pub.,
2018. 816 p. (“Russian Conversations”. RAS, Institute of Russian Literature
(Pushkin’s House); The Leo Tolstoy State Museum)..... 201
- Pestova N.V. —**
History of the Germany’s Literature of the 20th Century. Vol. I (1880–1945).
In 2 b. B. 2: Literature of Germany in 1918–1945 / ed.-comp. T.V. Kudryavtseva,
V.D. Sedelnik. Moscow, M. Gorky Institute of World Literature, the Russian Academy
of Science, 2018. 984 p. 205

*К 220-летию со дня рождения
Александра Сергеевича Пушкина*

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ

А.С. Пушкина,

ИЗДАННЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА

УДК 929.7
ГРНТИ ГРНТИ 03.81.25
DOI: 10.22204/2587-8956-2019-095-02-11-23

**О.Н. НАУМОВ,
В.В. ЖУРАВЛЁВ***

Род Пушкиных в социокультурном пространстве России

В 2018 г. коллектив специалистов в области истории и генеалогии завершил исследовательский этап работы над проектом фундаментального обобщающего издания «Пушкины: семейная энциклопедия». Методически энциклопедия основана на комплексном социогенеалогическом подходе, который на примере рода Пушкиных позволил создать универсальный образ дворянского рода в широком историческом контексте, показать его вклад в историю российской государственности и культуры. Энциклопедия подводит итоги многолетнего изучения рода Пушкиных. Она содержит статьи не только о персоналиях, но и о связанных с ними имениях, орденах, государственных учреждениях, исторических событиях, войнах, родственных семьях и др. Хронологические рамки издания – с XIII в. до настоящего времени.

Ключевые слова: история России XIII–XXI вв., дворянский род Пушкиных, поколенная роспись, социогенеалогия, просопография, микроисторический и макроисторический подходы в познании прошлого

Настоящий проект не имеет аналогов в отечественной и зарубежной энциклопедической литературе. Его мало назвать просто справочным. Как подлинно исследовательский труд он призван заполнить серьёзную лакуну, образовавшуюся на стыке литературоведения и истории. А именно: притом что великому поэту посвящены тысячи книг, десятки, а может быть, и сотни тысяч статей, мы не име-

ли до сих пор издания, которое полно и системно воссоздавало бы многогранную жизнедеятельность многих поколений, составивших мощное генеалогическое древо его рода.

Род Пушкиных – один из самых старинных дворянских родов не только в нашей стране, но и в Европе. По древности он занимает в России третье место после Рюриковичей и Протасьевичей (Аксаковых), значительно опережая

* **Наумов Олег Николаевич** — доктор исторических наук, профессор кафедры Новейшей истории России Московского государственного областного университета (МГОУ), руководитель проекта «Пушкины: семейная энциклопедия» (16-01-00276а).

E-mail: onnaum@mail.ru

Журавлёв Валерий Васильевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой Новейшей истории России МГОУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: 89165541841@yandex.ru

Ил. 1. Сергей Александрович Пушкин.
Конец XIX – начало XX в. Государственный музей
А.С. Пушкина

(более чем на столетие) становление царско-императорской в будущем династии Романовых.

За лаконичными, казалось бы, бесстрастными строками энциклопедических статей (как это и полагается по законам жанра, предписывающего предоставлять читателю «максимум информации при минимуме слов») в настоящем исследовании раскрывается многовековая драма древнего дворянского рода, реализующего свой разносторонний социальный и индивидуальный потенциал участием практически во всех значимых событиях российской истории.

Истоки рода Пушкиных

У истоков рода мы, вослед поэту и его семейным преданиям, видим легендарную фигуру «прусского выходца Радши или Рачи (мужа честна, говорит лето-

писец, т.е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского» [1, с. 238]. Позднее, впрочем, исследователи (прежде всего В.К.Лукомский) усомнились в прусском происхождении Радши, приведя доводы в пользу славянских (сербских) корней его рода, ведущего своё начало из Семигорья [2].

В анналах, повествующих о Невской битве 1240 г., значится имя легендарного представителя рода *Гаврилы Олексича*, героически проявившего себя в схватке со шведами. *Григорий Александрович Пушкика*, который жил ориентировочно в XIV в., являлся для поэта, в согласии с семейными представлениями, родоначальником рода, давшим ему фамилию. Указывая на неустойчивость фамилий в потомстве Радши специалисты вместе с тем отмечают, что Пушкины отличались «сильно развитым чувством единства рода, ощущением себя консолидированной родовой корпорацией» (см. статью энциклопедии «Фамилия»). Оставив свой след, а точнее – «борозду», протянувшуюся через века российской истории, представители рода в силу своей социальной активности, равнодушия к судьбам Отечества оказывались подчас на авансцене её особо драматических, ярких, неповторимых событий.

Пушкины и Смутное время

Так, к числу «самых замечательных лиц в эпоху самозванцев» [1, с. 238] поэт с полным основанием относил думного дворянина *Гавриила Григорьевича Слепого* (умер в 1638 г.). В последние годы правления Ивана Грозного и в пору царствования Фёдора Иоанновича, как свидетельствует посвящённая ему статья в энциклопедии, он выполнял различного рода административные и воинские поручения в Москве, Дорогобуже, Белгороде, Устюжине, Ругодиве, Можайске, Погорелом Городище... Участвовал в Крымском походе в 1598 г. в качестве головы касимовских татар. Но в 1601 г., будучи

вторым воеводой в Белгороде, впал в немилость, что, судя по всему, и определило его отношение к режиму Бориса Годунова. Примкнув к Лжедмитрию I, в мае 1605 г. с одобрения Самозванца «напросился» и вёл, как бы сегодня сказали, подрывную работу среди москвичей, направленную на свержение молодого Фёдора Борисовича Годунова. Преуспев в этом, был пожалован в думные дворяне и сокольничие.

В 1606 г. Гаврила Пушкин присутствовал на свадьбе Лжедмитрия и Марины Мнишек, «сидел под дружками». Лжедмитрия II, однако, не принял, оказывая «тушинскому вору» противодействие, что стало поворотным моментом в его отношении к происходившей в стране междоусобице. В 1608–1609 гг. в качестве воеводы он боролся с поляками, а затем и с татарами, испытав вместе с соратниками в составе войска князя Дмитрия Шуйского горечь поражения в битве у села Клушино близ Можайска. В 1610 г., не заручившись изволением Патриарха и Думы, участвовал в самочинном пострижении и водворении в монастырь бывшего царя Василия Шуйского и его жены. Славный для истории Отечества 1612 г. Гаврила Пушкин встретил уже в рядах решительных сторонников борьбы с польско-литовскими интервентами и всеми «врагами отечества, которые завели смуту».

В драме «Борис Годунов» Александр Сергеевич именно ему вложил в уста слова, отражающие понимание поэтом самой сути того, что позволило стране после тяжчайших испытаний преодолеть «умопомешательство» междуцарствия. Обращаясь к переметнувшемуся к Самозванцу воеводе П.Ф.Басманову, Гаврила Пушкин вопрошает:

*«Но знаешь ли, чем сильны мы,
Басманов?
Не войском, нет, не польскою
помогой,
А мнением, да! мнением народным...»*
[3, с. 253].

Ил. 2. Александр Александрович Пушкин, праправнук А.С.Пушкина, с женой Марией Александровной Пушкиной, рождённой Дурново, потомницей А.С.Пушкина по женской линии. Начало XXI в. Личный архив А.А.Пушкина (Бельгия)

Достоинство своё и своего рода Гавриил Григорьевич смело (если не сказать — отчаянно) отстаивал и перед вступающим на престол Михаилом Фёдоровичем Романовым. Коллизию эту классик отечественной историографии С.М.Соловьёв описал следующим образом: «11 июля [1613 г.] происходило царское венчание. Перед тем, как идти в Успенский собор, Государь сидел в Золотой подписной палате, и тут сказано было боярство двоим стольникам: родственнику царскому князю Ивану Борисовичу Черкасскому и вождю-освободителю, князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому; у сказки последнему назначен был стоять думный дворянин Гаврила Пушкин, который бил челом, что ему у сказки стоять и меньше князя Дмитрия быть неуместно, потому что его родственники меньше Пожарских нигде не бывали» [4, с. 16].

Ил. 3. Пушкины из костромской ветви рода. 1952 г. Личный архив Пушкиных

Ил. 4. Слева направо: потомок А.С.Пушкина по женской линии графиня Клотильда фон Ринтелен, Пётр Сергеевич Пушкин и его жена Алла Андреевна. 2000-е гг. Личный архив Пушкиных

Ил. 5. Константин Петрович Пушкин с женой Ириной Олеговной и дочерью Марией у семейной могилы Пушкиных. Усадьба Новинки. Костромская обл. 2013 г. Личный архив Пушкиных

Конфликт этот, однако, не помешал «смутьяну» уже после Смуты верно служить новой династии. Так, весной 1618 г. именно его назначают воеводой у Среденских ворот для возможного отражения двигавшихся на Москву войск литовского королевича Владислава и гетмана Я.К.Ходкевича. А осенью того же года ему велено быть первым воеводой у тех же ворот, чтобы «государству и земскому делу порухи не было». И так вплоть до 1626 г., когда он был отпущен царём в деревню вместе с двумя сыновьями. Колоритную личность Гавриила Григорьевича Слепого с полным основанием можно рассматривать как своего рода обобщённый портрет актора (по современной терминологии) Смутного времени со всеми присущими ему сомнениями, колебаниями, метаниями, заблуждениями, ошибками и в итоге — прозрениями, которые вывели его на путь верного служения новой династии и возрождающейся России.

Преуспели на ниве укрепления основ царского, а затем и имперского могущества страны и потомки Слепого.

Пушкины в зеркале социогенеалогии

Не оставались Пушкины в тени при принятии важных государственных решений. Четверо из них, напоминая критикам рода поэт, «подписались под грамотою об избрании на царство Романовых, а один из них окольный Матвей Степанович под соборным деянием об уничтожении местничества...» [1, с. 67].

Трое Пушкиных (*Борис Иванович, Григорий Гаврилович, Степан Гаврилович*) подписали Соборное уложение 1649 г. — важнейший правовой акт, прослуживший в виде основополагающего вплоть до царствования Николая I [5].

Трудно назвать сменявшие друг друга вплоть до начала XX столетия государственные учреждения (Дума, приказы, Сенат, коллегии, министерства, департа-

Ил. 6. Самый ранний герб Пушкиных. 1755 г.
Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

менты, канцелярии, палаты), в которых не служили бы представители рода, занимая самые различные должности и обладая внушительным набором чинов и званий. В допетровской Руси Пушкины — это бояре, воеводы, дети боярские, думные дворяне, окольные, оружейники, сокольники, стольники, стряпчие... В императорской России — в соответствии с Табелью о рангах — они верно служили «царю и отечеству», будучи облечёнными чинами в диапазоне от тайных советников и действительных статских советников до коллежских ассессоров, титулярных советников, коллежских секретарей и коллежских регистраторов. Даже последний — самый низший 14-й чин Табели о рангах —

в системе государственного, «рационального» бюрократизма мог обладать немалыми возможностями в прохождении дел. Это отразила знаковая поговорка: «Коллежский регистратор — совсем как император».

В послужном списке Пушкиных — государственных служащих мы находим губернаторов и вице-губернаторов, сенаторов, прокуроров. В армии — обладателей почти полного набора воинских чинов и званий: от генерал-лейтенанта до поручика, прапорщика и юнкера (ил. 1). Во флоте — от контр-адмирала до капитанов 2-го и 3-го рангов.

Активно работали они и в выборных местных органах самоуправления — земствах, в дворянских депутатских собраниях, в различного рода комиссиях и комитетах. Например, в Комитете для обсуждения мер к улучшению быта помещичьих крестьян.

Свою сословную функцию представителей дворянского рода Пушкины в полную меру реализовали, принимая непосредственное участие в войнах, которые веками вела Россия. За семь столетий её

истории с 1240 по 1945 г. источники зафиксировали их причастность как минимум к 26 военным кампаниям. В том числе к таким, как Азовские, Крымские и Казанские походы, Северная война, Русско-персидские и Русско-турецкие войны XVIII столетия, Семилетняя война, Итальянский поход Суворова, Русско-французская война 1806–1807 гг., Отечественная война 1812 г., Заграничные походы 1813–1815 гг., Крымская война, Русско-японская война 1904–1905 гг., Первая мировая война, Советско-финская (зимняя) война 1939–1940 гг., Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

Исторический путь протяжённостью в без малого восемь столетий, проделанный представителями рода Пушкиных,

Ил. 7. Князь Сергей Иванович Гагарин, муж В.М. Пушкиной. Первая половина XIX в. Государственный исторический музей

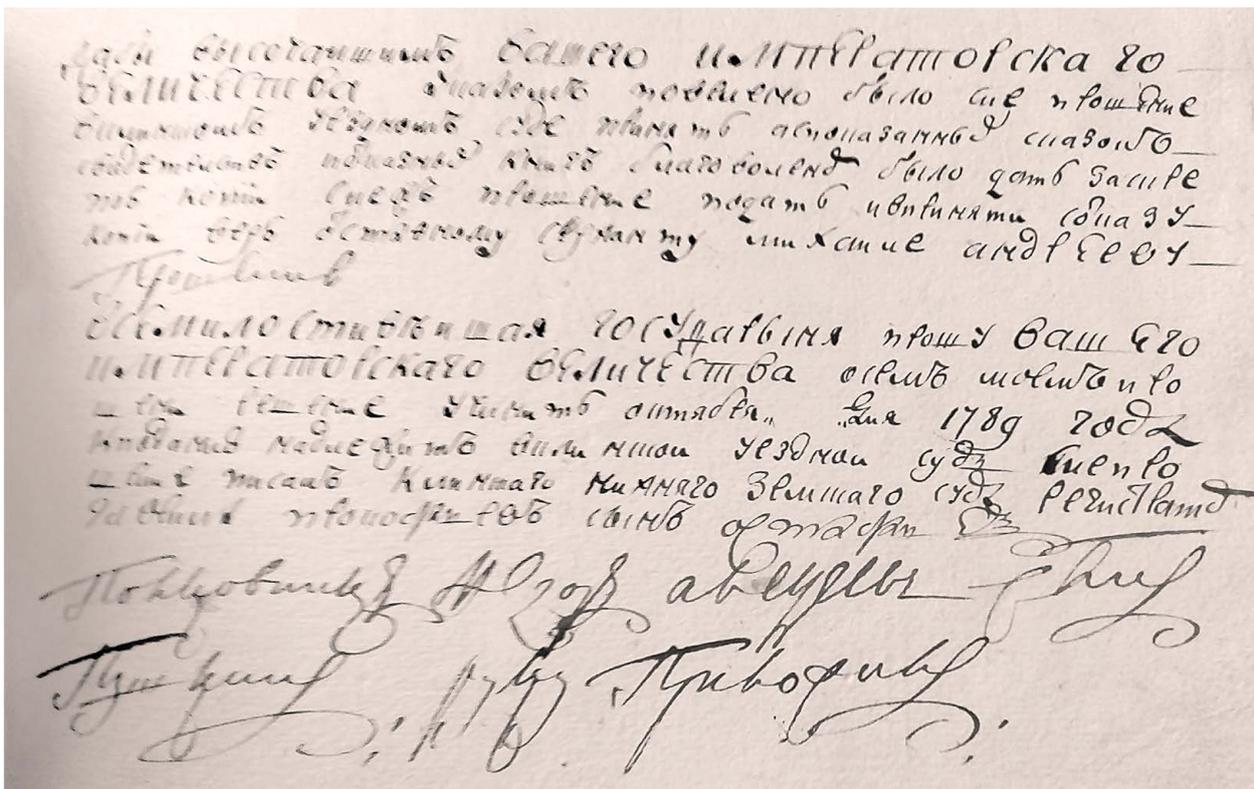
Ил. 8. Княгиня Варвара Михайловна Гагарина, урождённая Пушкина. Начало 1840-х гг. Государственный исторический музей

не может не поражать. А их способность находить достойное (а подчас и уникальное) место, свой «алтарь», выражаясь пушкинским слогом, самореализации в служении Отечеству в калейдоскопе сменявших друг друга эпох и режимов — восхищает. От былинного богатыря Гаврилы Олексича, чуть было не пленившего шведского полководца Биргера в Невской битве 1240 г., до правнука поэта, ветерана Советско-финской, а затем и Великой Отечественной войны и Ударника коммунистического труда Григория Григорьевича (1912–1997) — дистанция космического масштаба. Все немислимые повороты и зигзаги истории своей многострадальной страны Пушкины прошли с честью и достоинством, «выпестовав» гения мирового масштаба силой своего социального неравнодушия и мощью интеллектуальной энергии.

Историзм А.С. Пушкина

Историзм пушкинского мировоззрения и миропонимания заключается в уникальной способности поэта видеть в настоящем генетические корни прошлого, а в прошлом — живые ростки настоящего. Как бы убеждая нас в том, что не только общество в целом, но и его конкретные представители способны нести в себе некий генетический код, заложенный сложным опытом прошлого и передающийся из поколения в поколение.

Отсюда и удивительная уверенность поэта в *личной сопричастности* — через своих предков — всему тому, что вершилось (как в позитивном, так и в негативном отношениях) на протяжении столетий российской истории. В этом весь Пушкин. В само понимание Отечества он вкладывал не только обобщающий социальный, но и сугубо личный смысл:

Ил. 9. Автограф Фёдора Алексеевича Пушкина. 1789 г.
Центральный государственный архив г. Москвы

«Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам».

Отказаться от своего Отечества для поэта значило предать своих «пращуров» — отцов, дедов, прадедов...

«...Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал» [6, с. 287–288]. И эти строки из полемического письма к П.Я. Чаадаеву, написанные поэтом за три с небольшим месяца до гибели, можно считать итоговыми в его понимании прошлого и настоящего России. С надеждой на её достойное будущее.

Энциклопедия о Пушкиных как свод знаний

Концепция энциклопедии и структура её статей базируются на социогенеало-

гическом подходе к проблеме изучения древнего дворянского рода с многовековыми традициями. Суть этого подхода, широко разрабатываемого современной наукой, состоит в том, чтобы показать жизнедеятельность рода на протяжении веков в интерьере сменяющихся эпох со всеми социально значимыми составляющими каждой из этих эпох. Его можно считать логическим продолжением и развитием антропологического видения прошлого на уровне объекта, предмета и задач генеалогии. Усматривая при этом в двух исходных составляющих нашего бытия и сознания — Человеке и Истории — как бы сообщающиеся сосуды, когда История раскрывает себя через Человека, а Человек — через Историю.

Подход этот уже был исследовательски применён подготовителями и данного издания на материалах рода Аксаковых [7], показав свою методологическую и познавательную эффективность, вызвав интерес как специалистов, так и широко-

Ил. 10. Александр Львович Пушкин. 1885 г.
Государственный музей А.С. Пушкина

го круга читателей. Реализация этого издания также была поддержана Фондом.

Наш исследовательский проект базируется на основополагающих для современной науки понятиях микро- и макроисторических подходов к познанию прошлого. Микроуровень состоит в данном случае в реконструкции генеалогического древа и создании обобщённого, просопографического¹ портрета рода Пушкиных. Макроисторический подход реализуется через включение семейных событий и явлений в контекст социальных и духовных проявлений, запросов и вызовов эпохи.

Важнейшая инновация данного проекта заключается в том, что он основывается на впервые восстановленной в адекватном виде полной *поколенной росписи* рода Пушкиных, избавленной от неточ-

ностей и искажений, имевших место неоднократно попыток решения данной задачи и отличающейся практически универсальной полнотой. В том числе с включением основных параметров социогенеалогического описания современного состояния рода, который далёк от включения в «красную генеалогическую книгу».

К 2009 г., когда в Москве проходил Съезд потомков А.С. Пушкина, «диаспора» его славного рода насчитывала 234 представителя. Из них 65 проживало в России и 149 — в зарубежье (ближнем и дальнем), в том числе в Англии, Германии, Франции, Бельгии, Швейцарии, США, на Гавайских островах, в Марокко (ил. 2).

В русле указанного выше подхода главное место в энциклопедии занимают биографические статьи о членах рода Пушкиных. Персоналий, распи-

Ил. 11. Сергей Львович Пушкин, отец А.С. Пушкина.
Начало XIX в. Государственный музей А.С. Пушкина

¹ Просопография — это «исследование, в том числе и сравнительное, коллективных биографий групп, отличающихся от остальной части общества профессией, родом занятий и социальным статусом» [См.: Словарь историка. М.: РОССПЭН, 2011. С. 143].

Ил. 12. Наталья Николаевна Пушкина. 1849 г.
Государственный музей А.С.Пушкина

Ил. 13. Мария Львовна Нейкирх, племянница
А.С.Пушкина. Третья четверть XIX в.
Государственный музей А.С.Пушкина

санных непосредственно на эту фамилию, насчитывается 236, без учёта других ветвей рода: Бобрищевых-Пушкиных, Внуковых-Пушкиных, Мусиных-Пушкиных, Шафериковых-Пушкиных. При этом последовательно проводится принцип гендерного равенства, когда одинаковое внимание уделялось и мужским, и женским представителям рода. Были подготовлены также справки о лицах, с которыми они заключили браки (ил. 3–5).

В каждой из биографических статей указывается принадлежность данного лица к ветви рода, отмечаются ближайшие родственники (отец, мать, жена, дети). По возможности эти сведения дополняются фактами, почерпнутыми из мемуаров и других источников, способных дать представление о личностных качествах, характере, стиле поведения, привычках и прочих индивидуальных чертах данного лица. Прослеживаются этапы его жизни и деятельности (в первую очередь служебной) с указанием титулов, чинов, званий, поощрений и пожалований (в том числе земельных), наград и проч. Все упоминания о Пушкиных сопровождаются номером, под которым они значатся в *Поколенной росписи*, приложенной к основному тексту.

Каждая из статей общего характера содержит раздел, касающийся Пушкиных: кто и когда принимал участие в этом историческом событии; служил или обучался в данном учреждении или заведении; был награждён орденом; имел титул, чин или звание; владел имением; занимал должности в местном управлении.

Особо подчеркнём, что в процессе работы над энциклопедией были обнаружены уникальные архивные документы, например самый ранний и неизвестный прежде герб Пушкиных (ил. 6).

Статьи о государственных учреждениях, в которых когда-либо служили Пушкины, содержат сведения о годе создания, структуре с её изменениями, а также сроке и обстоятельствах их ликвида-

ции. Статья о чине или звании включает сведения о его учреждении, эволюции, условиях получения, обстоятельствах ликвидации.

Статьи о войнах, в которых принимали участие представители рода Пушкиных, дают читателю информацию о причинах, периодизации и ходе военных действий, наиболее важных сражениях, их итогах.

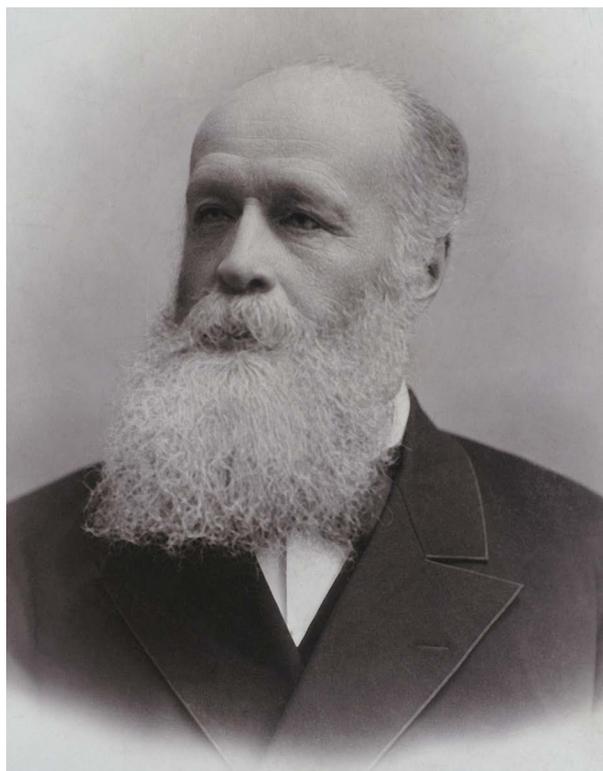
Статьи историко-географического характера, раскрывающие топонимическое многообразие расселения представителей изучаемого рода, а также факты владения или распоряжения ими земельной собственностью, содержат данные о географическом положении вотчины или поместья, их экономическом и культурном развитии, наиболее важных событиях. При этом город, селение, уезд, район, губерния, область указываются по существовавшему в то или иное время административно-территориальному делению; в необходимых случаях приводится их современное название.

Статьи о родах, генеалогически связанных с Пушкиными, включают информацию о родоначальнике с критической — при необходимости — её оценкой, данные о стратификации рода и его социогенеалогическом развитии, о землевладении, юридическом признании статуса, о гербе, а также о том, каким образом данный род породнился с Пушкиными и существует ли он в настоящее время (ил. 7, 8).

Статья о том или ином произведении Александра Сергеевича содержит сведения о времени его создания, первой публикации, структуре, сюжете, месте хранения рукописи и т.д.

В статьях, посвящённых исследователям рода Пушкиных и проблемам генеалогии в целом, указываются данные об их образовании, учёных степенях и званиях, научной деятельности, теоретико-методологических взглядах.

Библиографический список, завершающий каждую статью, как правило, включает указания на библиографические посо-

Ил. 14. Григорий Александрович Пушкин, сын А.С. Пушкина. Конец XIX – начало XX в. Государственный музей А.С. Пушкина

Ил. 15. Юлия Григорьевна Пушкина, праправнучка А.С. Пушкина. Начало XXI в. Государственный музей А.С. Пушкина

бия, источники (сначала архивные, затем опубликованные), а также исследовательскую литературу. В необходимых случаях ссылки на архивные документы и литературу даются в тексте статьи; факсимиле некоторых архивных документов воспроизводятся в тексте (ил. 9).

В необходимых и возможных случаях статьи сопровождаются иллюстрациями. Авторы проекта стремились с максимальной полнотой выявить и представить читателю — в границах, конечно, издательских возможностей — иллюстрации к биографическим статьям, посвящённым представителям рода Пушкиных (ил. 10–15).

Общеисторический, социологический и социально-практический смысл настоящего исследовательского поиска участники проекта видят, в первую очередь, в том, что систематизированное воссоздание исторической судьбы рода Пушкиных (в её многогранной целостности и на длительной временной дистанции) вплотную подводит к решению задач реконструкции *универсального образа* отечественного дворянского рода как такового. И этим самым открывает новые горизонты и возможности для дальнейшего изучения такой безбрежной темы, как место и роль дворянства в становлении и многовековой эволюции российской цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пушкин А.С. Избранное: В 2 ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН, 2010.
2. Лукомский В.К. Архивные материалы о родоначальнике Пушкиных — Радше // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 6. М.; Л., 1941. С. 398–408.
3. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1975.
4. Соловьёв С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. V. Т. 9–10. М.: Мысль, 1990.
5. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. [Собр. 1-е]. СПб., 1830. Т. 1–45.
6. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 10. М.: Художественная литература, 1978.
7. Аксаковы: семейная энциклопедия. М.: Политическая энциклопедия, 2015. [Идея проекта заместителей отв. редактора А.С. Кулешова и О.Н. Наумова].
8. Наумов О.Н. Пушкины и советская власть: (опыт социогенеалогического дискурса) // Клио. 2017. № 5. С. 105–114.

ENGLISH

Pushkin's Dynasty in the Sociocultural Space of Russia

Oleg Nikolaevich Naumov — DSc in History, Professor of the Department of Modern History of Russia, Moscow State Regional University, supervisor of the project “The Pushkins: Family Encyclopaedia” (16-01-00276a).

E-mail: onnaum@mail.ru

Valeriy Vasilyevich Zhuravlev — DSc in History, Head of the Department of Modern History of Russia, Moscow State Regional University, co-performer in the same project.

E-mail: 89165541841@yandex.ru

In 2018, a team of experts in history and genealogy completed the research phase of the project on the fundamental generalizing publication “The Pushkins: Family Encyclopaedia”. In terms of the applied methods, the encyclopaedia bases on the integrated sociogenic and logical approach, which, exemplified by the Pushkin's family, helped to create a universal

image of the noble dynasty in a broad historical context, show its contribution to the history of the Russian statehood and culture. The encyclopaedia sums up the long-term study of the Pushkin family. It dwells upon not only personalities, but also relevant estates, orders, public institutions, historical events, wars, kindred families, etc. The timeline covered by the publication is from the 13th century until now.

Keywords: The history of Russia of the XIII–XXI centuries, the noble family of the Pushkins, the generational painting, social and genealogy, prosopography, microhistorical and macrohistorical approaches to the knowledge of the past

REFERENCES

1. Pushkin A.S. Izbrannoe: V 2 ch. Ch. 2. M.: ROSSPEN, 2010 (in Russian).
2. Lukomskiy V.K. Arkhivnye materialy o rodonachal'nike Pushkinykh – Radshe // Vremennik Pushkinskoy komissii. Vyp. 6. M.; L., 1941. S. 398–408 (in Russian).
3. Pushkin A.S. Sobranie sochineniy: V 10 t. T. 4. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975 (in Russian).
4. Solov'yov S.M. Sochineniya: V 18 kn. Kn. V. T. 9–10. M.: Mysl', 1990 (in Russian).
5. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 g. [Sobr. 1-e]. SPb., 1830. T. 1–45 (in Russian).
6. Pushkin A.S. Sobranie sochineniy: V 10 t. T. 10. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1978 (in Russian).
7. Aksakovy: semeynaya entsiklopediya. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. [Ideya proekta zamestiteley otv. redaktora A.S. Kuleshova i O.N. Naumova] (in Russian).
8. Naumov O.N. Pushkiny i sovetskaya vlast': (opyt sotsiogenealogicheskogo diskursa) // Klio. 2017. № 5. S. 105–114 (in Russian).

А.В. ГУЛИН*

Революция и державная традиция в раннем творчестве А.С. Пушкина (ода «Вольность»)

Статья посвящена рассмотрению центральной для государственной проблематики в творчестве раннего Пушкина оды «Вольность» (1817). В процессе анализа всесторонне обосновывается положение о том, что необыкновенная устойчивость и всеохватность пушкинской оды – в надмирности её нравственного идеала, превосходящего политические реалии современности. В качестве важнейшего источника идеальных воззрений Пушкина уже в начальную творческую пору рассматривается православная Российская империя, которой лишь по первому впечатлению художник себя противопоставляет. Делается вывод о том, что пушкинский взгляд на проблему свободы и тирании, понимание поэтом вселенских исторических процессов принадлежат не революционному сознанию, но имеют отношение к чисто русскому просвещению, ставшему особенно очевидным для современников войны 1812 г. Творческая окрылённость Пушкина определяется в значительной степени как имперская окрылённость, которая не ждёт для себя иных, благоприятных условий, но сбывается в неизбежно драматичном русском мире Нового времени.

В процессе реализации проекта было предпринято комплексное изучение одной из центральных проблем гуманитарного знания в России: определено объективное место Пушкина в государственной жизни страны, изучены многообразные направления, по которым осуществлялся в судьбе и творчестве величайшего русского поэта, историографа и политического мыслителя национальный идеал державного служения. Изучены в их диалектической сложности пути открытия и совершенного выражения Пушкиным во всех областях творчества духовной природы, мистических основ вековой русской государственности.

Ключевые слова: Пушкин, Российская империя, ода «Вольность», Александровская эпоха, декабристы, просвещение

* **Гулин Александр Вадимович** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (ИМЛИ РАН), руководитель проекта «А.С. Пушкин и российская государственность» (16-04-00134а).
E-mail: gulinimli@yandex.ru

Гражданская поэзия молодого Пушкина (ил. 1) уже при его жизни дала, казалось бы, вполне очевидный повод отнести поэта к числу противников самодержавия, приверженцев конституционного правления и демократических свобод. Таким нередко видели Пушкина официальные лица Александровского времени. Как наследие предшествующей эпохи подобные опасения иногда сопровождали поэта и в новое Николаевское время, в пору самого искреннего его сотрудничества (или поиска возможностей такого сотрудничества) с самодержавием. В свою очередь, современные поэту вольнодумцы, разумеется, безоглядно прочитывали им сказанное в духе собственных «тираноборческих» воззрений, с жадностью переписывая в заветные альбомы все новые пушкинские «дерзости». Более того, с точки зрения русских либералов и революционеров двух последующих столетий, этот фрондирующий юноша как раз и представлял собой единственно подлинного Пушкина. В XX в. официальная советская идеология обыкновенно рассматривала поэта как своеобразного «попутчика» декабристов и своего неизменного союзника.

Вольнолюбивая, как принято её называть (или вольнодумческая, как чаще называли её официальные лица первой трети XIX столетия), пушкинская поэзия между тем нечасто даёт основания для столь однозначных суждений. Известно, что Пушкин примерно до 1825 г., т.е. две трети своей жизни, находился под сильнейшим воздействием европейских (по преимуществу французских) просветительских и революционных воззрений (см.: [8]). Столь же очевидно, что ближайшее окружение Пушкина в отеческом доме, Царскосельском лицее, Петербурге, Кишинёве, Одессе так или иначе было привер-

Ил. 1. А.С. Пушкин. Автопортрет на полях рукописи поэмы «Кавказский пленник» (июнь 1821 – март 1822 г.)

жено подобной идеологии. Других взглядов на человека и мир современная поэту образованная среда предложить ему, кажется, просто не могла. Всё это нередко порождает соблазн путём механического сложения фактов представить себе некоего «аутентичного» Пушкина – гениального творца и последовательного вольнодумца. Вместе с тем масштаб личности поэта, его национальное призвание неизбежно исключали уже в молодую пору возможность безответственных либеральных иллюзий и тем более – политического радикализма.

Пушкинское постижение того или иного явления всегда предполагает множественность точек зрения, которая возникает постепенно, иногда на протяжении всей жизни поэта или заявляет о себе в пределах одного произведения, как это происходит в «Борисе Годунове», «Евгении Онегине», «Медном всаднике», «Капитанской дочке». При этом вновь сказанное (в тех случаях, когда речь не идёт о вопросах вероисповедных) никогда не перечёркивает произнесённого пре-

жде и не вступает с ним в решительное противоречие. Достигается это неким таинственным соблюдением на духовной, нравственной высоте единственно необходимой меры в суждениях отрицательных и утвердительных, различением высокого и низкого в одном. Иной, отличный от уже изложенного взгляд на предмет художественного отображения или возможность такого взгляда как бы незримо присутствует во всём, что Пушкин говорит в данный момент. И точно так же опыт минувшего, уже пережитого и высказанного, не забывается, но получает своё продолжение в новые творческие эпохи и даже в развитии одного и того же поэтического замысла. Приобретая новое, Пушкин ни от чего не отрекается, но как бы проецирует это новое на то, что было найдено прежде.

В собственных высказываниях поэт всегда соблюдает эту божественную меру. Она неотделима от совершеннейшей способности стереоскопически созерцать и выражать явление в слове. При этом очевидно, что Пушкин имеет отношение даже не к языку, а к его вечному истоку, к той творящей силе, которая вдохновляет язык и насыщает его смыслами. И она же служит для поэта началом безупречной иерархии духовных и творческих позиций. Можно сказать, что у Пушкина с каждым новым художественным образом или оценкой выверяется и приводится в согласие общая картина мира, человека или явления. Так это происходит и в постижении государственной, исторической, политической действительности, будь то русская Смута в её различных проявлениях, Петровская эпоха, война 1812 г. или фигуры Петра Великого, Наполеона, современных Пушкину государей Александра и Николая Павловичей. Хоть, разумеется, в полном согласии с духовными законами мироздания есть у Пушкина стороны жизни, явления и персоны, которые не могут быть удостоены такой многомерности.

Это свойство пушкинского гения имеет прямое отношение к той высокой «всеотзывчивости» поэта, которую в своё время чутко констатировал Н.В. Гоголь: «Пушкин дан был миру на то, чтобы доказать собою, что такое сам поэт, и ничего больше, — что такое поэт, взятый не под влиянием какого-нибудь времени или обстоятельств и не под условием также собственного, личного характера, как человека, но в независимости от всего; чтобы, если захочет потом какой-нибудь высший анатомик душевный разъять и объяснить себе, что такое в существе своём поэт, это чуткое создание, на всё откликающееся в мире и себе одному не имеющее отклика, то чтобы он удовлетворён был, увидев это в Пушкине. Одному Пушкину определено было показать в себе это независимое существо, это звонкое эхо, откликающееся на всякий отдельный звук, порождаемый в воздухе» [4, с. 381–382]. Разумеется, Гоголь прекрасно сознавал при этом, что пушкинское «эхо» есть не просто «аполлинический», но безупречно согласованный нравственно русский отклик на всё существующее под Солнцем.

Гражданская и политическая поэзия раннего Пушкина при жизни поэта в силу понятных причин по большей части не публиковалась. Своеобразие неподцензурного творчества обычно порождает серьёзные проблемы с точным определением его авторства. Применительно к свободолобивой поэзии Пушкина они также решены далеко не всегда. Сам поэт неоднократно сетовал на то, что молва приписывает ему антиправительственные, а то и просто сомнительные стихи других авторов. Так, в наброске «Вымышленный разговор с Александром I» он говорит: «Ваше величество, вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочинение противозаконное приписывают мне так, как всякие остроумные вымыслы князю Цицианову» [7, с. 8, 51]. В 1834 г. Пушкин записал в дневнике: «Несколько дней тому получил я от Ж.<уковского> запи-

сочку из Ц<арского> С<ела>. Он уведомлял меня, что какое-то письмо моё ходит по городу, и что г<осударь> об нём ему говорил. Я вообразил, что дело идёт о скверных стихах, исполненных отвратительного похабства, и которые публика благосклонно и милостиво приписывала мне» [6, с. 12, 328]. Спустя месяц, когда в Петербурге появилась эпиграмма на смерть графа В.П. Кочубея, Пушкин с тревогой замечает в дневнике: «...эпиграмму припишут мне, и правительство опять на меня надуется» [6, с. 12, 332].

Революционно-демократическая и советская пушкинистика приложили немалые усилия, чтобы доказать принадлежность Пушкину самых вызывающих из приписываемых поэту «вольнодумных» и даже богоборческих стихотворений и поэм. Между тем в суждениях авторитетных пушкинистов периодически звучали также и сомнения относительно принадлежности поэту того или другого не опубликованного при его жизни произведения. По преимуществу это относится к некоторым из пушкинских эпиграмм. Но делались и попытки оспорить авторство сохранившегося во множестве списков знаменитого поэтического послания 1818 г. П.Я. Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы...»). В частности, сомнения такого рода высказывал Э.Г. Бабаев, находя совершенно не характерным для Пушкина уподобление высокого ожидания «вольности святой» эротическим переживаниям молодого любовника. Впрочем, этот довод косвенно опровергается сопоставлением пушкинского послания с начальной строфой оды «Вольность» (1817) и более поздним посланием тому же Чаадаеву 1820 г., которые образуют как бы сквозное конфликтное развитие единой поэтической мысли.

К числу откровенно сомнительных текстов (авторство их традиционно считается не доказанным), вероятно, следует отнести все три приписываемых Пушкину эпиграммы на архимандрита Фотия, а также печально известное чет-

веростишье «Мы добрых граждан позабавим...». Последнее представляет собой самоубийственную дерзость, отождествление себя с преступниками, извергами человечества, погружение в самые что ни на есть inferнальные глубины французской революции. Несмотря на то, что кошунственный текст, как было доказано в литературе о Пушкине (см.: [12, с. 58–65]), является только русскоязычной обработкой известной «шутки» циника Дени Дидро, его принадлежность Пушкину можно было бы рассматривать только в качестве совершенно исключительно, невозможного попраения поэтом собственного дара.

Такого рода сомнения, разумеется, никогда не могли возникать в отношении оды «Вольность» (1817) — настоящего сердца свободолюбивой поэзии Пушкина. Значение этой оды для своего творчества прекрасно сознавал сам поэт (свидетельство тому — отсылка к ней в подводящем творческие итоги «прощальном» «Памятнике» 1836 г. и особенно в его черновой рукописи), по-своему понимало её значение и правительство, отправляя в 1820 г. молодого Пушкина из Петербурга в Южную ссылку. Идеи, высказанные в стихах «Вольности», постоянно обогащаясь, будут определять собой гражданскую мысль поэта и в «либеральную» Александровскую, и в «консервативную» Николаевскую эпохи.

* * *

Почти безмерная по своему содержанию пушкинская «Вольность» требует пространный комментарий едва ли не в каждом своём стихе и в каждом их сочетании. До некоторой степени ода Пушкина есть результат молодого упоения сознанием впервые открытой в полном объёме творческой области и найденных в себе неисчерпаемых, ещё не до конца приведённых в согласие творческих сил, которые прорываются на новом поприще чуть ли не вулканически, стремясь охватить весь мир, выразить вселенскую

проблематику. Столь же невероятны, многослойны и многозначны пушкинские смыслы, вложенные в это произведение. Их обилие и сложная иерархия при всей определённости частных высказываний поэта сообщают произведению характер не до конца разгаданной тайны. И открытие этого непознанного, по всей вероятности, возможно только в контексте всего исторического движения России и мира. Связанная своим глубинным строем с катастрофической эпохой рубежа XVIII–XIX столетий пушкинская ода создавалась как бы в ясном предвидении новых, ещё более масштабных катастроф.

Если судить по существующим рассказам о том, при каких обстоятельствах была написана «Вольность» (замысел и отдельные строфы возникли почти мгновенно в кругу молодых вольнодумцев на квартире у братьев Тургеневых, а затем к утру, уже у себя дома Пушкин завершил начатое произведение), то всё выше сказанное может показаться преувеличением. Вместе с тем как раз вдохновенная стремительность, с которой возникла эта дорогая Пушкину, во многом программная ода, вероятно, является лучшим свидетельством духовно просветлённого творчества высшей пробы.

«Пушкин начинает с гимнов революции, — писал в первой половине XX в. отечественный мыслитель Г.П.Федотов. — Напрасно трактуют их иногда как вещи слабые и не заслуживающие внимания. “Кинжал” прекрасен, и послание к Чаадаеву принадлежит к лучшим, и, что удивительно, совершенно зрелым (1818 г.) созданиям Пушкина. Среди современных им вакхических и вольтерьянских шалостей пера, революционные гимны Пушкина поражают своей глубокой серьёзностью» [9, с. 368]. Самое значительное политическое создание раннего Пушкина — «вслед Радищеву» написанная «Вольность» — безусловно, имеет многие признаки такого «революционного гимна». Особенно «вольнодумческими» выглядят

на протяжении оды два памятных каждому поэтическим высказывания. Первое из них:

*Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внимайте,
Восстаньте, падшие рабы!* [6, с. 2, 45].

И второе, может быть, ещё более прославленное:

*Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты Богу на земле*
[Там же, с. 2, 47].

Извлечённые из единого сцепления образов и мыслей, которым образована пушкинская ода, эти фрагменты могут получать очевидно «поджигательное», тираноборческое значение. Более того, каждый из них, обладая несравненной афористичностью, как бы ещё и стремится к самостоятельному существованию. И хотя очевидно, что призыв «восстаньте» означает избавление рабов от «падшего» состояния, всё же он неотделим от обращённого к тиранам «трепещите» и одновременно может восприниматься как действительный призыв к восстанию. Точно так же тирада «Самовластительный Злодей!..», по всем признакам обращённая к Наполеону или к революционной толпе (или даже к тому и другой одновременно, как, впрочем, и к любому самовластью), всё же неотделима от ненависти именно к трону и может быть легко спроецирована на другие троны, преступные по мысли поэта.

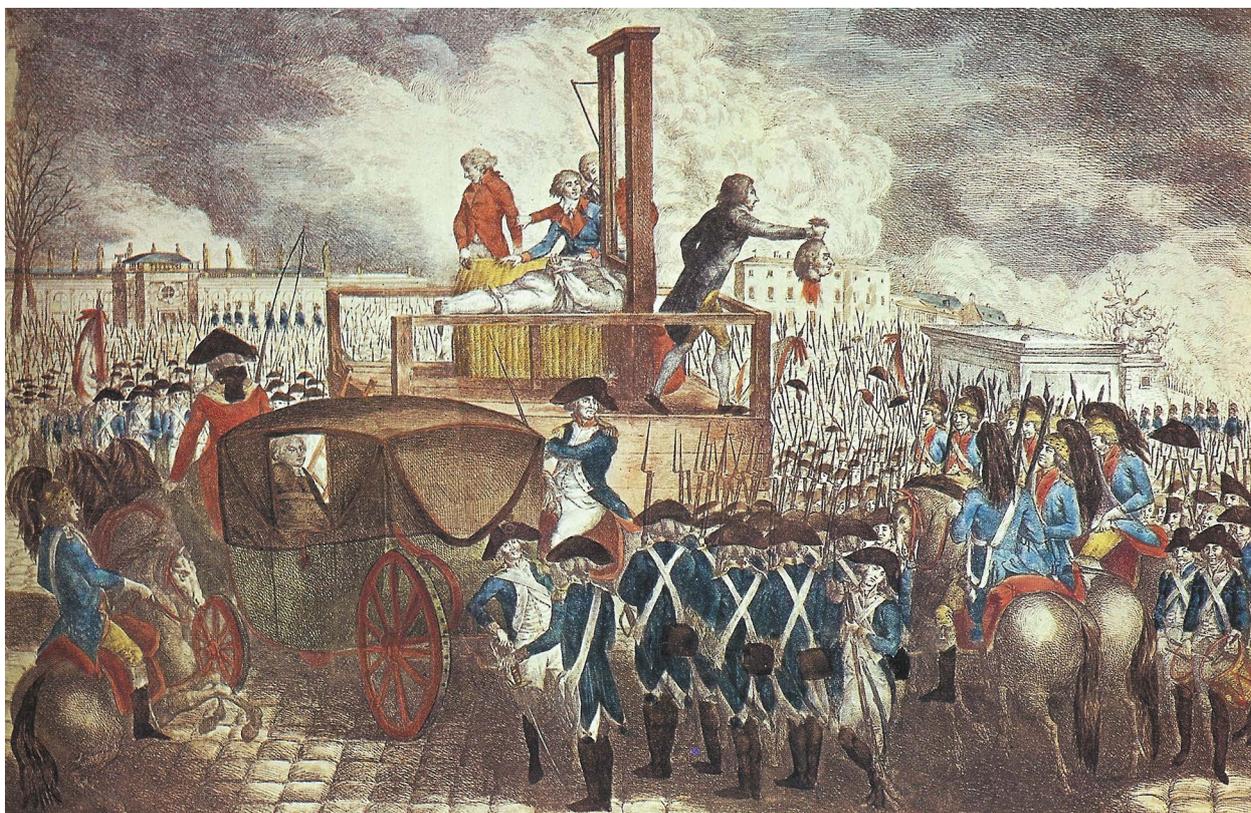
Вместе с тем революционная риторика произведения, оставаясь его неотъемлемой составляющей, всё же сохраняет значение, прежде всего, вдохновенной

дерзости, призванной тем вернее привлечь внимание к центральной и глубоко традиционной мысли поэта. Оставляя до времени в стороне вопрос о тех значениях, которые получают в пушкинской оде понятия «Закон» и «законы», необходимо признать, что насыщенная поэтическими формулами собственно историческая картина «Вольности» выступает прямым опровержением «революционного гимна». Европейская и отчасти русская история двух столетий предстают у Пушкина чередой благонамеренных ошибок или явных злодеяний, когда одно тиранство — будь то человека или народа — порождает собой новое и новое попрание Бога и человечества. Свидетельством тому становятся показанные в единственных по смысловой полноте «сжатых» определениях недавняя французская революция, вероломная казнь Людовика XVI («мученик ошибок славных») (ил. 2), Наполеоновская эпоха во Франции и в мире. И как развитие единой закономерности вспоминается в связи с видом Михайловско-

го замка (ил. 3) (квартира братьев Тургеневых, с которой связано создание «Вольности», находилась в доме на противоположном берегу Фонтанки — ил. 4–5) злодейское убийство «увенчанного злодея» императора Павла Петровича. По аналогии с французскими событиями можно предположить, что и в России череда преступлений не заканчивается смертью императора Павла. Касаясь этой запретной темы, Пушкин определённо дерзит современным властям, бросает вызов самому императору.

Важнейшее понятие, которое находится у истоков пушкинской оды, — понятие Закона. Не сотворённого человеком закона (для таковых у поэта существует написанное со строчной буквы определение — «законы»), но «вечного Закона», последней меры всего сущего:

*Владыки! вам венец и трон
Дает Закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон [6, с. 2, 47].*

Ил. 2. Казнь короля Людовика XVI 21 января 1793 г.

Понятно, что вечный Закон — это Закон Божий, закон нравственный. Однако здесь возникает важнейший вопрос: какую нравственность подразумевает Пушкин? Есть ли это заповеди Христовы, или перед нами вполне гуманистическая, принятая на вооружение подавляющим большинством просветителей концепция некоего надконфессионального абсолюта? Ответ на этот вопрос имеет самое прямое отношение к проблеме пушкинской революционности. Ода «Вольность» оставляет достаточно широкий простор для его решения. На протяжении двух столетий со времени написания этих стихов они прочитывались, например, в строго православном ключе (см.: [2]), вплоть до сопоставления пушкинской строфы «Самовластительный злодей...» и слов из псалма царя Давида: *Дочь Вавилона, опустошительница! блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам! Блажен, кто возьмёт и разобьёт младенцев твоих о камень!* [Пс. 136, 7–9]. Разумеется, не было недостатка и в сугубо революционных трактовках Закона как естественных, данных самой природой прав человека или в других, либеральных вариациях на ту же тему.

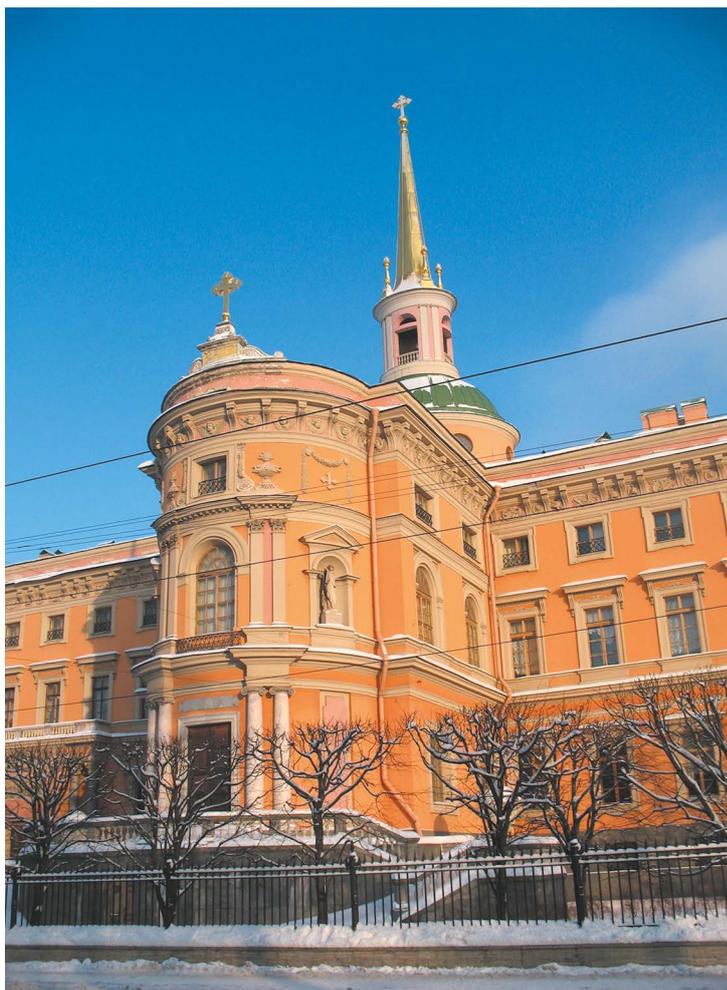
Впрочем, нельзя не заметить, что Закон и природа выступают у Пушкина в противопоставлении. Закон — это начало всех начал. И царская власть сопряжена с ним нераздельно. Тем самым пушкинская ода ни в коем случае не есть покушение против царского трона. Цель её другая: «На тронах поразить порок», очистить, облагородить властные истоки. И этим действительно ограничена мера революционности поэта.

Не менее значительным, чем понятие «Закон», для молодого Пушкина (и не только в строках оды «Вольность») оказывается представление о самовластье. Оно многократно рассматривалось пушкинистами. Замечательный исследователь русской литературы Ю.В.Лебедев однажды высказал мнение о том, что в развитие исторической концепции Н.М.Карамзи-

на понятия самодержавия и самовластья выступают у Пушкина как взаимоисключающие. Самодержавие — Богом данная законная власть, самовластье — власть похищенная, незаконная или же вполне законная, но утратившая память о собственной ответственности перед Богом. При всей привлекательности этой мысли, которая, казалось бы, многое проясняет и в содержании свободолюбивой пушкинской оды, приходится признать, что «самовластье» и «самодержавие» в первой половине творчества поэта нередко выступают в качестве синонимов. Скажем, в написанном годы спустя стихотворении «Андрей Шенье» (1825) заходит речь о якобинских вождях — «Сих палачах самодержавных».

Тем не менее применительно к «Вольности» — да и ко всему творчеству Пушкина — это обстоятельство всё-таки не позволяет видеть в поэте республиканца или сторонника конституционной монархии. Законы, о которых говорит Пушкин, — это, безусловно, законы политические. Но вечный Закон пушкинской оды качественно от них отличен и не является плодом немощного человеческого разума. «На тронах поразить порок...» вовсе не тождественно кровожадному робеспьеровскому «истреблению порочных душ». В этом смысле жестокое зрелище смерти детей находит свою аналогию в библейских разбитых о камень младенцах — согласно толкованию святого митрополита Московского Филарета, человеческих грехах, порождённых блудницей-плотью, которые будут разбиты о камень — Христа Спасителя. Пушкинская ода не о государственном переустройстве и не о политическом истреблении, но о нравственном исправлении в пределах того, что уже дано никому не подвластным Законом. Хоть призрак именно политического истребления как грозное и, возможно, необходимое предупреждение, безусловно, витает над пушкинскими стихами.

Представления Пушкина о Законе и законах интересно сопоставить с высказыва-

Ил. 3. Михайловский (Инженерный) замок в Санкт-Петербурге

нием о государственном устройстве России святого митрополита Филарета (Дроздова): «Царь, по истинному о нём понятию, есть глава и душа царства. Но вы возразите мне, что душой государства должен быть закон. Закон необходим, досточтим, благоверен; но закон в хартиях и книгах есть мёртвая буква: ибо сколько раз можно наблюдать в царствах, что закон в книге осуждает и наказывает преступление, а между тем преступление совершается и остаётся ненаказанным, закон в книге благоустраивает общественные звания и дела, а между тем они расстраиваются. Закон, мёртвый в книге, оживает в деяниях; а верховный государственный деятель и возбудитель и одушевител подчинённых деятелей есть Царь» [10, с. 226].

Тем самым святитель Филарет по сути утверждает в царском правлении действие высшего Божественного Закона. Мысль эта о единственно непререкаемом законе нравственном далее раскрывается великим современником Пушкина в следующих словах: «Благо народу и государству, в котором единым, всеобщим, светлым, сильным, всепроникающим, вседвижущим средоточием, как солнце во вселенной, стоит Царь, свободно ограничивающий своё самодержавие волей Царя Небесного, мудростью, великодушием, любовью к народу, желанием общего блага, вниманием к благому совету, уважением к законам предшественников и к своим собственным, и в котором отношения подданных к верховной власти утверждаются не на вопросах, ежедневно возрождающихся, и не на спорах, никогда некончаемых, но на хранимом свято предании праотеческом, на наследственной и благоприобретённой любви к Царю и Отечеству и, ещё глубже, на благоговении к Царю

царствующих и Господу господствующих. Господи, Ты даровал нам сие благо!» [10, с. 302].

Пушкин судит о вещах как светский человек и художник, далеко не свободный от эпохальных заблуждений. Тем не менее в своей глубине его мятежное на первый взгляд произведение рождается от тех же нравственных истоков, что и высокие суждения просвещённого современника поэта. Разумеется, ода «Вольность» обладает известной «удобопревратностью», иначе не привлекала бы она к себе всё, что было в России шаткого и вольнодумного. И всё же она написана не только «вслед Радищеву», но и вслед Державину — верному слуге российских монархов.

Однако вселенский охват событий заставляет поэта мыслить не только совре-

Ил. 4. Дом № 20 на набережной Фонтанки в Санкт-Петербурге, где А.С. Пушкин начал писать оду «Вольность»

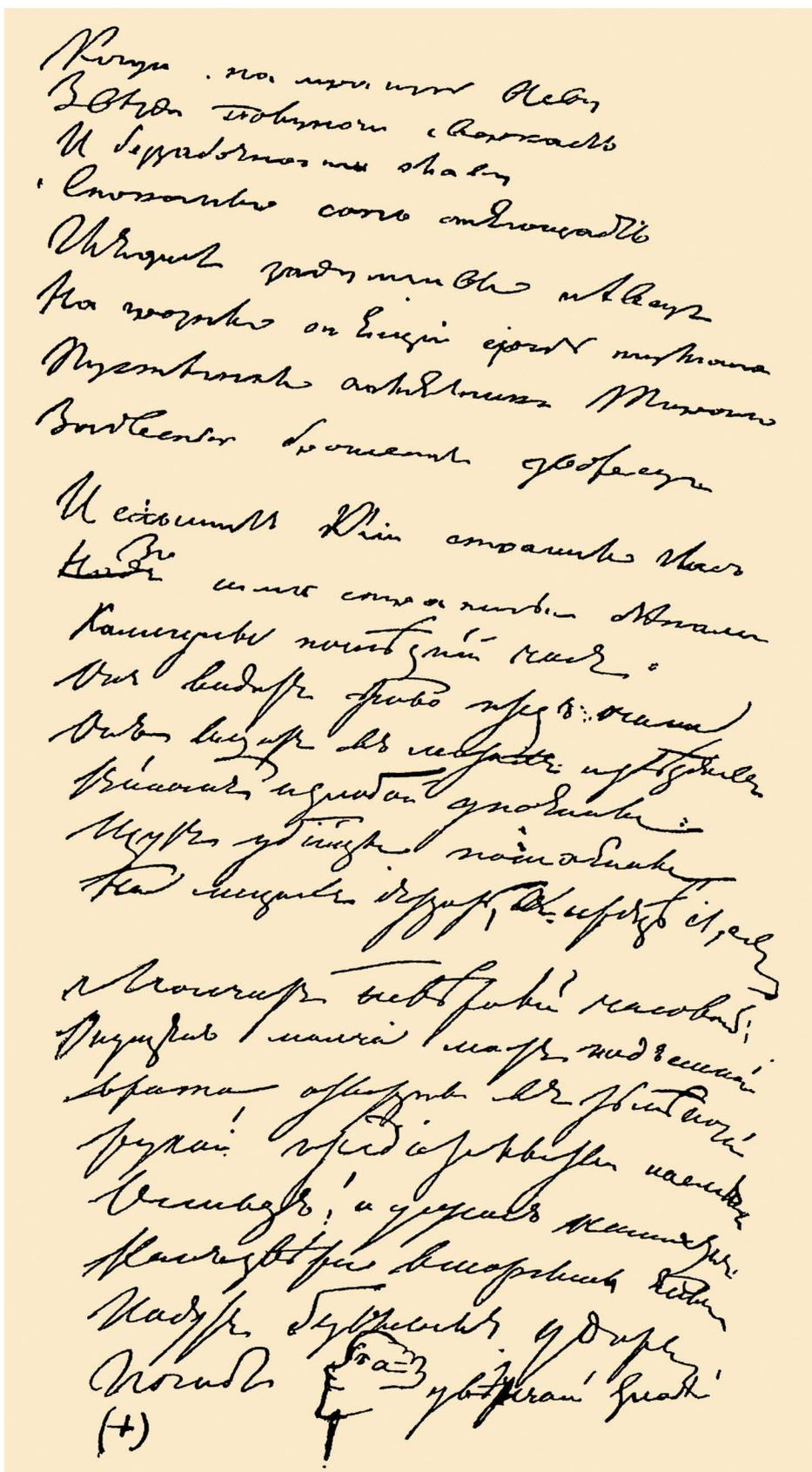
менными и не только домашними образами и понятиями. Говоря о действии в мире вечного Закона, Пушкин возглашает:

*И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу иль царям
Законом властвовать возможно!*
[6, с. 2, 46].

Важнейшим здесь оказывается стих «Где иль народу иль царям...», которым утверждается как бы одинаковое право различных форм государственного правления. По всей видимости, именно в продолжение этих слов в иной жизненный и творческий период поэт напишет: «Зависеть от властей, зависеть от народа... / Не всё ли нам равно?..» ([6, с. 3, 420]. В черновиках было: «Зависеть от царя, зависеть от народа» [6, с. 3, 1031]). Строка из пушкинской «Вольности», кажется, допускает наряду с монархическим правлением также возможность законного, благотворно-

го народовластия и вполне может ассоциироваться с демократиями Античности или русских Новгород и Пскова в их расцвете. Не исключает она и представления о некоем идеале будущего народного правления. В этом смысле Пушкин не оппонент, а союзник императора Александра Павловича, каким мы знаем его в начальный период царствования. Вместе с тем единственная демократия, о которой говорится в произведении, — это во всём противоположная античному или древнерусскому народовластию власть толпы, вызванная беззаконием и вероломством, способная породить только новую «злодейскую порфиру». Впрочем, идейный строй пушкинской оды (а здесь уместно говорить о целостной идеологии) — по преимуществу не политический. И проблематика этих стихов, естественно, значительно шире простой проблематики общественного устройства.

Необыкновенная устойчивость и всеохватность пушкинской оды (веку вопре-

Ил. 5. Страница рукописи оды «Вольность» из архива братьев Тургеневых. Начиная со строки «Калигулы последний час...» — рукой А.С. Пушкина с шаржем на императора Павла I

ки) — в надмирности её нравственного идеала, превосходящего как политические реалии, так и обстоятельства частной человеческой жизни. Действие этого идеала, возможно, видится создателю «Вольности» по-юношески (или же вполне в согласии с просветительскими воззрениями) прямолинейно, даже механистично, но все предпосылки будущего роста, усложнения, возмужания такого идеала здесь являются раз и навсегда. Временами отодвигаясь в прошлое («...зачем упоминать об этой детской оде?» — «Воображаемый разговор с Александром I»), ранняя вольнолюбивая ода, несмотря на заметные перемены в политическом мировоззрении поэта, сохраняла для Пушкина своё ничем не отменяемое значение.

* * *

Вполне естественно, что для современников пушкинская ода оставалась во многих отношениях «закрытой» и ключи к её пониманию находились в будущем (пожалуй, это верно и для каждого следующего поколения). Правительство неизбежно увидело в сочинителе «Вольности» человека, по-мальчишески бросающего ему вызов. В этом отношении весьма характерно письмо, которое в 1820 г. сопровождало Пушкина при его отъезде в Южную ссылку: «Несколько поэтических пьес, в особенности же ода на вольность, обратили на Пушкина внимание правительства. При величайших красотах концепции и слога, это последнее произведение запечатлено опасными принципами, навеванными направлением времени или, лучше сказать, той анархической доктриной, которую по недобросовестности называют системою человеческих прав, свободы и независимости народов... Его покровители полагают, что его раскаяние искренне и что, удалив его на некоторое время из Петербурга, доставив ему занятие и окружив его добрыми примерами, можно сделать из него прекрасного слу-

гу государству или, по крайней мере, писателя первой величины» [11, с. 170].

Насколько «добрыми примерами» был окружён поэт в Кишинёве, при посещении «декабристской» Каменки или позднее в Одессе — достаточно дискуссионный вопрос, на который существуют и по сию пору взаимоисключающие ответы. Разумеется, свободолубивая ода Пушкина наряду с другими его произведениями того же направления воспринималась современными поэту вольнодумцами как явление родственное. Здесь вполне достаточно констатации факта, что ода «Вольность» в числе других «гулявших» во множестве списков «возмутительных» стихов оказалась приобщённой к бумагам следствия по делу декабристов и фигурировала в показаниях арестованных. Не причастный к заговору Пушкин тем самым легко мог быть отнесён к числу художественных «идеологов» декабризма или даже признан главным среди таких «идеологов». Как замечал В.А. Жуковский в письме к поэту: «Ты ни в чём не замешан — это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством» [6, с. 13, 271]. Тем не менее для Пушкина опасность миновала. Как известно, все «возмутительные» стихи (без сомнения, также и пушкинские), рукописи которых прилагались к делу, по личному распоряжению императора Николая Павловича с окончанием следствия были уничтожены.

«Величайшие красоты концепции и слога» — вот то, что, собственно, и определило место Пушкина в политическом движении России позднего Александровского и раннего Николаевского времени. Впрочем, сопроводительное письмо, с которым Пушкин отправился в первую ссылку (его автором был граф И.Каподистрия), содержало и весьма показательную для своего времени оценку художественного творчества: «сделать из него прекрасного слугу государству или, по крайней мере (выделено мной. — А.Г.), писателя первой

Ил. 6. Н. Ге. Александр Сергеевич Пушкин в селе Михайловском (1875 г.)

величины» [11, с. 170]. Конечно, Пушкин представляется властям подозрительным и порой даже возмутительным — отсюда и ссылка. Однако в действиях правительства по отношению к поэту от начала до конца его ссылке жизни угадывается почти отеческая снисходительность (даже и в случае с относительно строгим изгнанием в Михайловское) (ил. 6).

Вместе с тем Пушкин вызывает опасения не только у правительства, но и у своих друзей-декабристов. Объясняя, почему поэт, годами находившийся в атмосфере зреющего заговора, не был приглашён в тайное общество, обычно называют две причины: декабристы берегли Пушкина как национальное достояние и не воспринимали его всерьёз как ответственную политическую фигуру. Первое объяснение, вероятно, следует считать надуманным; второе же более основательно, к тому же отчасти подтверждено доку-

ментами. Видимо, всё же причина того, что поэт вопреки его страстному желанию так и не получил приглашения войти в ряды заговорщиков, — всё-таки недостаточный радикализм его творчества (в отличие от засвидетельствованных самых необдуманных порой его высказываний в дружеском кругу). Те же самые «величайшие красоты концепции и слога», которые заставляли царя и официальных лиц быть к нему снисходительными, не могли, в свою очередь, духовно и даже эстетически не настораживать решительных устроителей мятежа.

«Замечательно то, — говорил Г.П. Федотов о вольнолюбивых произведениях Пушкина, — что в них выражается не одно лишь кипение революционных страстей, но явственно дан и их катарсис. Чувствуется, что не Байрон, а аполлинический Шенье и Державин водили пушкинским пером. А за умеряющим влиянием Апол-

лона как не почувствовать его собственного благородного сердца?» [9, с. 368]. При всей справедливости этого суждения оно всё же выглядит недостаточным в отношении оды «Вольность». Царствующая здесь «аполлиническая» красота, разумеется, придаёт характер особенного благородства даже самым «взрывоопасным» высказываниям поэта. Однако у раннего пушкинского шедевра есть, по всей видимости, и более глубокий источник по сравнению с чистой поэзией.

Ода «Вольность» написана спустя неполных три года после «Воспоминаний в Царском Селе», впервые в творчестве Пушкина воспевающих победу над Наполеоновской Францией. Рассматривая вольнолюбивую пушкинскую оду в русле «декабристской» идеологии, можно подумать (как это и делалось постоянно на протяжении двух столетий), что гражданский пафос поэта, подобно порыву первых русских революционеров, вытекает из будто бы пробуждённых в русском обществе войной 1812 г. играничными походами демократических идеалов. Между тем при ближайшем рассмотрении ситуация выглядит прямо противоположной. Всякая революция в своём развитии паразитирует на том организме, который она стремится разрушить. Покушение декабристов на государственные основы только что победившей Российской Империи, естественно, тоже питалось её живыми силами, которые ошибочно понимались заговорщиками как нечто независимое (в мире и в самих себе) от существующего общественного устройства. Но пушкинская ода, прикасаясь к бунтарским настроениям избранной молодёжи, в действительности не имела ничего общего с подобным паразитическим искажением народного духа. Она выростала не из подлога, но из первопричины, из живой, неподложной нравственной основы русского мира. «Отношение Пушкина к декабризму и декабристам, — заметил в своё время Д.Д. Благой, — отнюдь не было, как это

склонны представлять себе многие исследователи, прямолинейно-определённым. На самом деле отношение это было весьма сложным, во многом противоречивым, складывалось из ряда моментов, почти противостоящих друг другу» [1, с. 36].

По большому счёту уже и молодой Пушкин нигде не жертвовал государственным чувством в пользу революционности. Что юношеские, отчасти даже ученические «Воспоминания в Царском Селе», что ода «Вольность» равно принадлежали торжествующей (будь то на поле брани или в поэтическом восторге) Российской Империи. И пушкинская свободолюбивая ода представляла собой яркое воплощение, вероятно, ещё не вполне осознанного поэтом традиционализма, который в духе времени только примеривает на себя революционные одежды. Может быть, именно по этой причине традиционные ценности выглядели здесь настолько очевидными, рельефными. Ведь легко можно себе представить (по аналогии с будущими русскими революциями), как выступление декабристов в случае его успеха занимает своё место в показанной Пушкиным неутешительной картине исторического движения Европы и России. Собственно, действию в истории отличных от политической целесообразности или сиюминутной прихоти нравственных начал — действию «вечного Закона» — и была посвящена пушкинская «Вольность» от начала до конца. Совершенно по-русски, в духе ценностей национальной государственности поэт был убеждён, что историческое движение есть прежде всего движение нравственное.

* * *

Создавая во многом программную для себя оду, Пушкин определённо преследовал также важнейшую цель — заявить границы собственной жизненной и творческой свободы и тем самым утвердить право на полное осуществление своего ясно сознаваемого дара. Нечего и говорить, что эта цель была для него

несравнимо дороже простого благополучия и жизненного довольства. Возможно, именно отсюда берут своё начало особенно «непозволительные», вызывающие строфы пушкинской оды. Написание «Вольности» было для поэта актом творчески глубоко обоснованным, и готовность жертвы за него тоже выглядит совершенно естественной. По всей вероятности, далеко не случайно Пушкин, называвший «неправым гоненьем» свою позднейшую ссылку в Михайловское (её видимой причиной, как известно, были неосторожные слова в частном письме про «уроки чистого афеизма»), без ропота, почти как должное принял вынужденный отъезд из Петербурга в 1820 г. Либеральные идеи у раннего Пушкина не столько относились к действующему правительству, сколько имели принципиальный характер утверждения творческой свободы. Окажись у власти его друзья и знакомые – декабристы, положение не стало бы другим, а скорее всего обернулось бы подлинной трагедией.

Вопрос о соотношении в творчестве Пушкина имперского и свободолобиво-го начал в своё время со всей очевидностью поставил Г.П. Федотов. Этот мыслитель (кстати, имевший за плечами немалый опыт участия в революции) находил, что всё художественное развитие Пушкина есть в известной степени поиск соединения одного и другого. «Пусть чаемый им синтез империи и свободы не осуществился, – говорил Федотов, наблюдая строительство новой, теперь уже советской Империи, – даже в его творчестве, ещё менее в русской жизни; пусть Российская империя погибла, не решив этой пушкинской задачи. Она стоит и перед нами, как перед всеми будущими поколениями, теперь ещё более трудная, чем когда-либо, но непреложная, неотвратимая. Россия не будет жить, если не исполнит завещания своего поэта, если не одухотворяет тяжесть своей вновь воздвигаемой Империи крылатой свободой» [9, с. 375]. Отчасти принимая это суждение, всё же

необходимо дополнить его некоторыми соображениями.

В чём действительно заметен юношеский характер оды «Вольность», так это в неизбежной (и одухотворённо лёгкой, прекрасной) молодой отвлечённостью пушкинского взгляда на события и мировую проблематику, в отсутствии у поэта «Ума холодных наблюдений / И сердца горестных замет». К тому же по условиям своего либерального времени, свойствам полученного воспитания и образования, отсутствию необходимого духовного опыта, да и просто по законам светского творчества Пушкин говорил о свободе, нигде не называя православных истоков русского мира и собственного понимания вещей. Между тем его взгляд на вселенские исторические процессы, конечно, принадлежит совсем не европейскому революционному сознанию. Он имеет отношение к чисто русскому Просвещению, ставшему особенно очевидным для современников войны 1812 г.

«У Пушкина, – говорит В.А. Воропаев, – было особое понимание термина “просвещение”, вызревшее на русской почве. Запад под “просвещением” понимал и понимает наполнение ума “просвещаемого” положительными знаниями – вот главная цель, достигнуть которой вполне можно и без Бога. Пушкин “просвещение” связывал с монашеством, несущим в мир свет Христов, а не эмпирические научные знания, и в связи с этим резко отзывался о Екатерине II, для многих являвшейся идеалом просвещённого монарха» [2]. Именно в этом духовном контексте, очевидно, следует рассматривать и соотношение в судьбе Пушкина, в его творческом движении, казалось бы, трудно примиримых имперских и свободолобивых устремлений.

Рассуждая о революционности поэта, И.А. Ильин в своё время замечал: «Пушкин приобщается к этому недугу, чтобы одолеть его. Достаточно вспомнить его ранние создания “Вольность” (1817),

“В.Л. Давыдову” (1821), “Кинжал” (1821) и другие. Но и тогда уже он постиг своим благородным сердцем и выговорил, что цареубийство есть дело “вероломное”, “преступное” и “бесславное”; что рабство должно пасть именно “по манию царя” (“Деревня”, 1819); что верный исход не в беззаконии, а в том, чтобы “свободною душой закон боготворить”. Прошло шесть лет и в судьбе Андрэ Шенье Пушкин силою своего ясновидящего воображенья постиг природу революции, её отвратительное лицо и её закономерный ход, и выговорил всё это с суровой ясностью, как вечный приговор (“Андрей Шенье”, 1825)» [5, с. 338–339]. Эволюция, и очень значительная, политических воззрений Пушкина на протяжении его жизни, конечно, происходила. Однако здесь, что принципиально важно, совершалось не столько открытие качественно иного, сколько освобождение изначально вложенных в душу поэта родовых начал от зачарованности либеральными идеями. Присутствие этих начал (что также отмечает Ильин) хорошо заметно и в раннем пушкинском шедевре.

Ода «Вольность» заканчивалась призывом ко всем ныне живущим и будущим монархам:

*Склонитесь первые главой
Под сень надёжную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой* [6, с. 2, 48].

Очевидно, что юному поэту представляется некое идеальное положение вещей, которое в силу греховности земной жизни, конечно, не может осуществиться вполне. Между тем сам он творит здесь и сейчас, принадлежит со своим идеалом именно этому несовершенному миру. Откуда же черпает Пушкин своё представление о «Вольности святой»? Из просветительских умствований о «естественных правах человека»? Но поэт всем содержанием оды открывает печальные пло-

ды именно европейского просвещения — будь то рационалистического или сентиментального. Можно было бы сказать, что источником его идеала свободы является память о собственных родовых правах дворянина. Однако создатель оды далёк от такого чисто сословного понимания своего идеала. Источником его идеальных воззрений, как ни парадоксально это звучит, является именно православная Российская Империя, которой по первому впечатлению поэт бросает вызов. Пушкин отстаивает почти забытый сегодня великий дар духовной свободы, имперской полноты чувства и созерцания, имперской ясности нравственного выбора, доставшийся ему от поколений предков — строителей национальной государственности. В этом смысле поиск личной свободы одновременно является для него утверждением свободы имперской.

Государственная власть всегда стеснительна для человека и необходима человеку, а часто и благотворна. Как гражданин он порой неохотно повинуется власти, но и нуждается в ней. Как частное лицо он волен жертвенно отстаивать свою личную свободу, важнейшим залогом которой остаётся тем не менее правильный, одухотворённый государственный порядок. И чем ближе этот порядок к животворящему истоку мира — самому Христу, тем более он делает человека свободным. Православная Российская Империя возложила на своих подданных тяжёлую и одновременно благодатную ношу — залог возможного и часто действительного расцвета всех сторон человеческой жизни.

Однако само по себе нахождение в имперском духе вовсе не означает безоглядной покорности любым порядкам, любым властным предназначениям. Империя как духовное явление жива не только государственным аппаратом, но и своими подданными, через которых по большому счёту и воплощается в жизнь её «цветущая сложность» (по определению К.Н. Леонтьева). Окрылённость Пушкина

как высшее из до сих пор нам известных выражение поэтической свободы — это именно имперская окрылённость, которая не ждёт для себя иных, лёгких и благоприятных условий, но сбывается в драматичном и неизбежно жестоком на протяжении веков русском мире. Сбывается в ропоте и хвале, во всём обширнейшем диапазоне охраняемых православным госу-

дарством законных человеческих устремлений. В этом смысле ода «Вольность» с её обличительным пафосом и едва ли не революционными «дерзостями» является собой вполне благонамеренный, хотя и по-юношески максималистский призыв к самоочищению, прозвучавший из глубины находившейся в полном расцвете великой Империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Благой Д.Д. «Полтава» в творчестве Пушкина (Социолитературный анализ) // Московский пушкинист: Статьи и материалы / Под ред. М.А.Цявловского. М., 1930. Вып. 2.
2. Воропаев В.А. «Будьте не мёртвые, а живые души». URL: <http://www.portal-slovo.ru>.
3. Герасимов П.В. Ода А.С.Пушкина «Вольность» и её библейские параллели. URL: https://ruskline.ru/analitika/2013/02/02/oda_aspushkina_volnost_i_ee_biblejskie_paralleli.
4. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 8. Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
5. Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. М.: Книга, 1990. С. 338–339.
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). 4-е изд. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1977–1979.
8. Томашевский Б.М. Пушкин и французская литература // Литературное наследство. Т. 31–32. Л., 1937.
9. Федотов Г.П. Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике: конец XIX – первая половина XX в. М.: Книга, 1990. С. 328–355.
10. Филарет (Дроздов), митрополит Московский. Государственное учение Филарета митрополита Московского. Т. 3. М., 1861.
11. Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 1. М.: Слово, МСМХСІХ. С. 1–592.
12. Цявловский М.А. «Мы добрых граждан позабавим...»: (О принадлежности эпиграммы Пушкину) // Цявловский М.А. Статьи о Пушкине / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 58–65.

ENGLISH

Revolution and Sovereign Tradition in Alexander Pushkin's Early Works ("Ode to Liberty")

Alexander Vadimovich Gulin – DSc in Philology, Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature under the auspices of the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project "A.S. Pushkin and the Russian Statehood" (16-04-00134a).
E-mail: gulinimli@yandex.ru

The paper explores the "Ode to Liberty" (1817) as the focus for the state problems in the early Pushkin's works. In the process of analysis, it is comprehensively substantiated that the extraor-

dinary stability and inclusiveness of Pushkin's ode is in the supra-obstinance of its moral ideal, which surpasses the political realities of our time. As early as at the onset of the poet's creativity, the Russian Orthodox Empire is considered the most important source of Pushkin's ideal views, which he himself opposes only at first sight. It is concluded that Pushkin's view of the problem of freedom and tyranny, his understanding of universal historical processes belong not to the rebel consciousness, but are related to purely Russian enlightenment, which became especially obvious to the contemporaries of the 1812 war. Pushkin's creative inspiration is largely imperial and does not expect any other favourable conditions for itself, but comes true in the inevitably dramatic Russian world of the New Age.

In the course of the project, the author obtained insights into one of the key issues of humanitarian knowledge in Russia: determined the unbiased place of Pushkin in the state life of the country, studied the diverse directions of the national ideal of the homeland service in the fate and work of the greatest Russian poet, historiographer and political thinker. The research reflects the dialectical complexity of paths of discovery and perfect expression of Pushkin's spiritual nature, the mystical foundations of the age-old Russian statehood across all areas of his creative nature.

Keywords: Pushkin, Russian Empire, ode «Liberty», Decembrists, Alexander's era, education

REFERENCES

1. Blagoy D.D. «Poltava» v tvorchestve Pushkina (Sotsioliteraturnyy analiz) // Moskovskiy pushkinist: Stat'i i materialy / Pod red. M.A. Tsyavlovskogo. M., 1930. Vyp. 2 (in Russian).
2. Voropaev V.A. «Bud'te ne myortvye, a zhivye dushi». URL: [Http://www.portal-slovo.ru](http://www.portal-slovo.ru). (in Russian).
3. Gerasimov P.V. Oda A.S. Pushkina «Vol'nost'» i eyo bibleyskie paralleli. URL:https://ruskline.ru/analitika/2013/02/02/oda_aspushkina_volnost_i_ee_biblejskie_paralleli/ (in Russian).
4. Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochineniy: V 14 t. T. 8. L.: Izd-vo AN SSSR, 1952 (in Russian).
5. Il'in I.A. Prorocheskoe prizvanie Pushkina // Pushkin v russkoy filosofskoy kritike: Konets XIX – pervaya polovina XX v. M.: Kniga, 1990. S. 338–339 (in Russian).
6. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochineniy: V 16 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959 (in Russian).
7. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochineniy: V 10 t. / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. dom). 4-e izd. L.: Nauka, Leningr. otdelenie, 1977–1979 (in Russian).
8. Tomashevskiy B.M. Pushkin i frantsuzskaya literatura» // Literaturnoe nasledstvo. T. 31–32. L., 1937 (in Russian).
9. Fedotov G.P. Pevets imperii i svobody // Pushkin v russkoy filosofskoy kritike: konets XIX – pervaya polovina XX v. M.: Kniga, 1990. S. 328–355 (in Russian).
10. Filaret (Drozdov), mitropolit Moskovskiy. Gosudarstvennoe uchenie Filareta mitropolita Moskovskogo. T. 3. M., 1861 (in Russian).
11. Tsyavlovskiy M.A. Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina. T. 1. M.: Slovo, MCMXCIX. S. 1–592 (in Russian).
12. Tsyavlovskiy M.A. «My dobrykh grazhdan pozabavim...»: (O prinadlezhnosti epigrammy Pushkinu) // Tsyavlovskiy M.A. Stat'i o Pushkine / AN SSSR. Otd-nie lit. i yaz. M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. S. 58–65 (in Russian).

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 341

ГРНТИ 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-095-02-41-50

А.Г. ЗВЯГИНЦЕВ*

«Вирус нацизма»

В статье рассматриваются проблемы адекватности людей, ставших главными пала- чами Третьего Рейха. Автор поставил перед собой задачу выявить «возбудитель нацист- ской болезни». Международный военный трибунал стал грандиозным мировым собы- тием, открывшим новую эпоху международного сотрудничества. Беспрецедентным был и масштаб преступлений. Многотомные документальные свидетельства преступ- лений нацистов вызвали серьёзную растерянность у опытных юристов. Поскольку судебное действие такого масштаба происходило впервые в мире, нужно было решить множество как стратегических, так и организационных проблем. Никто из подсудимых не спешил с покаяниями. На вопрос председательствующего о признании их виновны- ми все нацистские деятели ответили: «Нет».

Ключевые слова: право, юриспруденция, прокуратура, история, Нюрнбергский процесс, документы, факты

Взгляд из XXI века

*Фелиппе Гонсалес Маркес,
председатель Группы реагирования
Евросоюза в 1982–1996 годах,
премьер-министр Королевства Испания:*

— Я думаю, что Нюрнбергский про- цесс был неизбежной исторической не- обходимостью. Не разделяю точку зре- ния негативистов, которые отрицают значимость всего произошедшего. Исто-

* **Звягинцев Александр Григорьевич** — доктор юридических наук, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации (2005–2015 гг.), руководитель проектов «Без срока давности... К 70-летию Нюрн- бергского международного трибунала» (15-31-16501д1) и «Именем человечества. Нюрнбергский между- народный военный трибунал (неизвестное об известном)» (18-19-40009д_нпи).
E-mail: 8491ba@mail.ru

рические факты настолько очевидны, что отрицать их — значит, совершать преступление. Ведь никакой лучшей процедуры не существовало! Хуже была бы просто чистая месть — казнь тех, кто нёс ответственность за совершённые ужасы. Напротив, творцам этих ужасов было позволено иметь набор гарантий с целью защиты, чего они сами, кстати, никогда не предоставляли своим жертвам.

Таким образом, я вижу ясно: Нюрнбергский процесс (фото 1) — это историческая необходимость, чрезвычайный прецедент для раздумий о том, что произошло и что было потом. И наконец, печаль по поводу того, что история мало чему нас учит, потому что историю мало изучают.

Из беседы автора в Мадриде в 2016 г.

1 января 1958 г. в Северном Беркли (Калифорния, США) в доме доктора Дугласа Келли собралась вся семья — жена, трое детей и отец, Дуглас-старший...

Доктор с женой готовили вместе праздничный обед, о чём-то повздорили, он выбежал из кухни, поднялся в кабинет. Через какое-то время вышел из кабинета и произнёс: «Я больше не могу. Мне это больше не по силам», проглотил что-то, схватился за горло, упал и скатился вниз по лестнице...

В руке он сжимал флакон с остатками белого порошка. Это был цианистый калий. Такой же принял пациент Келли в Нюрнберге рейхсмаршал Герман Геринг накануне казни.

Была ли связь между этими двумя самоубийствами? Ведь после Нюрнбергского процесса прошло 12 лет...

Ещё в ходе Второй мировой войны людям пришлось задуматься: кто во всём этом повинен? Может, с немцами что-то не так? Не могут же нормальные люди творить такое?

Вот почему до начала процесса в Нюрнберге предстояло выяснить: являются ли

Фото 1. На скамье подсудимых Нюрнбергского процесса. В первом ряду: Геринг, Гесс, фон Риббентроп, Кейтель, Розенберг, Франк, Фрик, Штрайхер, Функ, Шахт. Во втором ряду: Дениц, Редер, фон Ширах, Заукель, Йодль, фон Папен, Зейсс-Ингварт, Шпеер, фон Нойрат, Фриче

обвиняемые психически здоровыми лицами? Могут ли они понимать предъявляемые им обвинения и представлять свою защиту? Могли ли они осознавать характер и социальное значение тех действий, которые совершали?

К оценке их состояния привлекли известных психиатров, и главным среди них был доктор Дуглас Келли, высококвалифицированный врач-психиатр (фото 2). Его работа на процессе заключалась в поддержании здоровья обвиняемых, чтобы затем никто не мог бы выступить с заявлением, что это был нечестный судебный процесс.

Келли имел доступ к заключённым в любое время дня и ночи, он следил за их состоянием, измерял пульс и сердцебиение. Для специалиста его уровня это довольно простая задача, но Келли задумался о том, чтобы её усложнить и найти ответы на самые трудные вопросы.

Он решил самостоятельно провести более масштабное исследование этих людей, включающее различные тестирования и опросы, с целью узнать, обладали ли они какими-либо общими психическими особенностями, отклонениями или заболеваниями, по причине которых они и совершили все эти ужасные преступления. Дуглас Келли искал поразивший их всех «вирус нацизма». Он пытался понять, кто были эти люди, эти 20 с лишним нацистов, обвинённых в военных преступлениях. Кто они?

Сразу после войны СМИ по обе стороны океана рисовали нацистов омерзительными чудовищами, посланцами преисподней, демонами или монстрами. Все твердили, что они являют собой воплощение зла.

Келли подозревал, что это упрощение. Но в то же время был убеждён, что эти люди не могут быть нормальны. Здоровый человек на такое не способен...

Его коллега по работе в Нюрнберге психолог Густав Гилберт (фото 3) полагал об-

Фото 2. Дуглас Келли

ратное: у всех нацистов имеются некоторые психологические особенности личности. Правда, не более того.

Целые дни Келли и Гилберт проводили в разговорах с обвиняемыми.

Зачем было нацистам сотрудничать с двумя американскими специалистами, которые предлагали им психологические тесты и постоянно задавали вопросы? Ответ простой: им это нравилось. Им было скучно, они находились в изоляции и хотели выговориться. Они хотели, чтобы их поняли!

Келли заключённые доверяли больше — он относился к ним нейтрально, как к пациентам. Гилберт же позволял себе едкие замечания и оценочные суждения. Многие обвиняемые знали или подозревали, что Гилберт еврей и ненавидит их, поэтому вели себя с ним более сдержанно, но он говорил по-немецки...

Оба психиатра соберут уникальный материал и сразу после процесса напишут книги: Гилберт — «Нюрнбергский дневник», а Келли — «22 камеры». Обе книги разойдутся миллионными тиражами. Но останется много ещё неизданного, о чём никто никогда не говорил... Дело в том, что психиатры увезли все свои записи с собой, так как они были сделаны в частном порядке. Это сегодня

Фото 3. Густав Гилберт

ня все записи психолога, наблюдающего убийцу или какого-либо другого преступника, подшиваются к делу. А тогда Дуглас Келли и Густав Гилберт хранили материалы у себя.

Американский писатель-исследователь Джек Эль-Хаи потратил много времени на изучение отношений психиатров и нацистов. И не зря. В 2016 г. в ходе работы над фильмом о Нюрнбергском процессе съёмочной группе удалось встретиться с ним и подробно побеседовать. Эль-Хаи частично поведал и о вышесказанном, и о своих поисках. Например, о том, как были найдены редчайшие документы, о существовании которых многие исследователи даже не подозревали.

Так, у старшего сына доктора, его полного тёзки — Дугласа Келли-младшего, нашли 12 коробок, в которых хранились дневники, медицинские записи, фотографии... В одной из коробок на самом верху лежала обтянутая бархатом коробочка для драгоценностей. Там находился пузырёк с надписью «Паракодеин Германа Геринга», а в нём — капсулы наркотика 65-тилетней давности.

Но благодаря стараниям администрации и врачей к моменту вынесения приговора Геринг был абсолютно «чист». Он вдруг превратился в очень сосредоточен-

ного, очень циничного человека с хорошим чувством юмора, который начал оказывать серьёзное сопротивление обвинению.

В коробках нашлись снимки мозга Роберта Лея, он был сильно разрушен. Если у других нацистов Келли подозревал сугубо психические расстройства, то у Лея — он был уверен — болезнь была физической. По результатам тестов доктор заподозрил, что тот страдал каким-то заболеванием лобной доли мозга.

Лей путал названия цветов, его речь была сбивчивой, а зачастую просто не имела никакого смысла. Похоже, что глава немецкого

Трудового фронта тяжко пил.

Среди бумаг доктора Келли обнаружился большой конверт, надписанный «Рентгеновские снимки черепа А. Гитлера».

В нём лежали 8 снимков, 8 различных ракурсов, сделанных при жизни Гитлера, ближе к концу войны, когда у него появился синусит и врачи решили сделать рентген, чтобы оценить степень распространения инфекции.

Неизвестно, как именно Келли удалось заполучить эти выписки, но вероятнее всего, ему помог личный врач фюрера Карл Брандт, который тоже содержался в Нюрнбергской тюрьме (фото 4). Его судили позже, на одном из последующих процессов по делу медиков.

Во время разговоров с Брандтом у Келли, как считает Эль-Хаи, возникла гипотеза, объясняющая поведение и некоторые поступки Гитлера. Он, в частности, полагал, что у того не имелось психических отклонений, но он был ипохондриком и вследствие ипохондрии действовал иррационально. Например, Гитлер совершенно необоснованно считал, что у него рак желудка и это его быстро убьёт. Поэтому фюрер и принял поспешное решение напасть на Россию, думая, что умирает, хотя это не соответствовало действительности.

Одной из главных задач экспертов в Нюрнберге было установить, вменяемы ли трое обвиняемых: заместитель фюрера по партии Рудольф Гесс, финансовый магнат Густав Крупп и главный редактор «Штурмовика» Юлиус Штрейхер. Поведение последнего вызывало особенно много вопросов. Все разговоры он сводил к громкой антисемитской риторике. Нюрнбергский трибунал называл «триумфом мирового еврейства».

Во время освидетельствования Штрейхер был признан вменяемым и способным отвечать за свои действия, хотя и одержимым навязчивой идеей.

Крупп к моменту назначения экспертизы был уже давно недееспособен и не транспортабелен. Экспертам пришлось ехать в его усадьбу в Тирольских Альпах, где он был прикован к постели. Уже в 1941 г. после первого инсульта ему пришлось передать все дела сыну. Эксперты

констатировали синильную деменцию после трёх инсультов и перенесённой авткатастрофы. В результате его вывели из судебного процесса.

Наиболее спорной, вызвавшей дискуссии оказалась экспертиза второго человека нацистской партии — Рудольфа Гесса. Позже Келли напишет: «Меня поразила его абсолютная наивность».

В Нюрнберг Гесса доставили из Шотландии, где он находился под стражей четыре года — с момента своего непонятного перелёта к британцам в мае 1941-го. Уже там он жаловался на потерю памяти, а ещё на то, что его методично травили. Гесс и в Нюрнберге продолжал утверждать, что англичане давали ему «мозговой яд», для того чтобы разрушить его память.

Порой он утверждал, что не помнит самых простых вещей: где он родился, как прошло его детство. Почти ничего не пом-

Фото 4. Тюрьма, в которой содержались преступники

нит и о тех временах, когда он был государственным и политическим деятелем...

Специалисты склонялись к тому, что Гесс симулирует, и постановили, что он в состоянии давать показания в Нюрнберге. А потом и он сам выступил с заявлением, что эта была уловка «тактического», как он выразился, характера.

Иными словами, все подсудимые, кроме Круппа, были вменяемы и готовы предстать перед судом. Однако что-то с ними всё-таки должно быть не в порядке, считал Келли и продолжал искать «личность нациста».

Он предложил заключенным IQ-тест для оценки коэффициента интеллекта.

Менее 65 баллов по тесту говорило о больших проблемах с интеллектом, нормальным считался показатель между 80 и 119 баллами. 128 и выше баллов говорили о гениальности пациента.

К большому удивлению Келли и Гилберта результаты всех пройденных тестов IQ были выше среднего значения. Самый низкий — но всё равно в пределах среднего значения — результат был у Штрейхера. Самый высокий — 143 балла — у главного финансиста нацистской партии Ялмара Шахта, именно он фактически создал экономику Третьего Рейха. Средний показатель для 21 проверенного нациста равнялся 128 (Лея к этому времени уже не было в живых). Геринг оказался третьим. Он попросил протестировать его ещё раз — хотел быть первым.

Результаты тестов не включили в отчёты и долгое время не публиковали. Общественность не была готова поверить, что нацисты — одарённые люди. Людям было трудно понять, что интеллект никак не связан с нравственностью! Многие известные американские преступники имели высокие показатели IQ. Можно даже утверждать, что преступления людей с более высоким показателем будут более изощрёнными!

Но Келли всё ещё надеялся выявить «возбудитель нацистской болезни». Заключённым предложили тест, разрабо-

танный швейцарским психиатром Германом Роршахом. Задание заключалось в том, что человеку показывали чернильную кляксу и просили рассказать, что он в ней видит. Предполагалось, что в интерпретацию кляксы человек вложит что-то такое, что мы о нём не знали, — это называется проекцией.

Одним из качеств, о которых Келли мог судить на основании ответов на тест Роршаха, являлось живое активное воображение. И Келли сделал заключение, что у подсудимых оно было не такое уж живое.

Выводы оказались удивительными: все нацисты не имели и намёка на наличие творческого потенциала. Рудольф Гесс отказался проходить тест вовсе. Ответы остальных не блистали содержательностью. Но тест не выявил у нацистских главарей никаких психических отклонений. Психиатры ожидали неких открытий. Они думали, что выявят врождённых преступников, каких-то чудовищ, которые, скажем так, существуют в человеческих телах. Но... никаких суперзлодейских качеств тесты не продемонстрировали.

Келли был потрясён: все нацисты нормальны! Никто из них не выказал склонность к насилию! Даже комендант Освенцима Рудольф Хесс, проходивший в этом процессе только свидетелем по делу своего начальника, главного тюремщика Третьего Рейха Эрнста Кальтенбруннера. А ведь это действительно один из самых жутких персонажей в истории человечества. При этом Хесс был очень исполнительным работником, отличным семьянином.

В своей повседневной жизни нацисты оставались внешне добропорядочными отцами семейства, заботящимися о своих детях. Для родственников их преступная деятельность — совершенно другая реальность. Сознание человека способно отделять друг от друга определённые сферы жизни достаточно радикальным образом.

В этом убедился и доктор Келли, согласившись на время стать посредником между Герингом и его семьёй, передавая их письма друг другу.

Он относил письма Геринга его жене, она читала их и писала ответы. Иногда и дочка Эда тоже писала отцу. Келли был поражён тем, насколько нежным может быть Геринг со своей семьёй и в то же время совершенно бессердечным по отношению к другим людям. Ведь он не выражал никаких сожалений об отданных им во время войны приказах, в результате исполнения которых погибли миллионы людей.

Можно сказать, что нацисты делились на две группы. Первая — элита, осуждённая в Нюрнберге, — амбициозные и одарённые люди. Вторая — рядовые сотрудники, миллионы людей, которые просто подчинялись приказам и не хотели думать. Им нравились приказы, нравилось, когда им говорили, что делать.

Вот этот вывод, что «личность нациста» не существует и все фашисты были обычными людьми, стал для Дугласа Келли страшным ударом.

Позже историк и философ Х. Арендт придумала термин «банальность зла». Она пыталась объяснить, что зачастую зло рождается не от ненависти, не от ярости, не от восторга смерти. Оно рождается от скучной, бездумной нормальности, из простого желания делать то, что говорит хозяин.

Сейчас нам известно, что относительно нормальные люди способны совершать не вполне нормальные поступки. И когда люди объединяются в группы, они могут оказаться очень и очень опасными.

А потрясённый Дуглас Келли... Вернувшись из Нюрнберга, он ушёл из психиатрии и полностью сменил сферу деятельности. Он думал о том, что если поведение людей вроде Геринга или Гесса невозможно объяснить средствами психиатрии, необходимо заняться той наукой, которая сможет это сделать. И в конце 1940-х он стал криминологом, профессо-

ром криминологии в Калифорнийском университете.

Его по-прежнему интересовала природа человеческой бездушности, особенно в таких массовых проявлениях, как во время Второй мировой. Эта же тема занимала умы и многих других учёных.

И Густав Гилберт после Нюрнберга мыслил также. Он писал: «Я думаю, что зло — это отсутствие эмпатии. То есть, неспособность чувствовать боль другого».

Люди, лишённые чувства сострадания, способны стрелять в людей без всякого сострадания. Почему немецкие солдаты беспрекословно выполняли бесчеловечные приказы? Какова грань, через которую может перейти нормальный, психически здоровый человек в причинении физического вреда другому человеку?

А Дуглас Келли продолжал мучиться. Вопрос, чем он сам отличается от людей, которых судили в Нюрнберге, не давал ему покоя долгие годы.

За те месяцы, что Келли провёл с Герингом, он, вероятно, понял одну вещь: что они с Герингом очень похожи. Оба были сильными, волевыми, нарциссическими личностями; и Келли начал думать о том, что он, как и Геринг, был способен на большое зло. И эта мысль всегда оставалась при нём.

Похоже, работая со страшными преступниками, как рассказывал Эль-Хай, доктор обнаружил «тёмную сторону своей души» и не смог с этим справиться... Эта ноша оказалась ему не по силам.

Характерна реакция Келли на самоубийство Геринга.

Келли тогда уже находится в Америке. Узнал о происшествии от репортёров. Они спросили у него: «Что вы об этом думаете?». И Келли ответил, что считает это мастерским ходом. «Геринг открыто показал своё презрение к союзникам, заявив что-то вроде: “Вам не удастся меня казнить, и тем более вам не удастся казнить меня как обыкновенного преступника — повесить. Я уйду из жизни так, как сам захочу”».

Геринг говорил об этом с восхищением. Келли попытался выразить мысль, что самоубийство — это не просто способ уйти от боли, трудностей и бед, но также и заявление — способ поведать что-то о самом себе, таким образом показать самого себя. И это, конечно, довольно необычная мысль, но похоже, что Келли и Геринг её разделяли.

Может, поэтому Келли и выбрал цианид? В подражание Герингу? Может, чрезмерное сближение с Герингом сломало его психику?

А вот доктор Гилберт дожил до конца 1970-х гг., написал несколько книг об истории Нюрнбергского процесса, о психологии нацистов. И, в общем, ушёл из жизни достаточно уверенным в себе человеком, увенчанным лаврами. Гилберт не переступил какую-то недопустимую грань во время процесса.

И Мориц Фукс, который тоже работал в Нюрнберге, не повторил пути Келли. Он привёз оттуда совсем другие мысли и совсем другой опыт.

В Нюрнберге он служил, как уже говорилось, личным охранником Главного обвинителя от США Роберта Джексона. Фуксу было тогда 20 лет. Но он уже воевал. Войну закончил в Чехословакии, был ранен, едва не погиб.

«Мы видели так много людей, погибших просто так, без всякой причины. Слу-

чайно. И тогда я стал думать, если я выживу, чем я займусь? — рассказывал Фукс в ходе съёмки фильма в 2016 г. — Во время процесса я узнал ужасные вещи. И были свидетели злодеяний, было множество документов, подписанных конкретными лицами. Они знали обо всём происходящем. На процессе их самих порой приводили в ужас эти страшные вещи, о которых они якобы ничего не знали. Но они знали...

Человек может нести добро или, как в случае с Герингом или Гитлером, зло, абсолютное зло. Надо лишь определиться, на чьей ты стороне. Надо лишь понять, что зло не подлежит никакому оправданию...».

Вернувшись из Нюрнберга, Мориц Фукс сразу поступил в духовную семинарию.

«Опыт войны и опыт процесса помогли мне, и сколько бы мне ни оставалось жить — один день, месяц, год, неважно, — сейчас, в настоящем, я наполню это время добром и служением Богу. У человека может быть единственная достойная цель — отстаивать только то, что истинно, быть честным и справедливым», — сказал Фукс при расставании.

Люди, способные творить зло и подчиняться злу, есть всегда и везде. Нужно не дать им объединиться, как это произошло в гитлеровской Германии, не дать злу вырваться на свободу».

ЛИТЕРАТУРА

1. Агония и смерть Адольфа Гитлера. М., 2000.
2. В центре паутины. М., 1997.
3. Вторая мировая война. День за днем. М., 2005.
4. Гелен Р. Служба. М., 1997.
5. Гогун А. Чёрный PR Адольфа Гитлера. М., 2004.
6. Гюнше О. Неизвестный Гитлер. М., 2005.
7. Деларю Ж. История Гестапо. Смоленск, 1998.
8. Джексон Р. Вторая мировая. Неразгаданные тайны. М., 1998.
9. Звягинцев А.Г. Нюрнбергский международный военный трибунал. М., 2017.
10. Звягинцев А.Г. Без срока давности... К 70-летию Нюрнбергского международного военного трибунала. М. 2016.

11. Звягинцев А.Г. Главный процесс человечества. М., 2011.
12. Звягинцев А.Г. Нюрнбергский процесс. М. 2009.
13. Звягинцев А.Г. Руденко. М., 2008.
14. Нюрнбергский процесс: В 7 т. М., 1957–1961.
15. Рагинский М.Ю. Нюрнберг: перед судом истории. М., 1986.
16. Рагинский М.Ю. Основные процессуальные вопросы организации и деятельности международных военных трибуналов в Нюрнберге и Токио. М., 1950.
17. Нюрнберг: 70 лет спустя. Документальный фильм. Фонд национального кино «Патриот», 2014.
18. Процесс, которого могло не быть. Документальный фильм. Вианж продакшн, 2016.
19. Чтобы помнили. Документальный фильм. Вианж продакшн, 2016.
20. Банальность зла. Документальный фильм. Вианж продакшн, 2016.
21. Казнь. Документальный фильм. Вианж продакшн, 2016.
22. Возмездие после Нюрнберга. Документальный фильм. Вианж продакшн, 2016.
23. Свидетели. Документальный фильм. Вианж продакшн, 2016.
24. Право силы или сила права. Документальный фильм. Вианж продакшн, 2017.

ENGLISH

“Nazi Virus”

Alexander Grigoryevich Zvyagintsev – DSc in Law, Deputy Prosecutor General of the Russian Federation (2005–2015), supervisor of the project “Without a Statute of Limitations... To the 70th Anniversary of the International Military Tribunal at Nuremberg” (15-31-1650д1) and “In the Name of Mankind. The International Military Tribunal at Nuremberg (Unknown about the Known)” (18-19-40009д_нпи).
E-mail: 8491ba@mail.ru

The paper reflects the adequacy of people, who became the chief executioners of the Third Reich. The author is committed to identify the “cause of the Nazi disease”. The International Military Tribunal has become a colossal world event heralding a new era of international cooperation. The scale of the crime was unprecedented. The multivolume documentary evidence of the Nazis’ crimes stirred up tremendous confusion among seasoned lawyers. Since the legal proceedings of such magnitude were unprecedented in the world, many strategic and organizational problems had to be tackled. None of the defendants was eager with repentance. Inquired by the presiding judge, all Nazi leaders pleaded not guilty.

Keywords: право, юриспруденция, прокуратура, история, Нюрнбергский процесс, документы, факты

REFERENCES

1. Agoniya i smert' Adol'fa Gitlera. М., 2000 (in Russian).
2. V tsentre pautiny. М., 1997 (in Russian).
3. Vtoraya mirovaya vojna. Den' za dnem. М., 2005 (in Russian).
4. Gelen R. Sluzhba. М., 1997 (in Russian).

5. Gogun A. Chyornyy PR Adol'fa Gitlera. M., 2004 (in Russian).
6. Gyunshe O. Neizvestnyy Gitler. M., 2005 (in Russian).
7. Delaryu Zh. Istoriya Gestapo. Smolensk, 1998 (in Russian).
8. Dzhekson R. Vtoraya mirovaya. Nerazgadannye tayny. M., 1998 (in Russian).
9. Zvyagintsev A.G. Nyurnbergskiy mezhdunarodnyy voenny tribunal. M., 2017 (in Russian).
10. Zvyagintsev A.G. Bez sroka давности... K 70-letiyu Nyurnbergskogo mezhdunarodnogo voennogo tribunala. M. 2016 (in Russian).
11. Zvyagintsev A.G. Glavnyy protsess chelovechestva. M., 2011 (in Russian).
12. Zvyagintsev A.G. Nyurnbergskiy protsess. M. 2009 (in Russian).
13. Zvyagintsev A.G. Rudenko. M., 2008 (in Russian).
14. Nyurnbergskiy protsess: V 7 t. M., 1957–1961 (in Russian).
15. Raginskiy M.Yu. Nyurnberg: pered sudom istorii. M., 1986 (in Russian).
16. Raginskiy M.Yu. Osnovnye protsessual'nye voprosy organizatsii i deyatel'nosti mezhdunarodnykh voennykh tribunyalov v Nyurnberge i Tokio. M., 1950 (in Russian).
17. Nyurnberg: 70 let spustya. Dokumental'nyy fil'm. Fond natsional'nogo kino «Patriot», 2014 (in Russian).
18. Protsess, kotorogo moglo ne byt'. Dokumental'nyy fil'm. Vianzh prodakshn, 2016 (in Russian).
19. Chtoby pomnili. Dokumental'nyy fil'm. Vianzh prodakshn, 2016 (in Russian).
20. Banal'nost' zla. Dokumental'nyy fil'm. Vianzh prodakshn, 2016 (in Russian).
21. Kazn'. Dokumental'nyy fil'm. Vianzh prodakshn, 2016 (in Russian).
22. Vozmezdie posle Nyurnberga. Dokumental'nyy fil'm. Vianzh prodakshn, 2016 (in Russian).
23. Svideteli. Dokumental'nyy fil'm. Vianzh prodakshn, 2016 (in Russian).
24. Pravo sily ili sila prava. Dokumental'nyy fil'm. Vianzh prodakshn, 2017 (in Russian).

Л.А. БЕЛЯЕВ*

УДК 902
ГРНТИ 03.41 (дополнительно: 03.61 и 03.81)
DOI: 10.22204/2587-8956-2019-095-02-51-64

Русская археология Палестины

В статье подводятся итоги историографических и археологических полевых работ, связанных с сохранением и развитием научного наследия русских учёных XIX – начала XX в. в той части Сиро-Палестинского региона, которая наиболее точно отвечает понятию «Святая Земля». Определяются три основных направления развития русской археологии: полевое изучение следов деятельности русских паломников, учёных, представителей государственной власти и православной церкви; изучение памятников древности на русских участках; обработка наследия XIX – начала XX в. как блока исторических источников с последующим включением их в систему современного научного знания. Указываются достигнутые к настоящему времени результаты (включая промежуточные итоги раскопок в Иерихоне, научную интерпретацию ряда артефактов из собрания Антонина Капустина, первые каталоги археологических объектов на русских участках). Ставятся задачи расширения полевых работ, каталогизации и атрибуции древностей, их введения в оборот на уровне современной науки, создания монографии по истории русских исследований в XIX – начале XX в.

Ключевые слова: изучение Святой Земли, Россия, Палестина, Израиль, история археологии, византийская археология, археология Ближнего Востока, Иерусалим

Археологические школы в Палестине

Последнее десятилетие (начиная с 2010 г.) можно смело назвать временем возвращения российских археологов в древнюю Палестину. Во второй половине XIX в. изучение древностей Святой Земли жители России начали на обычном для той эпохи уровне пу-

тешествий, освоения азов библейской истории, географии и археологии. Базу для развития заложила деятельность первых, в основном церковных, ориенталистов – Порфирия (Успенского), Антонина (Капустина), представителей общественных и государственных учреждений. Их открытия вызвали дискуссии как в кругах отечественных исследова-

* **Беляев Леонид Андреевич** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующий отделом Института археологии РАН, руководит проектом «Русская археология в Святой Земле: история исследований, современное состояние и дальнейшее развитие» (18-09-40075а).
E-mail: labeliaev@bk.ru

Ил. 1. Иерихон. Надгробия русского кладбища на Иоасафовском участке:
 а — плита донатора участка Елены/Евлампии Резниченковой, 1885 г.;
 б — плита неизвестной по имени Наталья, 1883 г.

телей, так и за рубежом. Высшей точкой развития можно считать научную экспедицию под руководством Н.П.Кондакова (1891). Последующая работа на едва возникавшей почве оказалась крайне вялой: составленную коллекцию не обрабатывали, полевых исследований почти не вели — археологической школы не было и в помине. Такой ход событий резко контрастировал с бурным подъёмом западных археологических школ в Палестине, прежде всего английской, германской, французской, американской, а также итальянской, тесно связанной с францисканской Кустодией.

Проекты создать в Иерусалиме русский археологический институт по образцу успешно работавшего в Стамбуле/Константинополе, возникшие в конце I Мировой войны, оборвались с революцией 1917 г. Примерно на столетие наша археология ушла из Палестины совсем:

мы не вели здесь полевых или музейных исследований ни в период английского Мандата, ни после сложения государства Израиль и выделения в его составе Палестинской национальной администрации. Конечно, древняя и средневековая история Сиро-Палестинского региона в целом изучалась и в советский период. Продолжило существование даже особое Императорское Православное Палестинское Общество (временно потеряв два первых слова из названия). Но о собственной, «авторской» археологии памятников Палестины библейского и христианского периодов не было и мысли.

Зачем России археология Палестины?

А ведь есть по крайней мере две особые причины, по которым России следует иметь там собственную археологическую школу. Прежде всего, именно в земле Па-

лестины скрыты корни трёх авраамических религий, без её изучения невозможно понять самые основы западной культуры, генезис средиземноморского цивилизационного очага. Изучение (а в силу этого — и контроль) этих корней — обязательная часть всей системы европейской самоидентификации, так что исключительное внимание к этой области исследований понятно. Отсутствие русской школы среди других научных школ, ведущих работы в современном Израиле, выглядит странно в глазах всего мира, а главное — лишает нашу науку права на аутопсию, возможности судить об архетипических древностях на основе собственных материалов, воспитывать собственных специалистов.

Это тем более странно, что для русских людей Святая Земля была и в значительной мере остаётся очень близким понятием. В эпоху Древней Руси она существовала в русском сознании как центр

мироздания. Имена её городов и урочищ усваивали в детстве, популярные тексты-хождения показывали её топографию, а с XVII в. первые карты Иерусалима и Святой Земли сделали её образ зримым (пусть и во многом фантастическим). По сути дела, в допетровской Руси человек знал священную географию лучше, чем карту собственной страны. Эта тяга породила в XIX в. особое движение по освоению Палестины и созданию базы для посещения её паломниками. В результате в малоразвитой в XIX в. турецкой провинции возникла структура из десятков хорошо освоенных русских участков, охвативших значительную часть древней страны. На многих из них имелись следы древности, которые можно было изучить и включить в новую систему паломнических маршрутов. Часть этих участков до сих пор находится во владении России (здесь не важно, каких конкретно уч-

Ил. 2. Иерихон. Иоасафовский участок в конце XIX в.
Фотография из архива Императорского Православного Палестинского общества

Ил. 3. Иерихон. Общий вид археологической экспозиции в Музейно-парковом комплексе РФ в ходе раскопок

Ил. 4. Иерихонская Российско-Палестинская экспедиция, рабочий момент раскопок керамического комплекса VI–VIII вв.

реждений) и представляет хорошую базу для развития археологических исследований.

Эта база, впрочем, шире, чем та часть собственности, которая осталась в нашем распоряжении после всех потерь, понесённых в ходе бурного XX в. Дело в том, что даже утраченные участки сохраняют в глазах местных жителей и учёных определённую связь с Россией, чему способствует сохранение большей части возведённых на них в XIX – начале XX в. построек. Важно, что сам процесс русского освоения Палестины создал своего рода культурный слой, оставил материальные следы, которые не ограничены только постройками, но включают и обычные для археологии формы, начиная от бытового мусора и до некрополей.

Российская археология и «археология русских»

В силу этого можно говорить о русской археологии в Палестине в нескольких значениях, понимая под этим и научное наследие археологов имперской России (оно довольно существенно и до конца не освоено); и проект создания новой, современной научной школы, способной работать в общей, по определению интернациональной системе археологии Израиля и Палестины; наконец, фиксацию памятников русского присутствия здесь в дореволюционную эпоху.

Приведу конкретные примеры, показывающие, что израильские археологи, располагая огромным древнейшим наследием, готовы в то же время изучать местную русскую старину. Как известно, постройки и связанные с ними участки Русского городка в Иерусалиме, возведённого вблизи Яффской дороги, за стенами Старого города, в значительной степени утрачены и используются городскими властями для всевозможных нужд. При работах на них обнаруживаются объекты инфраструктуры второй половины XIX в., такие как цистерны для воды, выполненные, в общем, в традиционных

местных технологиях второй половины XIX в. (см.: [1]); работы на русском участке в Тверии позволяют выяснять подробности гораздо более поздние, такие как переоборудование береговой линии Генисаретского озера в середине XX в. [2]. Среди таких сюжетов строительной истории встречаются захватывающие по-настоящему, такие как идентификация остатков давно забытого в исторической топографии Иерусалима и случайно раскрытого при раскопках дома для чиновников Русского генерального консульства на участке «Хомси» у Новых ворот, построенного после длительной переписки, оформления в турецких и русских канцеляриях и иных мытарств [3, 4]. Не менее впечатляют такие сюжеты, как открытие погребения русской паломницы начала XX в. в традиционном для таких захоронений месте, в Акелдаме, где найден был и вполне сохранный, частично заполненный синодик [5, 6].

Особый интерес представляют русские паломнические надписи XVII–XIX вв., как массовые, так и совершенно особые, уникальные [7]; их давно фиксируют местные службы древностей, но первая попытка серьёзной публикации предпринята только что, в рамках нашего проекта (см.: [8]; сбор материала продолжается). В научном отношении такой культурно-антропологический материал служит полем историко-археологического эксперимента, он важен и для музейной работы на русских участках. Так, экспозиция, созданная на «Иоасафовском участке» (Музейно-парковый комплекс РФ в г. Иерихоне) в 2011 г., пополняется собранными при раскопках материалами 1880–2010-х гг. [9, рис. 75, 83, 84]. Столь же ясно напоминает о первом этапе освоения и маленькое русское кладбище 1880-х гг. (ил. 1).

Исключительно важным представляется второе направление работы — освоение археологического наследия российских путешественников-исследователей. Их вклад на раннем этапе развития науки

Ил. 5. Иерихон, Музейно-парковый комплекс РФ:
Президент РФ Д.А. Медведев и Председатель правительства ПНА
Махмуд Аббас осматривают первую археологическую экспозицию. 19.01.2011 г.

о древностях Святой Земли был достаточно велик для того, чтобы требовать осмысления и включения в общий контекст истории науки. Следует отметить, что вкладу других археологических групп, таких, например, как Британское общество, Палестинский исследовательский фонд или францисканская Кустодия, посвящена многочисленная литература, его демонстрируют также средства массовой информации и музейные выставки. Несомненно, вклад русских учёных второй половины XIX в. должен стать предметом такого же анализа, обобщения и достойного историографического нарратива. Отдельные попытки в этом направлении делаются, но цельную картину на их основе до сих пор сложить не удалось — вероятно, потому, что по сей день с этим материалом работали в основном историки-архивисты, для оценки же открытий в контексте необходимы археологи. Именно они смогут не только рассказать

о работах, но и сопоставить их с нынешним состоянием науки, взвесив на этой основе значение работ, от которых нас отделяют уже около полутора столетий.

Работа в этом направлении ведётся и уже дала исключительно яркие результаты, постепенно формируя подлинный «археологический детектив». К примеру, бывшая своего рода «библиотекой Ивана Грозного» коллекция Антонина (Капустина) [10, 11]. Недоступная исследованию чуть ли не с момента завещания её Елеонскому монастырю, существующая более всего в архивной переписке, она медленно обретает истинную плоть. Обращаться к самим вещам, хранящимся на Елеоне, для этого не понадобилось: ключевые экспонаты, запечатлённые на фотографиях начала XX в., получают новые атрибуции, а то и сами обнаруживаются в других музеях. Яркий пример первого — восстановленная история пресловутой «таблички царя Осии» [12]

с невольно приходящими на ум подозрениями в самой её подлинности. Второго – находка в собрании Государственного Эрмитажа «Иерусалимской головы императора Адриана» [13, 14]. Вводятся заново в науку и редкие серии находок, происходящих с русских участков и отложившихся в коллекции, такие как надгробия некрополя в Яффе римской эпохи [15, 16].

XXI век: Иерихонский проект

Речь, конечно, далеко не только о «дешифровке» коллекции Антонина (Капустина). Самое правильное (хотя и самое сложное), что мы можем сегодня сделать с наследием русских учёных XIX в., – это продолжить начатые ими натурные работы. На этом пути главным успехом стали, конечно, раскопки в Иерихоне, которые ак-

Ил. 6. Иерихон. Мозаика VI–VII вв., открытая в 1880-х гг. на Иоасафовском участке и полностью изученная в ходе работ Российско-Палестинской экспедиции. Картограмма сохранности

Ил. 7. Иерихон. Мозаика Иоасафовского участка: фрагменты композиции

Ил. 8. Иерихон, Иоасафовский участок. Архитектурные детали и бытовые изделия из камня. Находки Российско-Палестинской экспедиции

тивно велись в 2010–2013 гг. и продолжились в меру возможностей в 2014–2017 гг. (ил. 2–4). Первый этап, сопряжённый со строительством музея и созданием экспозиции, завершён выпуском итоговой монографии (см.: [9]).

Важными результатами промежуточного этапа стали не только достижение уровня материка и сбор дополнительных материалов керамической мастерской (обработка этих материалов проходит в рамках текущего проекта, см.: [17]), но и обеспечение возможности создания специальной лаборатории и защитно-экспозиционного навеса над продолжающимся раскопом. Полноценное развитие и завершение планируется осуществить силами экспедиции в рамках проекта РФФИ на 2018–2020 гг.

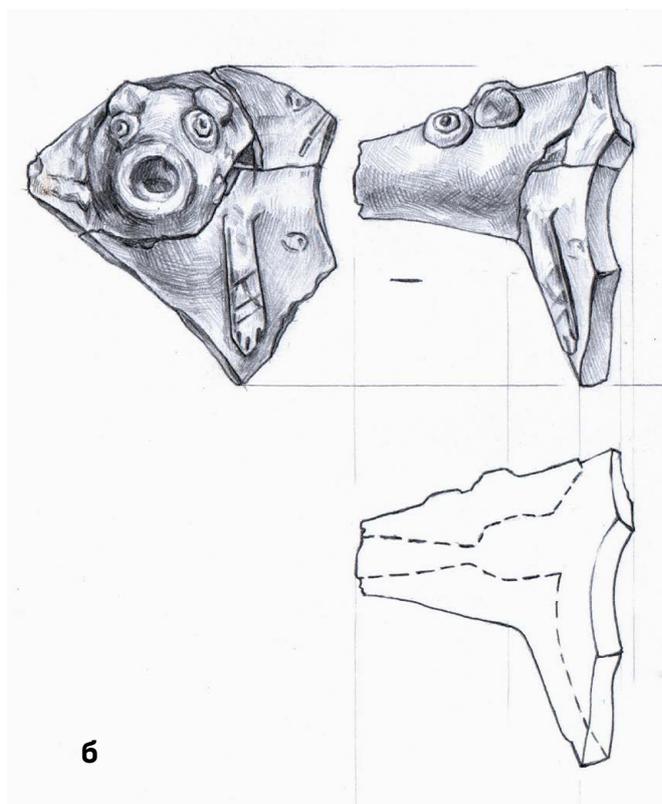
Работы 2010–2017 гг. в Иерихоне на бывшем Иоасафовском участке, возвращённом России в 1995 г., впервые обозначи-

ли археологическое присутствие России в Палестине (ил. 5). Был открыт крупный (монастырский?) комплекс византийской и омейядской эпох, помещавшийся между городской улицей и «керамиконом» — участком гончарных горнов и связанных с ними инсталляций VI–VIII вв. В состав комплекса входили монументальные сооружения из сырца и тёсаного камня с мозаичными полами (в том числе полихромными) и бытовые зоны. Это позволило определить участок как застройку центра средневекового Иерихона (поселение Эр-Риха) (ил. 6–11).

До работ 2010-х гг. конец византийского периода и переход к исламскому в Иерихоне были изучены крайне недостаточно. Теперь был стимулирован интерес к нему и на других городских объектах, вызван к жизни небольшой палестинский музей в известном «Дворце халифа Хишма» и появилась кандидатская диссертация

Ил. 9. Иерихон, Иоасафовский участок. Керамические фрагменты: а — развалы широкогорлых амфор в помещении кладовой; б — носик кувшинчика раннего омейядского периода (рисунок)

ция М.Дженнинга (Восточный институт Чикагского университета) [18]. Не менее значима историографическая часть работы, включившая документальную историю русского присутствия в Иерихоне (начиная от первых построек на участке у «башни Иерихона») и анализ взаимосвязей учёных разных национальных школ XIX в. в деле изучения древностей Иерихонского оазиса.

Несомненно следует продолжать работы по сбору источников в архивах, музеях и на русских участках. Это род научной инвентаризации русского археологического наследия, начатый довольно давно — мы видим в числе своих предшественников учёных из среды эмиграции 1930-х гг., Григория и Елизавету Лукьяновых (см.: [19, 20] и др. их публикации). Новый этап начался с 1990–2000-х гг. после выхо-

Ил. 10. Иерихон, Иоасафовский участок. Изделия из медных сплавов: курильница и лампа (до реставрации)

Ил. 11. Иерихон, Иоасафовский участок.
Изделие из медного сплава —
гирька весом в 3 золотых солида (номизмы)

да «Христианских древностей» [21], полного восстановления Императорского православного палестинского общества и утверждения идеи «археологической реконксты» Святой Земли.

За этим последовали первые статьи, посвящённые памятникам русских участков Палестины [22], в дальнейшем их продолжили археологи Иерусалима, уделявшие внимание современному состоянию объектов и описавшие некоторые из них [23, 24].

Не меньший интерес, чем продолжение обработки и приведение в известность источников, вызывают их реинтерпретация и привлечение к решению современных вопросов науки: её общее развитие позволит, разумеется, увидеть и сами объекты в новом свете [25, 26].

ЛИТЕРАТУРА

1. Kagan E.D. Jerusalem, Ha-Nevi'im Street // Hadashot Arkheologiyot. Excavations and Surveys in Israel. Year 2011. Jerusalem: Israel Antiquity Authority, 2011. Vol. 123. = http://www.hadashot-esi.org.il/reports_eng.aspx?id=117 (03.02.2019).
2. Dalali-Amos E. Tiberias, the Russian Hostel // Hadashot Arkheologiyot. Excavations and Surveys in Israel. Year 2010. Jerusalem: Israel Antiquity Authority. Vol. 122. = http://www.hadashot-esi.org.il/reports_eng.aspx?id=118 (03.02.2019).
3. Чехановец Я., Вах К.А. Раскопки на участке «Хомси» и Русский Консульский дом в Иерусалиме: археология строительства // Российская археология. 2019. № 3 (в печати).
4. Вах К.А. Русский консульский дом в Иерусалиме на участке «Хомси»: история строительства // Иерусалимский православный семинар. М.; Иерусалим, 2018. Вып. 8. С. 82–107.
5. Re'em A. The Medieval Burial Structure at Aeldama: Terminological and Chronological Reflections and Some New Insights in Light of the Archaeological and Textual Evidence // New Studies in the Archaeology of Jerusalem and its Region XII / Uziel J. etc. eds. Jerusalem, 2018. P. 134–167 (Hebrew).
6. Реэм А., Чехановец Я. Русский помятник из Акелдамы // Вестник Свято-Тихоновского православного университета, 2019. № 2 (в печати).
7. Чехановец Я. Порфирий и другие: к будущему исследованию русских паломнических надписей в Святой земле // Иерусалимский православный семинар. Москва-Иерусалим. 2018. Вып. 8. С. 19–30.
8. Беляев Л.А., Вах К.А. Памятные надписи славянских паломников XVIII–XIX вв. в Архангельском монастыре в Иерусалиме (предварительная публикация) // Славяноведение. 2019. № 1. С. 94–99.
9. Беляев Л.А. Византийский Иерихон: раскопки спустя столетие: Материалы Российско-Палестинской археологической экспедиции 2010–2013 гг. / Под ред. Н.А. Макарова. М.: Индрик, 2016.
10. Loukianoff E. Le musée du couvent russe du Mont des Oliviers à Jérusalem // Bulletin de l'Institut d'Égypte. T XIII. Session. 1930–1931. Cairo, 1931. P. 97–101.
11. Гурулева В.В. «В Палестине скоро будет русский музей» (Музей архимандрита Антонина в Иерусалиме) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XXX. СПб., 2007. С. 384–395.
12. Чехановец Я., Вах К. О происхождении иерусалимской надписи ветхозаветного царя Озии // Иерусалимский православный семинар. М.; Иерусалим. 2017. Вып. 7. С. 9–18.
13. Gibson Sh., Nagorsky A. On the so-called head of Hadrian and a hypothetical Roman Triumphal Arch on the North side of Jerusalem // Arise, walk through the land. Studies in the Archaeology and History of the Land of Israel in Memory of Yizhar Hirschfeld on the Tenth Anniversary of his Demise // Ed. Joseph Patrich, Orit Peleg-Barkat, Erez Ben-Yosef. Jerusalem: The Israel Exploration Society, 2016. P. 149–172.
14. Нагорская А., Гибсон Ш. История одной иерусалимской находки: о так называемой «Иерусалимской голове императора Адриана» // Иерусалимский православный семинар. 2015. Т. 6. С. 135–154.
15. Ecker A. The Abu Kabir Necropolis of Jaffa. M.A. Thesis / The Hebrew University of Jerusalem (Institute of Archaeology and the Department of Classical Studies). Jerusalem, 2010.
16. Arbel Y. The Jews of Jaffa in the Roman Period: the archaeological evidence // Arise, walk through the land. 2016. P. 173–184.
17. Голофаст Л.А., Ворошилов А.Н. О времени функционирования гончарной мастерской в Иерихоне (по материалам раскопок 2017 г.) // Российская археология. 2018. № 3. С. 97–110.
18. Jennings M. Beyond the Walls of Jericho: Khirbet al-Mafjar and the Signiture Landscapes of the Jordan Valley Plain. 2015. (Ph. Dissertation. The University of Chicago).

19. Loukianoff M.G. Les lieux historiques dans les propriétés russes de Palestine // Bulletin de l'Institut d'Égypte. T. XIV. Session. 1930–1931. Le Caire, 1932. P. 69–77.
20. Loukianoff E. «Ο Ελαίων». The Basilica of Eleon in Constantine's Time at the Mount of Olives // Mémoires présentés à l'Institut d'Égypte. T. 42. Le Caire, 1939. P. 1–44.
21. Беляев Л.А. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. М.: Открытое общество, 1998.
22. Беляев Л.А., Бутова Р.Б., Лисовой Н.Н. Археологические памятники Русской Палестины по архивным материалам 1870–1910-х годов // Российская археология. № 4. 2009. С. 46–57.
23. Чехановец Я. «Силоамский монолит» и «Верхотура»: археология русских участков в граде Давидовом // Российская археология. 2013. № 4. С. 143–152.
24. Чехановец Я. Археологические памятники участка РДМ в Хевроне // Иерусалимский православный семинар. 2012. Т. 3. С. 23–39.
25. Gibson Sh. The Date of the Pilaster Wall in the Chapel of St. Alexander Nevsky // The Archaeology and History of the Church of the Redeemer and the Muristan in Jerusalem. A Collection of Essays from a Workshop on the Church of the Redeemer and its Vicinity held on 8th/9th September 2014 in Jerusalem / Ed. Dieter Vieweger, Shimon Gibson. Jerusalem-Oxford, 2016. P. 177–188.
26. Tchekhanovets Y. A Byzantine Epitaph of Ioanes the Armenian from the Mount of Olives, Jerusalem // Scripta Classica Israelica. Yearbook of the Israel Society for the Promotion of Classical Studies. Vol. XXXVI, 2017. P. 141–147.

ENGLISH

Russian Archaeology in Palestine

Leonid Andreevich Belyaev — DSc in History, Corresponding Member under the auspices of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of the Institute of Archaeology under the auspices of the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “Russian Archaeology in the Holy Land: History of Research, Current State and Further Development” (№ 18-09-40075).
E-mail: labeliaev@bk.ru

The paper summarizes the findings of the historiographic and archaeological fieldwork focused on the preservation and development of the scientific heritage of the Russian scientists of the 19th — early 20th centuries in the area of the Syro-Palestinian region that most closely matches the concept of the “Holy Land”. The author identifies three core directions of development in the Russian archaeology: field study of the traces of the Russian pilgrims, scientists, representatives of the government and the Orthodox Church; study of antiquities in some Russian areas; insights into the heritage of the 19th — early 20th centuries as historical sources with its further inclusion in the system of modern scientific knowledge. The paper describes the findings obtained to date (including the interim results of excavations in Jericho, the scientific interpretation of a number of artefacts from the collection of Antonin Kapustin, the first catalogues of archaeological sites in the Russian areas). The author focuses on expanding fieldwork, classifying and attributing antiquities, launching them in circulation at the level of modern science, creating a monograph on the history of the Russian studies in the 19th — early 20th centuries.

Keywords: Holy Land Studies, Russia, Palestine, Israel, History of Archaeology, Byzantine Archaeology, Near-Eastern Archaeology, Jerusalem

REFERENCES

1. Kagan E.D. Jerusalem, Ha-Nevi'im Street // Hadashot Arkheologiyot. Excavations and Surveys in Israel. Year 2011. Jerusalem: Israel Antiquity Authority, 2011. Vol. 123. = http://www.hadashot-esi.org.il/reports_eng.aspx?id=117 (03.02.2019).
2. Dalali-Amos E. Tiberias, the Russian Hostel // Hadashot Arkheologiyot. Excavations and Surveys in Israel. Year 2010. Jerusalem: Israel Antiquity Authority. Vol. 122. = http://www.hadashot-esi.org.il/reports_eng.aspx?id=118 (03.02.2019).
3. Chekhanovets Ya., Vakh K.A. Raskopki na uchastke «Khomsy» i Russkiy Konsul'skiy dom v Ierusalime: arkhеologiya stroitel'stva // Rossiyskaya arkhеologiya. 2019. № 3 (v pechati) (in Russian).
4. Vakh K.A. Russkiy konsul'skiy dom v Ierusalime na uchastke «Khomsy»: istoriya stroitel'stva // Ierusalimskiy pravoslavnyy seminar. M.; Ierusalim, 2018. Vyp. 8. S. 82–107 (in Russian).
5. Re'em A. The Medieval Burial Structure at Acedama: Terminological and Chronological Reflections and Some New Insights in Light of the Archaeological and Textual Evidence // New Studies in the Archaeology of Jerusalem and its Region XII / Uziel J. etc. eds. Jerusalem, 2018. P. 134–167 (Hebrew).
6. Reem A., Chekhanovets Ya. Russkiy pomyannik iz Akeldamy // Vestnik Svyato-Tikhonovskogo pravoslavnogo universiteta, 2019. № 2 (v pechati) (in Russian).
7. Chekhanovets Ya. Porfiriyy i drugie: k budushchemu issledovaniyu russkikh palomnicheskikh nadpisey v Svyatoy zemle // Ierusalimskiy pravoslavnyy seminar. Moskva-Ierusalim. 2018. Vyp. 8. S. 19–30 (in Russian).
8. Belyaev L.A., Vakh K.A. Pamyatnye nadpisi slavyanskikh palomnikov XVIII–XIX vv. v Arkhangel'skom monastyre v Ierusalime (predvaritel'naya publikatsiya) // Slavyanovedenie. 2019. № 1. S. 94–99 (in Russian).
9. Belyaev L.A. Vizantiyskiy Ierikhon: raskopki spustya stoletie: Materialy Rossiysko-Palestinskoy arkhеologicheskoy ekspeditsii 2010–2013 gg. / Pod red. N.A. Makarova. M.: Indrik, 2016 (in Russian).
10. Loukianoff E. Le musée du couvent russe du Mont des Oliviers à Jérusalem // Bulletin de l'Institut d'Égypte. T XIII. Session. 1930–1931. Cairo, 1931. P. 97–101.
11. Guruleva V.V. «V Palestine skoro budet russkiy muzey» (Muzey arkhimandrita Antonina v Ierusalime) // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. Vyp. XXX. SPb., 2007. C. 384–395 (in Russian).
12. Chekhanovets Ya., Vakh K. O proiskhozhdenii ierusalimskoy nadpisi vetkhozavetnogo tsarya Ozii // Ierusalimskiy pravoslavnyy seminar. M.; Ierusalim. 2017. Vyp. 7. C. 9–18 (in Russian).
13. Gibson Sh., Nagorsky A. On the so-called head of Hadrian and a hypothetical Roman Triumphal Arch on the North side of Jerusalem // Arise, walk through the land. Studies in the Archaeology and History of the Land of Israel in Memory of Yizhar Hirschfeld on the Tenth Anniversary of his Demise // Ed. Joseph Patrich, Orit Peleg-Barkat, Erez Ben-Yosef. Jerusalem: The Israel Exploration Society, 2016. P. 149–172.
14. Nagorskaya A., Gibson Sh. Istoriya odnoy ierusalimskoy nakhodki: o tak nazyvaemoy «Ierusalimskoy golove imperatora Adriana» // Ierusalimskiy pravoslavnyy seminar. 2015. T. 6. S. 135–154 (in Russian).

15. Ecker A. The Abu Kabir Necropolis of Jaffa. M.A. Thesis / The Hebrew University of Jerusalem (Institute of Archaeology and the Department of Classical Studies). Jerusalem, 2010.
16. Arbel Y. The Jews of Jaffa in the Roman Period: the archaeological evidence // *Arise, walk through the land*. 2016. P. 173–184.
17. Golofast L.A., Voroshilov A.N. O vremeni funktsionirovaniya goncharnoy masterskoy v Ierikhone (po materialam raskopok 2017 g.) // *Rossiyskaya arkheologiya*. 2018. № 3. S. 97–110 (in Russian).
18. Jennings M. Beyond the Walls of Jericho: Khirbet al-Mafjar and the Signature Land-scapes of the Jordan Valley Plain. 2015. (Ph. Dissertation. The University of Chicago).
19. Loukianoff M.G. Les lieux historiques dans les propriétés russes de Palestine // *Bulletin de l'Institut d'Égypte*. T. XIV. Session. 1930–1931. Le Caire, 1932. P. 69–77.
20. Loukianoff E. «Ο Ελαίωv». The Basilica of Eleon in Constantine's Time at the Mount of Olives // *Mémoires présentés à l'Institut d'Égypte*. T. 42. Le Caire, 1939. P. 1–44.
21. Belyaev L.A. *Khristianskie drevnosti. Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie*. M.: Otkrytoe obshchestvo, 1998.
22. Belyaev L.A., Butova R.B., Lisovoy N.N. Arkheologicheskie pamyatniki Russkoy Palestiny po arkhivnym materialam 1870–1910-kh godov // *Rossiyskaya arkheologiya*. № 4. 2009. S. 46–57 (in Russian).
23. Chekhanovets Ya. «Siloamskiy monolit» i «Verkhotura»: arkheologiya russkikh uchastkov v grade Davidovom // *Rossiyskaya arkheologiya*. 2013. № 4. С. 143–152 (in Russian).
24. Chekhanovets Ya. Arkheologicheskie pamyatniki uchastka RDM v Khevrone // *Ierusalimskiy pravoslavnyy seminar*. 2012. T. 3. S. 23–39 (in Russian).
25. Gibson Sh. The Date of the Pilaster Wall in the Chapel of St. Alexander Nevsky // *The Archaeology and History of the Church of the Redeemer and the Muristan in Jerusalem. A Collection of Essays from a Workshop on the Church of the Redeemer and its Vicinity held on 8th/9th September 2014 in Jerusalem* / Ed. Dieter Vieweger, Shimon Gibson. Jerusalem-Oxford, 2016. P. 177–188.
26. Tchekhanovets Y. A Byzantine Epitaph of Ioanes the Armenian from the Mount of Olives, Jerusalem // *Scripta Classica Israelica. Yearbook of the Israel Society for the Promotion of Classical Studies*. Vol. XXXVI, 2017. P. 141–147.

ЭКОНОМИКА

УДК 330.44
ГРНТИ 06.52.13
DOI: 10.22204/2587-8956-2019-095-02-65-76

**Е.Л. ТОРОПЦЕВ,
А.С. МАРАХОВСКИЙ***

Эквивалентирование динамического межотраслевого баланса при решении задач устойчивости

На сайте Росстата с 2017 г. публикуются базовые таблицы «затраты–выпуск». В сочетании с элементами собственной статистической базы исследований это даёт возможность формировать динамические межотраслевые модели достаточно высокой размерности. Данные модели предназначены для решения задач устойчивости, анализа и оптимизации собственных динамических свойств экономических систем. Модели могут использоваться как самостоятельно, так и быть интегрированы в комплексы с вычислимыми равновесными моделями, узнаваемыми под аббревиатурой CGE (*Computable General Equilibrium models*), а также с другими агент-ориентированными моделями. Решение задач оптимизации базируется на активном использовании теории и методов линейной алгебры, дифференциальных уравнений и исследования операций. Необходимость многократного решения полной проблемы собственных значений на этом пути делает алгоритм оптимизации тяжёлым в вычислительном отношении. В то же время в числе определяемых составляющих движения, обусловленных структурой экономики, есть неуправляемые и плохо управляемые со стороны параметров регулирования. Это делает актуальным формализованное снижение размерности исходной модели, адекватное решаемой задаче. В статье изложена такая методика эквивалентирования высокоразмерных динамических межотраслевых моделей для эффективной работы в составе алгоритмов оптимизации собственных/внутренних динамических свойств экономических систем.

Ключевые слова: устойчивость, оптимизация, межотраслевой баланс, агрегирование, эквивалентирование, экономические системы, экономический рост

* **Торопцев Евгений Львович** — доктор экономических наук, профессор кафедры бизнес-информатики Северо-Кавказского федерального университета, руководитель проекта «Расширение информационно-аналитических возможностей CGE-моделей на основе динамического межотраслевого баланса» (18-010-00193а).

E-mail: eltoroptsev@yandex.ru

Мараховский Александр Сергеевич — доктор экономических наук, доцент, научный консультант, исполнитель того же проекта.

E-mail: marahov@yandex.ru

Решение задач структурной устойчивости макроэкономических систем прямо связано с техникой анализа их собственных, т.е. внутренних, динамических свойств (СДС). Техника вычисления СДС достаточно подробно изложена нами ранее [1]. Она основана на решении полной проблемы собственных значений и собственных векторов матрицы состояния динамической межотраслевой модели, формализованной в виде задачи Коши для обыкновенных дифференциальных уравнений:

$$\begin{aligned} BpX(t) + AX(t) + Y(t) = \\ X(t), X(0) = X_0, \end{aligned} \quad (1)$$

где $p = \frac{d}{dt}$ – оператор дифференцирования по времени; B – матрица коэффициентов приростных фондёмкостей; A – технологическая матрица коэффициентов прямых затрат; $X(t)$ – вектор валовых выпусков по видам экономической деятельности (ВЭД); $Y(t)$ – вектор конечного спроса.

Уравнение (1) опубликовано в [2] в разделе 3 первой части книги. Впервые оно написано В.Леонтьевым и увидело свет в 1952 г. – как раз тогда, когда его динамическая теория «затраты–выпуск» стала проходить первую экспериментальную проверку. В [2] также сообщается о существовании матрицы B размерностью (100*100) для американской экономики. Нам же не удалось увидеть ни эту, ни другие такие матрицы для реальных экономик. Доступны оказались только модельные задачи малой размерности из вузовских учебников.

В СССР и в России матрица B никогда не разрабатывалась [3]. Мы предполагаем, что это связано не столько с высокими трудозатратами, как писали в учебниках, сколько с признанием такой работы бесцельной. В самом деле, отечественная статистика базировалась на ОКОНХ, где фондообразующими признавались только две отрасли: «Строительство» и «Машиностроение». Это приводило к выводу

о всего двух ненулевых строках матрицы B и, следовательно, к выводу о «чисто теоретическом» характере модели (1). От модели (1) отказались, а от случая к случаю пользовались её разностными аналогами. Тем самым упускались лучшие случаи динамического межотраслевого моделирования, связанные с анализом и синтезом СДС экономических систем. Дело в том, что модель (1) даёт возможность удобно замыкать её по потреблению, решать задачу Коши для обыкновенных дифференциальных уравнений, а показатели СДС – вычислять методами линейной алгебры, основанными на устойчивых в вычислительном отношении элементарных ортогональных преобразованиях.

Современные статистические данные для оцифровки модели (1) содержатся на сайте Росстата во вкладке «Национальные счета» → «Таблицы “затраты–выпуск”». Сайт содержит не только таблицы ресурсов товаров и услуг за годы вплоть до 2015 (по состоянию на февраль 2019 г.), но с 18 апреля 2017 г. – и базовые таблицы «затраты–выпуск» (ТЗВ) за 2011 г. Аналогичные таблицы за 2016 г. ещё находятся в стадии разработки по результатам Федерального статистического наблюдения. Размерность симметричных ТЗВ составляет (126*126) в координатах «продукт–продукт», что позволяет получить достаточно подробные сведения для моделирования структуры экономики и исследования её СДС. Данные базовых ТЗВ и статистического сборника «Национальные счета России в 2011–2016 годах» [4] позволяют заполнить оцифровку модели. При этом для получения матрицы B будут востребованы данные о затратах труда и капитала, а также Таблицы формирования выпуска товаров и услуг из указанного сборника.

Надо отметить, что получение матрицы B представляет собой нетривиальную задачу, решение которой на основе имеющейся официальной статистики силами одного-двух учёных, на наш взгляд, заслуживает отдельного исследования, а потому не будет здесь представлено. Во-пер-

вых, задача статьи другая, а во-вторых, на сегодняшний день это ноу-хау авторов, ещё ожидающее публикации. Однако некоторые соображения и результат верификации наших усилий по получению обсуждаемой матрицы мы приведём уже в данной статье.

Интересующая нас матрица в модели (1) стоит перед оператором дифференцирования точно так же, как перед ним в уравнении инерционного звена стоит постоянная времени. На этом основании логично предположить, что и элементы матрицы B имеют размерность времени и определённым образом характеризуют технологические (межотраслевые) инерционности представляемой моделью (1) системы. Это не такой уж новый взгляд на обсуждаемую матрицу. Экономико-математический словарь Л.И. Лопатникова (с. 158) прямо говорит о том, что коэффициент приростной фондёмкости характеризует инерцию экономической системы. Таким образом, мы

можем оперировать понятием инерционностей или постоянных времени. При этом у нас нет иного способа проверки правильности таких разработок, кроме соотнесения результатов собственных вычислительных экспериментов с данными официальной статистики на сайте Росстата. Для этого на рис. 1 представлены данные Росстата по валовым выпускам в номинальном выражении, а на него наложены результаты интегрирования (точки, крестики и прочее) модели (1) размерности (15×15) , полученной на основе базовых ТЗВ за 2011 г. и агрегированной до указанной размерности изложенной ниже методикой. При этом интересующие нас матрицы A и B выглядят следующим образом (табл. 1).

Матрица A определена на основе одной из методик Системы национальных счетов, в соответствии с которой используется предположение о товарной технологии (commodity technology assumption, СТА), когда $A = U \cdot M^{-1}$, где U – матрица

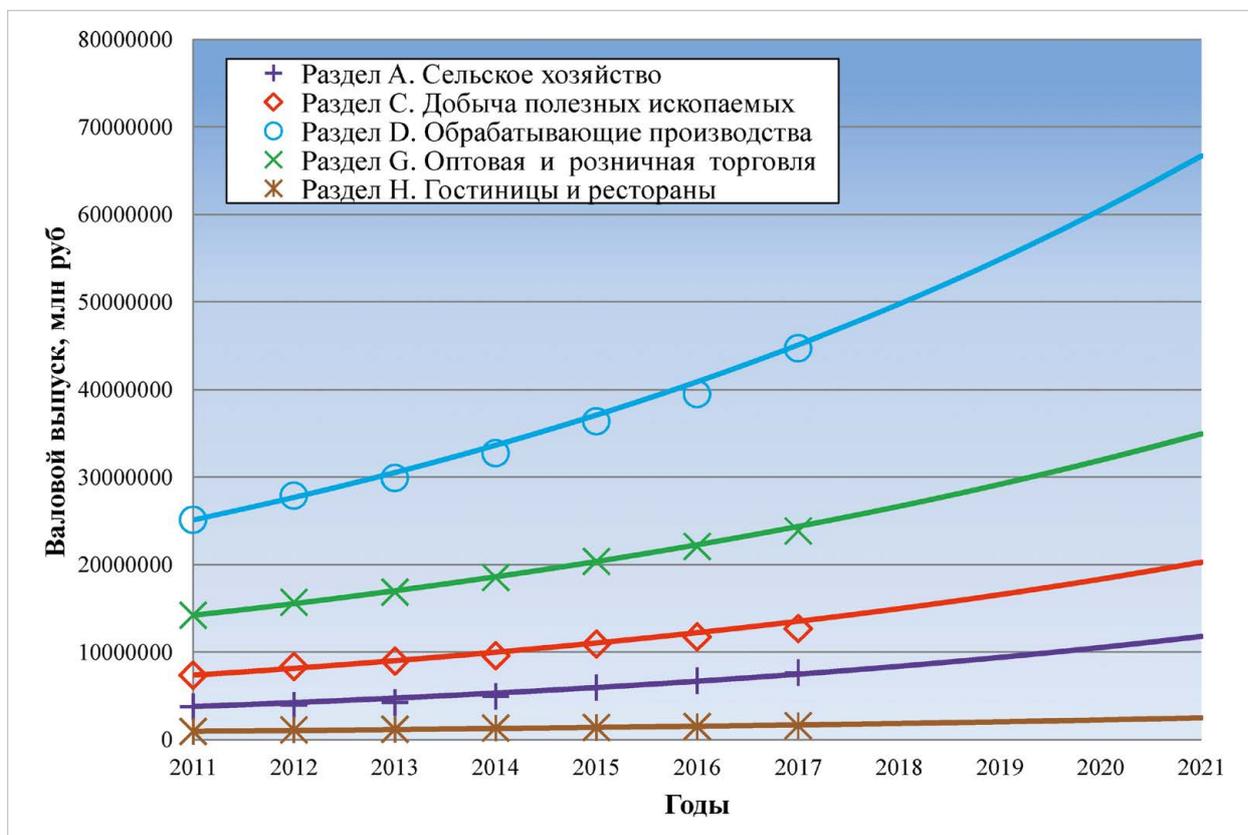

Рис. 1. Данные Росстата по валовому производству и результаты интегрирования модели (1)

Таблица 2

Матрица B модели (1). Собственные вычисления авторов

2.248	0.001		0.039	0.001	0.004	0.002	0.005	0.001		0.002				0.002
	1.497		0.012			0.001		0.002						
	0.000	3.226	0.040	0.010	0.050	0.008	0.011	0.011		0.012			0.003	0.002
0.006	0.009	0.123	1.260	0.037	0.016	0.037	0.013	0.013		0.021			0.002	0.005
			0.001	2.728	0.012	0.003	0.001	0.001		0.004				0.085
		0.002	0.004	0.002	3.738	0.008	0.003	0.009		0.008				0.005
0.001		0.005	0.072	0.001	0.012	2.997	0.064	0.098	0.006	0.196			0.001	0.009
						0.001	2.299			0.002				0.005
		0.002	0.004	0.013	0.020	0.008	0.016	2.584	0.005	0.015		0.001	0.002	0.022
									3.483	0.002				
	0.001	0.008	0.031	0.032	0.034	0.015	0.032	0.012	0.002	3.465		0.022	0.006	0.019
										0.008	3.843			
							0.003					6.363	0.000	0.001
							0.005						2.941	0.001
				0.009	0.001		0.016	0.001		0.004		0.003		2.892

чаются на основе указанных выше данных статистики и содержат числовые характеристики инерционностей экономических систем. Между тем в известных нам работах исследования по теме инерционностей в экономике ранее предпринимались только в рамках научной специальности 08.00.01 – Экономическая теория [6–9], содержали вербальные описания проблемы и не прибегали к числовым оценкам.

Итак, если провести оцифровку и калибровку модели МОБ на основе базовых ТЗВ, то быстро будет установлена избыточность размерности модели в отношении многих задач анализа и оптимизации СДС и качества технологических переходных процессов. Это требует разработки адекватных указанным задачам методов агрегирования модели (1), т.е. её нормальной формы вида

$$pX(t) = QX(t), X(0) = X_0, \quad (2)$$

где Q – матрица состояния системы. Процедура замыкания модели по потреблению уже описывалась нами, в том числе и с вырожденной матрицей B [10], поэтому не будем здесь её повторять.

Решение задач управления и оптимизации требует многократного вычисления

показателей СДС, определяемых на основе собственных чисел и векторов Q . При этом ясно, что любые варианты эквивалентирования/агрегирования, основанные на получении укрупнённых показателей из частных, непременно приводят к утрате части информации о СДС исследуемой экономики. Например, объединение отдельных ВЭД в более крупные может вообще до неузнаваемости изменить собственные значения и векторы матрицы Q , а значит – и показатели СДС. В настоящей работе предложена авторская методика агрегирования высокоразмерных моделей МОБ, отличающаяся от существующих тем, что в процессе получения эквивалентной модели меньшей размерности происходит утрата минимума информации, максимально сохраняются свойства моделируемой системы, доминирующие с точки зрения содержательной постановки задачи.

Первоначально мы будем основываться на математическом описании максимально возможной размерности, которую предоставляют базовые ТЗВ. Сама методика носит формализованный характер и основывается на вычислении коэффициентов чувствительности собственных чисел Q от контролируемых параметров

модели. Для определённости предположим, что управляемыми параметрами являются элементы вектора конечного спроса $y_i, i = 1 \dots, n$. Такое предположение имеет основание, поскольку россияне давно являются свидетелями искусственного сжатия спроса ради достижения целевых показателей по инфляции. Но не будем обсуждать «достоинства» такого варианта управления экономической динамикой, а займёмся формальной стороной дела.

Эквивалентирование/упрощение модели (1), (2) осуществляется за счёт удаления составляющих движения с экспонентами $e^{\lambda_i t}$, слабо зависящих от элементов вектора Y . Такое упрощение — это не тривиальное вычёркивание, так как прямая связь между удаляемыми движениями $e^{\lambda_i t}$ и уравнениями модели отсутствует [11, 12].

Систему (2) перепишем в виде:

$$pX = Q(y_1, y_2, \dots, y_m)X, \quad (3)$$

показывая, что элементы матрицы Q зависят от элементов вектора Y . Отметим, что структура нашей модели обеспечивает линейное участие параметров y_i в формировании Q , т.е. справедливо представление:

$$pX = Q_0 X + \left(\sum_{l=1}^m y_l H_l \right) X = \left(Q_0 + \sum_{l=1}^m y_l H_l \right) X = QX, \quad (4)$$

где Q_0 — то же, что и Q , только при начальных значениях y_i ; H_l — разреженные матрицы (если, конечно, число m значительно меньше исходной размерности модели).

Естественной вычислительной целью выбора y_i в нашей постановке является улучшение СДС экономики как системы. Это, в первую очередь, означает желаемое смещение вправо степени экономического роста как минимум до положительных значений, а также демпфирование колебательных движений, порождающих цик-

лы деловой активности и кризисы. Это достигается численным поиском y_i , минимизирующим гладкую целевую функцию, составленную по вещественным частям собственных чисел матрицы Q .

Перед включением такой процедуры целесообразно уменьшить размерность исходной модели, устранив собственные значения Q_0 , которые слабо управляемы со стороны y_i . Процедура упрощения должна быть универсальна в том смысле, что число m в формуле (4) может быть любым, вплоть до размерности исходной модели, а исключаемые из рассмотрения компоненты движения по своей системной значимости могут быть сопоставимы с теми, что оставлены для рассмотрения. Заметим, что такое исключение из-за неуправляемости качественно отличается от подходов к решению задачи эквивалентирования, которые могут предложить как известный в математике метод малого параметра, так и метод исследования жёстких систем дифференциальных уравнений, разделяющий движения на быстрые и медленные. Нетрудно предположить рост эффективности нашей процедуры с повышением размерности исходной модели МОБ.

Для того чтобы проще и яснее изложить процедуру эквивалентирования, будем полагать, что матрица Q_0 (и Q тоже) есть матрица простой структуры. Это значит, что среди собственных векторов нет кратных, а число различных собственных векторов равно размерности модели (1), (2) n . Замена переменных $X = U \cdot Z$ в системе (4), где U — есть матрица, столбцы которой содержат собственные векторы Q_0 , очевидно позволяет привести (4) к виду

$$\frac{dZ}{dt} = \left(D + \sum_{l=1}^m y_l P_l \right) Z = WZ, \quad (5)$$

где $D = U^{-1} Q_0 U = \text{diag}(\lambda_1, \lambda_2, \dots, \lambda_n)$ — диагональная матрица с собственными значениями Q_0 на диагонали; $P_l = U^{-1} H_l U$.

Заметим, что в процессе вычислений можно обойтись без использования комплексной арифметики, если матрицу D сделать блочно-диагональной. Тогда вещественные собственные числа λ_i расположены на диагонали D , им отвечают столбцы U , равные u_i . Комплексно-сопряжённые пары $\lambda_{i, i+1} = \alpha_i \pm j\omega_i$ занимают в матрице D диагональные клетки D_i второго порядка вида

$$D_i = \begin{pmatrix} \alpha_i - \omega_i & \\ \omega_i & \alpha_i \end{pmatrix}.$$

Этим числам соответствуют собственные векторы $u_{i, i+1} = \eta_i \pm j\xi_i$, причём в матрице U i -й столбец будет равен η , а $i+1$, соответственно, будет равен $-\xi$.

Известно, что подобные матрицы имеют одни и те же спектры. Преобразование подобия мы провели диагонализацию задачи, и теперь вариации управляющих параметров y_i будут изменять расположение на комплексной плоскости собственных значений матрицы W вместо управления спектром Q , как было в исходной задаче.

Мы помним, что варьируемые параметры y_i линейно входят в задачу согласно структуре МОБ. Тогда чувствительность собственных чисел матрицы Q к этим вариациям для i -го собственного числа можно в первом приближении оценить производной $\partial\lambda_i/\partial y_i$. В соответствии с [13] такая производная вычисляется по формуле

$$\frac{\partial\lambda_i}{\partial y_i} = \frac{v_i^T H_i u_i}{v_i^T u_i}, \quad (6)$$

где u_i, v_i – собственные векторы матриц Q_0 и Q_0^T соответственно. Именно матрица H используется в формуле (6) вместо производной $\partial Q/\partial y_i$, что обусловлено линейным входжением параметров y_i в нашу оптимизационную задачу. Эта матрица удобна не только для оценки чув-

ствительностей по формуле (6), но и для последующего эквивалентирования исходной модели – уменьшения её размерности.

Составляющие движения, отличающиеся слабой управляемостью (обладающие малыми производными (6)), могут быть исключены из дальнейшего рассмотрения путём удаления отвечающих им строк и столбцов матриц D и P , а последующий численный поиск варьируемых параметров проводится для модели гораздо меньшей размерности. Эквивалентные модели, преодолевшие избыточность математического описания с точки зрения решаемой задачи, используются для анализа СДС. При этом свойства управляемых составляющих движения не искажаются.

В таблице 3 приведены собственные значения и их чувствительности от вариации потребления из семи разделов ОКВЭД, именуемых литерами D, E, F, G, J, K, O.

Степень экономического роста в таблице 3 выделена жирным шрифтом. Корни 1 и 2 в данном случае не могут «отвечать» за рост, так как элементы соответствующих им собственных векторов имеют чередующиеся знаки. Аперiodические составляющие движения с номерами 4, 5 и колебательная компонента 6, 7 затухают.

Даже беглый анализ данных таблицы позволяет видеть, что попытки управления конечным спросом практически не влияют на экономический рост, а также не улучшают прочие показатели СДС в связи с тем, что величины $\text{Re}(\partial\lambda_i/\partial y_i)$ имеют разные знаки. Это означает конфликтное (встречное) движение корней характеристического уравнения на комплексной плоскости при попытках управлять конечным спросом. Следовательно, управление спросом (например, за счёт проведения той или иной монетарной политики) в данном случае имеет слабое отношение к экономическому росту и служит иной цели – достижению целевых показателей годовой инфляции. Экономический рост может быть иницииро-

Таблица 3

Чувствительности составляющих движения

№	Собственные значения λ_i	Коэффициенты чувствительности $\text{Re}(\partial\lambda_i/\partial y_i)$ к компонентам конечного спроса						
		y_D	y_E	y_F	y_G	y_J	y_K	y_O
1	0,38	0,03	-0,04	-0,00	-0,01	0,02	-0,09	-0,15
2	0,21	-0,01	-0,06	0,00	-0,01	0,00	-0,23	-0,09
3	$0,18 \cdot 10^{-4}$	0,00	0,00	-0,01	0,02	0,03	-0,00	0,01
4	-0,13	0,06	0,02	0,02	0,01	0,03	0,00	-0,06
5	-0,34	0,00	0,01	0,00	0,05	-0,39	-0,05	-0,11
6,7	$-1,04 \pm 1,69i$	0,00	0,03	-0,04	-0,10	-0,06	0,10	0,44

ван на основе других сигналов управления, но это не тема данной статьи.

Ошибка аппроксимации легко оценивается прямым расчётом спектра собственных значений для исходной модели после завершения процедур численного поиска варьируемых параметров системы. Такие расчёты показывают, что их точность можно считать весьма высокой: относительная ошибка вычислений собственных чисел не превышает 2%.

Теперь можно поставить и решить задачу оценки погрешности предложенного метода упрощения динамической модели МОБ без решения полной проблемы собственных значений. Кроме того, важно рассмотреть вопрос о повышении точности решения задачи, если таковая оказалась неудовлетворительной. Для ответа на интересующие вопросы прибегнем к асимптотическому разложению управляемых собственных чисел по степеням конечного спроса (т.е. параметра регулирования).

Обратим внимание на матрицу W из формулы (5), представив её в виде:

$$W = \begin{pmatrix} D_1 & \\ & D_2 \end{pmatrix} + y \begin{pmatrix} P_{11} & P_{12} \\ P_{21} & P_{22} \end{pmatrix}, \quad (7)$$

где D_1, D_2 – диагональные матрицы порядка q и $n-q$ соответственно; y – варьиру-

емый параметр (элемент вектора Y); P_{ij} – блочные матрицы, составляющие P_l .

Размерность q определена так, что D_l имеет на своей диагонали хорошо управляемые собственные значения, записанные в подвектор $\lambda_i^{(1)}$, а в $\lambda_i^{(2)}$ входят плохо управляемые корни, расположенные на диагонали D_2 . Тогда норма P_{11} значительно превышает нормы оставшихся трёх подматриц P_l , так как её элементы больше по величине, т.е.:

$$\|P_{11}\| \gg \|P_{12}\|, \|P_{21}\|, \|P_{22}\|.$$

Пусть $V(y)$ есть матрица, преобразующая W к диагональному виду при $y = 0$, а $V_l(y)$ – матрица, состоящая из первых q её столбцов. Тогда возможны следующие блочные представления:

$$V(y) = \begin{pmatrix} V_{11}(y) & V_{12}(y) \\ V_{21}(y) & V_{22}(y) \end{pmatrix}; \quad V_l(y) = \begin{pmatrix} V_{11}(y) \\ V_{21}(y) \end{pmatrix};$$

$$V^{-1}(y) W V(y) = \begin{pmatrix} D_1(y) & \\ & D_2(y) \end{pmatrix}, \quad (8)$$

и тогда очевидно, что

$$W V_l(y) = V_l(y) D_1(y). \quad (9)$$

Видно, что на диагонали матрицы $D_1(y)$ размещаются управляемые собственные

значения, а $V_1(y)$ содержит соответствующие им собственные векторы матрицы W . Тогда (полагая, что $V_{11}(y)$ неособенная) умножение (9) справа на $V_{11}^{-1}(y)$ даёт:

$$\begin{aligned} WV_1(y) V_{11}^{-1}(y) &= V_1(y) V_{11}^{-1}(y) V_{11}(y) \\ D_1(y) V_{11}^{-1}(y), W\tilde{V}_1(y) &= \tilde{V}_1(y)\tilde{D}_1(y), \end{aligned} \quad (10)$$

$$\tilde{V}_1(y) = V_1(y)V_{11}^{-1}(y), \quad (11)$$

где $\tilde{D}_1(y) = V_{11}D_1V_{11}^{-1}$ – матрица, которая вследствие подобия сохраняет собственные значения $D_1(y)$.

Теперь представим разложение матриц $\tilde{D}_1(y)$ и $\tilde{V}_1(y)$ по степеням параметра регулирования следующим образом:

$$\tilde{D}_1(y) = D_1 + \sum_{i=1}^{\infty} y^i R_i \quad (12)$$

$$\tilde{V}_1(y) = \begin{pmatrix} E_q \\ 0 \end{pmatrix} + \sum_{i=1}^{\infty} y^i \begin{pmatrix} 0 \\ T_i \end{pmatrix}, \quad (13)$$

где $D_1 = D_1(0)$ блок матрицы из формулы (7), а R_i, T_i представляют собой матричные коэффициенты разложения размерности $q \times q$ и $(n-q) \times q$, E_q – единичная матрица порядка q .

Характерный вид разложения матрицы $\tilde{V}_1(y)$, полученный в формуле (13), позволяет видеть, что её первые q строк не зависят от параметра y . Такая специфика разложения определяется преобразованием (11). В дальнейшем выбор/поиск значения y проводится уже для модели с матрицей меньшей размерности, чем исходная. Модель с матрицей $\tilde{D}_1(y)$ размерности $q \times q$ содержит только управляемые с помощью параметра y собственные числа.

Матрицу R_i можно определить путём подстановки разложений (12) и (13) в формулу (10). А приравнявая коэффициенты при первой степени y , с учётом формулы (7), получим:

$$\begin{pmatrix} P_{11} \\ P_{21} \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} 0 \\ D_2T_1 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} R_1 \\ 0 \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} 0 \\ T_1D_1 \end{pmatrix}, \quad (14)$$

откуда становится очевидным, что

$$R_1 = P_{11}; \quad T_1D_1 - D_2T_1 = P_{21}. \quad (15)$$

С учётом того, что матрицы D_1, D_2 диагональны, из второго уравнения (15) немедленно следует, что элементы неизвестной матрицы \hat{Q}_1 вычисляются по формулам:

$$t_{ij}^{(1)} = \frac{P_{ij}^{(21)}}{\lambda_j^{(1)} - \lambda_i^{(2)}}. \quad (16)$$

Из формулы (16) следует, что матрица \hat{Q}_1 определяется единственным образом, если диагональные матрицы D_1, D_2 имеют различные собственные значения. Этот результат можно получить на основе численных алгоритмов, изложенных в [14].

Аналогично сказанному для первой степени параметра регулирования для коэффициентов при y^2 получим:

$$R_2 = P_{12}T_1; \quad T_2D_1 - D_2T_2 = P_{22}T_1 - T_1P_{11}. \quad (17)$$

Тогда общий вид выражения для вычисления коэффициентов при y^s будет таким:

$$R_s = P_{12}T_{s-1}, \quad (18)$$

$$\begin{aligned} T_sD_1 - D_2T_s &= P_{22}T_{s-1} - T_{s-1}P_{11} - \\ &\sum_{i=2}^{s-1} T_{s-i}P_{12}T_{i-1}, \quad s \geq 3. \end{aligned} \quad (19)$$

Матрицы в правой части (19) вычислены ранее, поэтому процедура получения T_s не отличается от случая (15), (16). Таким образом, формулы (12), (18) и (19) являются рабочими формулами для построения матрицы упрощённой модели динамического МОБ с наперёд заданной точностью.

Изложенная методика эквивалентирования позволяет с высокой вычислительной эффективностью проводить многопараметрическую оптимизацию СДС экономических систем по динамическим моде-

лям МОБ, в том числе и при работе МОБ в комплексе с CGE и иными агент-ориентированными моделями [15, 16]. Для решения столь сложных задач достаточно вычислительной мощности современного ноутбука. При этом в исходной модели состав и структура экономики учитываются настолько подробно, насколько это позволяют опубликованные базовые ТЗВ. Такое математическое описание максимально подробно отражает межотраслевые связи. Если потом оно оказывается избыточным по отношению к конкретной оптимизаци-

онной задаче, когда собственные значения вычисляются на каждом шаге работы алгоритма оптимизации, то перед стартом процесса исходная модель упрощается. Оптимизация проводится для этой эквивалентной модели, а по завершении процесса однократно рассчитываются собственные числа для исходной модели высокой размерности. Тем самым прямо оценивается погрешность результата, если эквивалентирование проводилось без заранее заданных требований к точности результата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Торопцев Е.Л., Мараховский А.С., Дужински Р.Р. Теоретические основы разработки комплекса равновесных и межотраслевых моделей // Экономический анализ: теория и практика. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 427 – 446. <https://doi.org/10.24891/ea.18.3.427>.
2. Leontief Wassily. Essays in economics: theories, theorizing, facts, and policies. New Brunswick (U.S.A.): Transaction Books. 1985.
3. Суворов Н.В., Трещина С.В., Балашова Е.В. Роль технологического фактора в развитии российской экономики: результаты прогнозно-аналитических исследований // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2005. Т. 13. С. 8–75.
4. Масакова И.Д. Национальные счета России в 2011–2016 годах: Статистический сборник. М.: Росстат, 2017.
5. Узяков М.Н. Проблемы построения межотраслевой модели равновесия российской экономики // Проблемы прогнозирования. 2000. № 2. С. 18–33.
6. Сиднина В.Л. Формы проявления инерционности в социально-экономической системе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2002. № 2. С. 150–154.
7. Воеводина Н.В. Инерционность национальной экономики: фундаментальная база исследования. Владивосток: Дальневосточный государственный университет. 2002.
8. Сиднина В.Л. Инерционность экономической системы // Общество и экономика. 2002. № 2. С. 144–149.
9. Агеева О.Ю., Спахов С.В., Юшкова В.Э. Инерционность экономических систем как фактор цикличности экономики // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2018. № 3 (58). С. 231–237.
10. Дужински Р.Р., Торопцев Е.Л. Оценка влияния инвестиционных проектов на экономический рост // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 14 (389). С. 16–28.
11. Кузовков Н.Т. Модальное управление и наблюдающие устройства. М.: Машиностроение, 1976.
12. Красовский А.А. Справочник по теории автоматического управления. М.: Наука, Гл. ред. физ.-мат. литературы, 1987.
13. Уилкинсон Дж. Алгебраическая проблема собственных значений. М.: Наука, 1970.
14. Гантмахер Ф.Р. Теория матриц. М.: Физматлит, 2010.
15. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сулакшин С.С. Применение вычислимых моделей в государственном управлении. М.: Научный эксперт, 2007.
16. Изотов Д.А. Эмпирические модели общего экономического равновесия // Пространственная экономика. 2014. № 3. С. 138–167.

ENGLISH

Equivalencing Dynamic Inter-Sectoral Balance in Sustainability Issues

Evgeniy Lvovich Toroptsev – DSc in Economics, Professor at the Department of Business Computer Science of North-Caucasus Federal University, supervisor of the project “Expansion of Information and Analytical Capabilities of CGE-Models Based on Dynamic Inter-Branch Balance” (18-010-00193a).

E-mail: eltoroptsev@yandex.ru

Alexander Sergeevich Marakhovskiy – DSc in Economics, Associate Professor, Scientific Consultant, co-performer in the same project.

E-mail: marahov@yandex.ru

Since 2017, the Federal State Statistics Service (Rosstat) has published “cost-output” tables on its website. Together with some parts of its statistical database of studies, this helps to create dynamic inter-branch models of a sufficiently high dimension. These models are designed to tackle issues of stability, analysis and improvement of the own dynamic properties of economic systems. Models can be used either independently or integrated into complexes with computable equilibrium models abbreviated as CGE (Computable General Equilibrium), as well as with other agent-focused models. Improvement here is driven by the active use of the theory and methods of linear algebra, differential equations, and operations research. The need to repeatedly solve the complete eigenvalue problem on this path makes the improvement algorithm computationally challenging. Still, among the defined components of the movement, determined by the structure of the economy, there are those uncontrolled and poorly controlled by the parameters of regulation. This makes relevant a formalized reduction of the dimension of the original model, adequate to the problem being solved. The paper introduces a technique of equivalencing high-dimensional dynamic inter-industry models for effective work as part of improving algorithms for the intrinsic/internal dynamic properties of economic systems.

Keywords: stability, optimization, interindustry balance, aggregation, equivalence, economic systems, economic growth

REFERENCES

1. Toroptsev E.L., Marakhovskiy A.S., Duzhinski R.R. Teoreticheskie osnovy razrabotki kompleksa ravnovesnykh i mezhotraslevykh modeley // Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika. – 2019. T. 18, № 3. S. 427–446. <https://doi.org/10.24891/ea.18.3.427> (in Russian).
2. Leontief Wassily. Essays in economics: theories, theorizing, facts, and policies. New Brunswick (U.S.A.): Transaction Books. 1985.
3. Suvorov N.V., Treshchina S.V., Balashova E.V. Rol' tekhnologicheskogo faktora v razvitiy rossiyskoy ekonomiki: rezul'taty prognozno-analiticheskikh issledovaniy // Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN. 2005. T. 13. S. 8–75 (in Russian).
4. Masakova I.D. Natsional'nye scheta Rossii v 2011–2016 godakh: Statisticheskiy sbornik. M.: Rosstat, 2017 (in Russian).

5. Uzyakov M.N. Problemy postroeniya mezhotraslevoy modeli ravnovesiya rossiyskoy ekonomiki // Problemy prognozirovaniya. 2000. № 2. S. 18–33 (in Russian).
6. Sidnina V.L. Formy proyavleniya inertsionnosti v sotsial'no-ekonomicheskoy systeme // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2002. № 2. S. 150–154 (in Russian).
7. Voevodina N.V. Inertsionnost' natsional'noy ekonomiki: fundamental'naya baza isledovaniya. Vladivostok: Dal'nevostochnyy gosudarstvennyy universitet. 2002 (in Russian).
8. Sidnina V.L. Inertsionnost' ekonomicheskoy sistemy // Obshchestvo i ekonomika. 2002. № 2. С. 144–149 (in Russian).
9. Ageeva O.Yu., Spakhov S.V., Yushkova V.E. Inertsionnost' ekonomicheskikh sistem kak faktor tsiklichnosti ekonomiki // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2018. № 3 (58). S. 231–237 (in Russian).
10. Duzhinski R.R., Toroptsev E.L. Otsenka vliyaniya investitsionnykh proektov na ekonomicheskiy rost // Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. 2015. № 14 (389). S. 16–28 (in Russian).
11. Kuzovkov N.T. Modal'noe upravlenie i nablyudayushchie ustroystva. M.: Mashinostroenie, 1976 (in Russian).
12. Krasovskiy A.A. Spravochnik po teorii avtomaticheskogo upravleniya. M.: Nauka, Gl. red. fiz.-mat. literatury, 1987 (in Russian).
13. Uilknsn Dzh. Algebraicheskaya problema sobstvennykh znacheniy. M.: Nauka, 1970 (in Russian).
14. Gantmakher F.R. Teoriya matrits. M.: Fizmatlit, 2010 (in Russian).
15. Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Sulakshin S.S. Primenenie vychislimykh modeley v gosudarstvennom upravlenii. M.: Nauchnyy ekspert, 2007 (in Russian).
16. Izotov D.A. Empiricheskie modeli obshchego ekonomicheskogo ravnovesiya // Prostranstvennaya ekonomika. 2014. № 3. S. 138–167 (in Russian).

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

УДК 316.3

ГРНТИ 81.93 / 4.21.81

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-095-02-77-89

М.Е. ПОЗДНЯКОВА*

Новая наркоситуация в России

Статья посвящена изучению стремительно меняющейся наркоситуации и механизма формирования различных способов перехода к «новым» моделям потребления наркотических веществ, определению роли «контролируемого» наркопотребления в наркотизации различных половозрастных групп. Рассматриваются особенности современной ситуации. Раскрываются позитивные изменения: снижение общего числа лиц, состоящих на учёте с диагнозом «наркомания», снижение заболеваемости опиоидной наркоманией, уменьшение числа потребителей инъекционных наркотиков. Одновременно отмечается вступление в стадию массовой завуалированной (скрытой) наркотизации. Фиксируется рост интереса населения к различного рода психостимуляторам. Появился целый класс новых наркотических веществ. Доступность и в некоторых случаях дешевизна «новых наркотиков» создают условия для различного рода наркоэкспериментов как для постоянных и эпизодических потребителей, так и для склонных к первым пробам. Это привело к смене способов наркотизации, усилению сочетанного употребления наркотиков. Среди определённых групп населения получили распространение такие модели, как «статусное», «рекреативное», «клубное» наркопотребление. Выявлены и показаны реальные практики контролируемого потребления наркотиков. Такое «контролируемое» потребление чаще всего является промежуточной стадией формирования наркозависимости с отложенными сроками и требует особых форм социального контроля.

Ключевые слова: наркоситуация, «скрытое» наркопотребление, новые наркотики, структура наркотиков, мотивы, первые пробы, половозрастные группы, «контролируемое» потребление наркотиков

* **Позднякова Маргарита Ефимовна** — кандидат философских наук, руководитель сектора социологии девиантного поведения Института социологии ФНИСЦ РАН, руководитель проекта «Новая наркоситуация в России. Роль «контролируемого» потребления в распространении психоактивных веществ в различных группах населения» (16-03-00616а).
E-mail: margo417@mail.ru

Эмпирическая база и методы исследования

В нашем исследовательском проекте новым и оригинальным подходом к изучаемой проблеме стало рассмотрение употребления наркотиков как значимой и целесообразной деятельности для определённой части членов общества. Социологический подход к проблемам наркомании учитывал стадии развития этого социального феномена, влияние нормативной структуры на распространение наркомании. Объяснительных теорий наркотизма практически нет, более того, в России практически отсутствуют социологические исследования, посвящённые распространению новых наркотиков. При исследовании новой наркоситуации и новых моделей потребления была предпринята попытка использовать теории, применявшиеся к объяснению «обычного» потребительского поведения (Т.Веблен, Ж.Бодрийяр, У.Эко, З.Бауман), а также теории социальных практик (М. де Серто, П.Бурдьё) как развёртывание и широкомасштабное применение к процессам человеческого существования идей повседневности, разработанных в рамках феноменологической социологии [1–4, 12]. Суть этого подхода – в специфическом понимании человеческих действий (поступков), большинство из которых рассматриваются как фоновые, т.е. не объяснимые как жёстко фиксированными причинно-следственными, так и бихевиористскими («стимул–реакция») связями [9, 13].

Были использованы и теоретические разработки современных российских учёных (Я.И.Гилинского, Ю.Ю.Комлева, А.Л.Салагаева, Ф.Э.Шереги и др.), которые вслед за зарубежными авторами интегрируют положения классических и постклассических теорий в собственных концептуальных построениях [6, 8, 11, 14]. Для нашего исследовательского коллектива (Л.Н.Рыбакова, В.В.Брюно, М.П.Титова, Е.В.Шульгина, И.В.Козлова) они были интересны тем, что дали возможность

рассматривать не отдельные социальные (структурные, культурные, организационные или личностные) аспекты проблемы наркотизма, а осуществить интегративный подход. Эти работы позволили дать эмпирическую оценку некоторым положениям теории рестриктивного контроля в контексте противодействия наркотизму.

Сегодня в сфере наркопотребления происходят мало заметные внешне, но весьма существенные трансформации. Наряду с «низовым» наркопотреблением (тяжёлые формы зависимости, приводящие к маргинализации, статусно-ролевым и личностным дисфункциям) всё большее распространение получают «новые» формы – так называемое статусное и рекреативное наркопотребление (рис.). В объяснительной модели современного наркотизма нам близок тезис о рекреативной функциональности наркопотребления [7]. Мы с уверенностью можем говорить о том, что этот тезис неоднократно подтверждался данными наших исследований (гедонистические мотивы потребления и т.п.). Суть его в том, что человек использует психоактивные вещества для рекреации на протяжении тысячелетий, и просто существуют «культурные стереотипы», определяющие, какие вещества можно использовать, а какие нет. Статусное («престижное») наркопотребление можно объяснить в парадигме «престижного и демонстративного потребления» Т.Веблена («Теория праздного класса»), а контролируемое рекреативное потребление – культурологическими теориями Ж.Бодрийяра, У.Эко, З.Баумана и др. Речь идёт о потребительской культуре, расширении рекреативных практик и вообще опыта, нормализации желаний. Эти теории описывают такие формы потребительского поведения, которые направлены не на удовлетворение потребностей индивида или группы, а на сохранение и поддержание статуса. Формирование массовой привычки к эмоциональной стимуляции создаёт предпосылки для формирования положительных установок

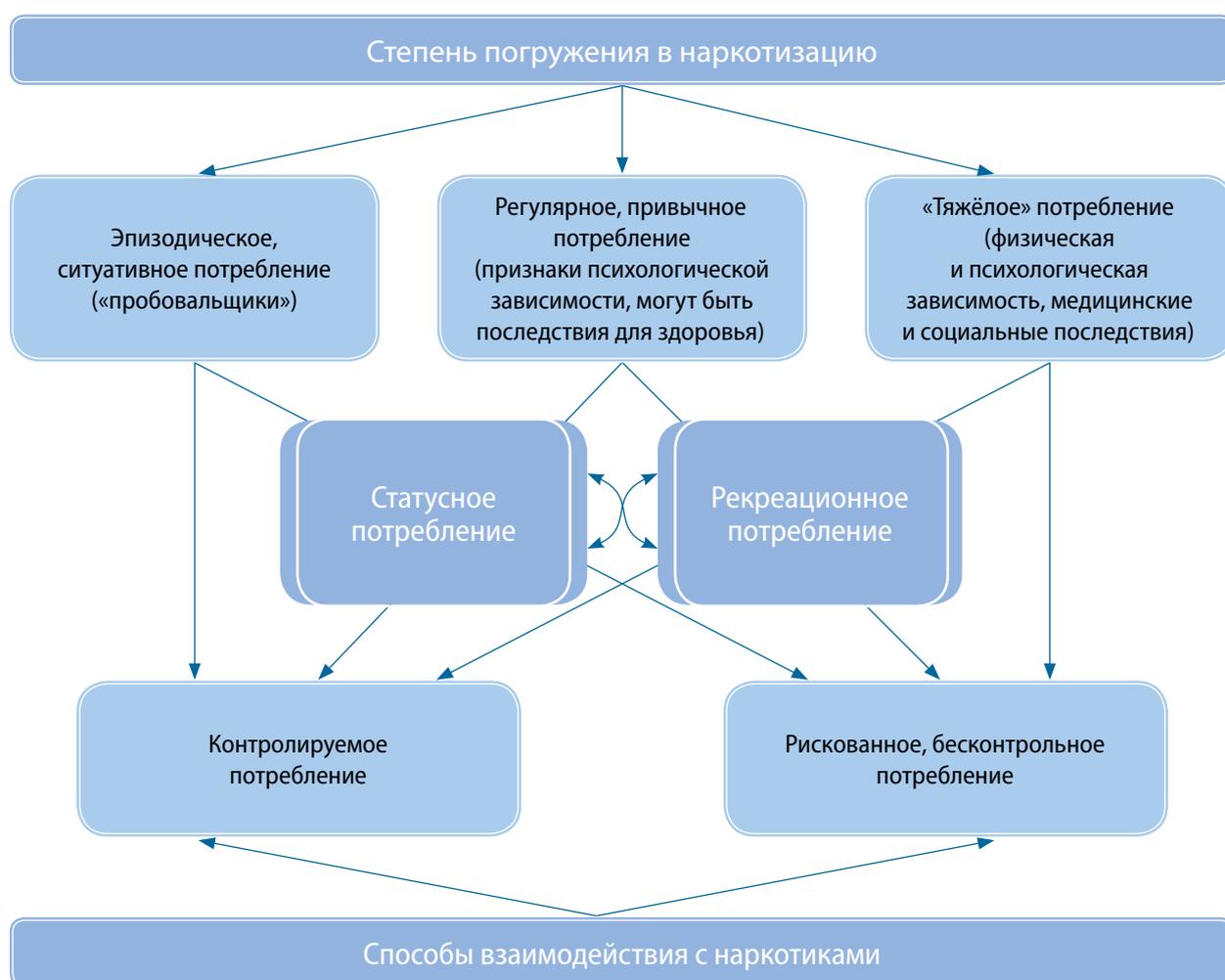

Рис. Виды и модели наркопотребления

к рекреативному, эпизодическому потреблению «лёгких» («безопасных», «не наносящих ущерба») стимуляторов: «чтобы расслабиться», «на вечеринке», «за компанию», «для расширения опыта» и т.д. [7, 9].

Мы попытались свести воедино две программы исследования: изучение стремительно меняющейся наркоситуации и механизма формирования перехода к «новым» моделям потребления, определение роли «контролируемого» потребления в наркотизации различных половозрастных групп. Методолого-методическая особенность исследования заключается в разработке различных методик для каждого этапа исследования. Каждый этап требовал или разработки новой программы, или адаптации уже использованных на предыдущем этапе. Это бы-

ло связано с тем, что каждый этап, с одной стороны, давал приращение нового знания, требующего глубокого осмысления полученных результатов, с другой стороны, динамика социальных процессов, затрагивающих такую форму девиации, как наркомания, и глубокая латентность самого явления требовали от исследователей коррекции как программы, так и применяемых методик. В силу этих обстоятельств для выполнения исследовательских задач применялся комплексный подход, потребовавший, помимо использования традиционных социологических методик, разработки новых подходов к качественным и количественным исследованиям.

Важным звеном в проведении исследования было построение логической схе-

мы анализа информации, позволяющей оценить состояние изучаемого явления. Некоторые социальные характеристики, обусловленные эмпирическим материалом, были объяснены как прямой результат употребления наркотиков. При объяснении причин наркотизации в проекте использовался герменевтический подход: анализ проблемы на основе представления потребителя наркотиков.

Социологический подход к проблеме осуществлялся на макро- и микроуровне. Макроподход включал анализ макросоциальных причин наркомании и перехода к «новым» наркотикам и соответственно новым моделям потребления: проблемы современного общества; современный стиль жизни; кризис традиционного общества и семьи; информационное общество; влияние СМИ (Интернета); социально-экономическая ситуация и условия; социальная мобильность; системы социальных норм, ценностей; распределение возможностей и т.д. Микроподход предусматривал анализ параметров социальной ситуации, ведущей к изменению форм потребления наркотических средств; социальный статус индивида; социальное происхождение; семейная, профессиональная интеграция и др., а также социально-психологические особенности индивида (склонность к риску, «поиск острых ощущений», преморбидные характеристики личности и др.)

Выводы исследования основаны на большом эмпирическом материале:

1. Количественные исследования. Две волны онлайн-опроса трудоспособного населения в возрасте 18–60 лет в 13 городах России по многоступенчатой квотной выборке (2016 г. — N = 1337; 2017 г. — N = 1406); онлайн-опрос студентов вузов (N = 485); аудиторные опросы учащихся колледжей (N = 715).
2. Качественные исследования. Глубинные интервью субкультурной группы наркопотребителей с различным наркоопытом и стажем потребления психоактивных веществ с целью выявления
3. Вторичный анализ данных предыдущих исследований сектора социологии девиантного поведения Института социологии РАН, посвящённых распространению наркомании: онлайн-опрос трудоспособного населения в возрасте 18–60 лет (2013 г. — N = 1126); опросы школьников (2006 г. — N = 2879; 2010 г. — N = 935; 2013 г. — N = 336); опросы студентов различных вузов и колледжей (2010 г. — N = 319; 2013 г. — N = 739). Вторичный анализ материалов специального исследования учащейся молодёжи в возрасте от 13 до 23 лет, посвящённого изучению потребностей и поиску острых ощущений. Вторичный анализ материалов опроса потребителей героина и стимуляторов (участников программы «Снижение вреда» для изучения различных форм социального контроля).

Особенности наркоситуации в России

Для нашей страны характерны общие мировые тенденции наркотизации населения. Анализ данных зарубежных мониторингов, проводимых Управлением Организации Объединённых Наций по наркотикам и преступности (UNODC) и Европейским центром мониторинга наркотиков и наркомании (EMCDDA), показывает, что в России, также как и на Западе, отмечаются тенденция изменения структуры наркотиков, замена повсеместно распространённого в последние годы основного «тяжёлого» наркотика — героина — на синтетические вещества (амфета-

мины) и различные психотропные средства [5, 15, 16]. За рубежом нет единства в оценке актуальности проблемы «новых» наркотиков, так как характер их употребления молодыми людьми неодинаков в разных странах и зависит от социально-экономических условий их жизни. Последние данные мониторингов EMCDDA и UNODC о распространённости употребления новых психоактивных веществ (НПВ) в некоторых странах свидетельствуют о наличии различных тенденций [15, 16].

Высокая латентность потребления «новых» наркотиков затрудняет количественную оценку явления как у нас в стране, так и за рубежом. В среднем по странам около 10% молодых респондентов заявили, что они пробовали «легальные» (новые) наркотики. Достоверных данных о числе их потребителей в России практически нет. По результатам нашего исследования цифры варьируются от 10 до 22% в зависимости от региона и половозрастных характеристик.

В настоящее время в геометрической прогрессии увеличивается количество «новых» веществ, употребление которых зафиксировано практически во всех регионах РФ. Сегодня, помимо традиционных наркотиков, нашу страну захлестнула волна синтетических наркотиков и стимулирующих препаратов, которые из-за лёгкой доступности и низкой цены иногда называют наркотиками для бедных.

Растёт потребление новых наркотических веществ и препаратов неясного происхождения, поставляемых через незаконные каналы. Такие вещества продаются также под видом лекарств (чаще через интернет-аптеки), но предназначаются для немедицинского употребления. Спектр доступных потребителям веществ и их комбинаций сейчас беспрецедентно широк. Ассортимент химических стимуляторов расширяется, и некоторые эксперты считают, что их уже значительно больше, чем на Западе. В настоящее время структура употребления наркоти-

ков примерно одинакова во всех западных странах, Америке и России. Вторым по популярности наркотиком является синтетическая марихуана, прячущаяся под такими названиями, как «спайсы», «миксы». Амфетамины и новые дизайнерские наркотики — соли (порошки, «легалка») употребляет 5–7% российской молодёжи. Среди студентов эта цифра достигает 18–20%. Это становится серьёзной проблемой, главным образом из-за расплодившихся интернет-магазинов.

По данным Всемирного доклада ООН о наркотиках (2018), за всю историю наблюдений за новыми психоактивными веществами ассортимент различных психоактивных веществ, доступных на рынке, никогда ещё не был настолько огромным, как сейчас [15]. Результаты исследования говорят о том, что паттерны нерегулярного, рекреационного использования наркотиков не только возможны, но потенциально намного более распространены, чем привычное, зависимое потребление. Наркопотребление сейчас «выводится» из сферы наркотической субкультуры и тем самым допускается рекреационное использование некоторых наркотиков, которые в меньшей степени ведут к физической зависимости.

Первая проба наркотиков и мотивы употребления

Особое внимание на уровне микро- и макроусловий жизни в социуме было уделено первой пробе наркотиков — её мотивам, причинам, обстоятельствам, гендеру, виду и способу употребления наркотика, социокультурным факторам формирования групп риска; выявлению детерминант, объясняющих переход к эпизодическому употреблению и формированию наркотической зависимости; построению иерархий причин потребления в различных социально-демографических группах.

Марихуана и гашиш — по-прежнему основные стартовые нелегальные наркотики среди трудоспособного населения: около двух третей потребителей отме-

Таблица 1

Возраст первой пробы (распределение, %)

Возраст первых проб	Годы		
	2013 (N=304)	2016 (N=308)	2017 (N=272)
До 12 лет	0,3	1	1
12–14 лет	3	6	3
15–17 лет	33	27	28
18–20 лет	35,5	45	43
21–23 лет	15	11	14
24–26 лет	6	6	5
27–29 лет	2	2	2
30–35 лет	4	2	3
40 лет	1	0	0
50 лет	0,2	0	1
Итого:	100	100	100

тели, что начинали свою «наркокарьеру» с марихуаны. Однако сегодня стартовым наркотиком всё чаще становятся новые наркотические вещества. В настоящее время каждый десятый начинает наркопотребление с новых наркотиков. Наибольшее расширение диапазона потребляемых веществ произошло в основном в возрастной группе 18–29-летних.

Выявлено, что у каждого поколения есть свои специфические вкусовые особенности наркопотребления. Однако во всех группах населения первое место в структуре наркотиков занимают каннабиноиды. Это касается как первой пробы, так и продолжения наркотизации. Для группы 40–49-летних — это кокаин, а для 50–59-летних — всевозможные лекарственные препараты, для младших возрастных групп — то, что можно купить относительно легально: курительные смеси, сальвия, спайс, безрецептурные лекарственные препараты (например, глазные капли).

Зафиксированы небольшое снижение доли лиц, экспериментирующих с наркотиками, в молодёжных и студенческих группах (в возрасте 18–23 лет) и увеличение наркопотребителей среди более

взрослых групп населения (24–39 лет). У основной части наркопотребителей (70%) пик первых проб наркотиков приходится на возраст 15–20 лет. Примерно каждый пятый попробовал свой первый наркотик в возрасте 21–26 лет. Зафиксирован незначительный сдвиг — возраст первой пробы сместился со старшего подросткового возраста (15–17 лет) в ранний юношеский возраст, обычно приходящийся на период студенчества (18–20 лет) (табл. 1).

Ещё одна особенность наркотической ситуации — использование наркотических веществ всеми возрастными группами населения. Так, несмотря на антинаркотические профилактические мероприятия в школах, вузах и т.д., нами зафиксированы как первые пробы, так и эпизодическое употребление наркотиков среди людей среднего возраста (от 30 и выше) и в более старших возрастных группах (предпенсионного и первой пятилетки пенсионного возраста). Для так называемой аптечной наркомании пожилых характерны лекарства с наркогенным и психостимулирующим эффектом как средства от депрессии, одиночества и т.п. Такая ситуа-

ция вызывает тревогу. Когда, по нашим данным, наркотики пробовали средние и старшие школьники, то обычно речь шла об их незрелости, слабой профилактической работе как в школе, так и в семье, неумении отказаться, отсутствии мотивации протеста и т.д. Взрослые индивиды идут на приобщение к наркотикам сознательно (табл. 2). Одно из объяснений более позднего приобщения – пропаганда безопасности новых синтетических веществ, а также стремление к использованию различных стимуляторов и «преобразователей» сознания, низкая цена и доступность. Паттерны эпизодического употребления распространены практически во всех группах населения. Привычное, зависимое потребление характерно только для определённых секвестированных групп населения.

Особенностью наркотизации населения в России в последние годы является увеличение доли женщин. Выявлено своеобразие причин приобщения женщин к наркотикам. В структуре мотивационно-потребностной сферы преобладают мотивы личностной защиты, сохранения семейных связей, возвращения в конвенциональное общество в качестве равноправного члена. В последние несколько лет возросла доля женщин среднего и старшего возрастов – потребителей наркотических и наркогенных веществ. Одна из причин – увлечение транквилизаторами и снотворными, оно получило широкое распространение в тех группах, которые в общественном мнении не имеют ничего общего с наркоманией. Для старших возрастных групп женщин характерно употребление как традици-

Таблица 2

Мотивы первой пробы наркотиков

Мотивы первой пробы наркотиков	2016	2017
Любопытство, желание испытать новые незнакомые ощущения	72	69
За компанию	42	40
Желание испытать «кайф», «оторваться», новый вид удовольствия	20	13
Хотелось приобрести новый опыт, в том числе по «расширению» сознания	12	9
Желание не отстать от друзей, не быть «белой вороной»	11	8
Мне сказали, что они безопасны	11	9
Хотелось выглядеть/чувствовать себя взрослым(ой)	9	7
Хотелось снять стресс, уйти от проблем, расслабиться, «отключить» голову	7	6
Уговорили, под чьим-то давлением, под нажимом	7	5
Находился (-лась) под влиянием алкоголя, плохо себя контролировал(а)	7	5
Давно хотел(а) попробовать	6	7
Из страха быть осмеянным за трусость	2	4
Стремление стать раскрепощённым в общении (в том числе с противоположным полом)	1	2
Хотелось повысить работоспособность	1	0
Затрудняюсь ответить	3	3
Другое	1	2

онных наркотиков, так и совмещение алкоголя с психоактивными лекарствами. Мотивы первичной наркотизации женщин различны в молодом и зрелом возрастах и вытекают из социальных характеристик потребительниц. Причины женской наркомании отличаются не только большим разнообразием, чем у мужчин, но и особой спецификой: добровольное включение женщин в потребление наркотиков для сохранения супружеских (любовных) отношений с партнёром-наркоманом, синдром «опустевшего гнезда», изменение традиционно женских ролей, трудность адаптации к изменившимся условиям жизни.

Исследование мотивов потребления у наркозависимых в ходе онлайн-опросов (2016–2017 гг.) подтвердило потребность в изменении эмоциональной сферы, которая достигается в основном с помощью психоактивных веществ. Сравнительный анализ мотиваций обращения к наркотикам, проведённый в предыдущих исследованиях (2013) и в данном проекте, позволил выявить и построить классификацию мотивов:

1. наркотик как средство получения удовольствия — гедонистическая мотивация не меняется практически никогда;
2. наркотик как средство повышения самооценки и самоуважения, достижение самоутверждения;
3. наркотик как средство изменения эмоционального состояния, достижение эйфорического радужного состояния;
4. наркотик как средство удовлетворения потребности в релаксации, разрядке нервно-психического напряжения — часто бывает самостоятельным мотивом наркотизации и не зависит от характерологических особенностей личности;
5. наркотик как средство общения и коммуникации.

Сравнительный анализ личности наркомана и эпизодического потребителя, а также механизма формирования пристрастия к наркотикам в различных по-

ловозрастных группах выявил как общие закономерности формирования пристрастия к наркотикам, так и отсутствие специфических черт наркомании в некоторых группах. Это объясняется свойством психоактивных веществ не только вызывать эмоционально-позитивные реакции, но и нейтрализовать эмоционально-негативные состояния. Важно отметить, что второе свойство наркотиков специалисты редко принимают в расчёт, но, возможно, именно оно определяет фатальность первого контакта с наркотиком. Это значит, что помимо основного, гедонистического мотива существует ещё один, не менее значимый мотив, определяющий переход от первых проб к эпизодическому употреблению.

Значимым фактором наркотизации являются меняющиеся нормативные представления и социальные установки населения по отношению к наркотическим веществам. Выявлено внутреннее противоречие в социальных установках и повседневных представлениях россиян о наркотиках. Несмотря на публичное неприятие происходит либерализация отношения к наркотикам — допустимость употребления тех или иных веществ, но только при определённых условиях. Неприятие «тяжёлых» наркотиков сменилось более лояльным отношением к другим, так называемым новым веществам [9].

По данным последней волны исследования (2018 г.), отношение к употреблению наркотиков как свободному выбору получило ещё более широкое распространение. Исследование показало, что в последние годы наркопотребление теряет маргинальный статус, переставая быть атрибутом определённых субкультур (табл. 3). Существенно расширилось число законопослушных потребителей разнообразных веществ; увеличились возможности приобщения к «новым наркотикам» подростков и малообеспеченных слоёв; стали формироваться и распространяться новые, более латентные формы и модели потребления.

Таблица 3

**Опыт употребления наркотиков среди мужчин и женщин
в разных возрастных группах в 2013, 2016 и 2017 гг., %**

Возраст	2013		2016		2017	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
18–23 года	37	24	20	22	19	14
24–29 лет	41	23	32	19	29	17
30–39 лет	38	19	40,5	16	36	18
40–49 лет	41	5	34	9	33	10
50–60 лет	30	4	11	3	19	6

«Контролируемое» потребление наркотиков

Новая мировая тенденция – вовлечённость в наркопотребление людей с достаточно высоким уровнем образования и социальным статусом, что говорит о возможностях так называемого контролируемого потребления и об отложенных сроках формирования наркозависимости. Материалы нашего проекта неоднократно подтверждали эту тенденцию. Следует отметить, что феномен «контролируемого» потребления находится в глубине наркотической ситуации, поэтому потребовалась серия качественных исследований: глубинные биографические интервью с потребителями психоактивных веществ, мониторинг интернет-пространства (контент-анализ материалов сайтов, форумов, виртуальных групп), опрос в реабилитационном центре, вторичный анализ материалов более ранних глубинных интервью с потребителями наркотиков. Дополнительно были использованы статистические данные различных ведомств, опрос экспертов и вторичный анализ предыдущих исследований, что в совокупности позволило описать модель «контролируемого» потребления наркотиков. В рамках исследований удалось собрать множество материалов, описывающих группы потребителей наркотических веществ, которых нельзя отнести к «социальному дну» и характер обращения ко-

торых с наркотиками столь осмотрителен, что они не привлекают внимания правоохранительных органов и не обращаются за наркологической помощью.

У потребителей наркотиков существует широкий диапазон возможностей сдерживать наркотизацию: блок индивидуальных правил, практического опыта, приёмов, которые помогают избежать негативных последствий потребления продолжительное время. Для российских потребителей наркотиков новой волны характерно формирование таких механизмов саморегуляции при употреблении, которые позволяют им оставаться не только «социально сохранными» в семье и на работе, но и быть успешными людьми. Такое управление достигается за счёт принятия определённых мер предосторожности, позволяющих потребителю контролировать, что, когда, где и какое количество наркотиков следует употреблять. Меры предосторожности заключаются в выборе веществ, которые, по мнению потребителей, являются безопасными, и в отказе от веществ, связанных с большей опасностью. Отметим, что исследование «контролируемых» потребителей проводилось не в один момент, а в течение продолжительного периода. По данным наших исследований, наркоситуация в стране меняется каждые полгода. Также изменяются и паттерны поведения потребителей, «контролирующих»

свою наркотическую «карьеру». Ещё три года назад эта группа была относительно гомогенной, сейчас с помощью метода триангуляции респондентов выявлено, что модель «контролируемого» потребления неоднородна и не укладывается в единую универсальную схему: каждый потребитель применяет лишь какую-то часть способов, самостоятельно развивает определённые техники и ритуалы употребления.

На данный момент не представляется возможным определить процент «контролирующих» потребителей нелегальных наркотиков, они представляют собой так называемое серое наркотическое поле. Однако с помощью указанных методов выявлено, что доля «контролирующих» своё потребление увеличивается, несмотря на данные медицинской статистики о снижении заболеваемости наркоманией. Разработанные методы выявления различных половозрастных групп с «контролируемым» потреблением показали своеобразие модели «контролируемого» потребления. В ходе анализа удалось выделить некоторые внутренние и внешние условия, влияющие на характер «контролируемого» употребления наркотиков и позволяющие дифференцировать различных «контролирующих» потребителей. Это: выбранное наркотическое вещество; информированность потребителя; установки личности (ментальность, восприятие риска и готовность к риску, ценностные ориентации и жизненные цели, «локус контроля» и т.д.); правила употребления (ритуалы, тактика и стратегия регуляции и сдерживания, нормы потребления, принятые в конкретном наркосообществе и т.д.); внешняя среда (социальные условия, социальные контакты, ближний круг); доступность наркотиков [10].

Несмотря на значительный перечень оснований «контролируемого» потребления, опрос показал, что важными моментами «контролируемого» потребле-

ния является локус контроля, готовность индивида к рискованному поведению и склонность к экспериментированию. «Контролируемый» паттерн потребления с различным уровнем риска может быть достаточно устойчивым, продолжаться длительный период времени, позволяя потребителям сохранять свой социальный статус. Одна из особенностей «контролирующих» потребителей — озабоченность своим эмоциональным состоянием, здоровьем, сохранением семьи и профессии. Другая заключается в том, что «контролируемое» потребление имеет место у людей с самообладанием и «включённым рассудком», учитывающих свой опыт. Эти индивиды нашли место наркотизации среди других жизненных ценностей. Они справились с проявлениями физической зависимости, признают и принимают свою психическую зависимость и разработали для себя комплекс стратегий сдерживания. Выявлено, что ценностные ориентации «контролирующего» потребителя незначительно отличаются от не употребляющих наркотики. От наркозависимых их отличают особые личностные характеристики и совсем иные ценностные ориентации. Несмотря на различия между группами «контролирующих» потребителей, выявлены объединяющие мотивы потребления. Это — потребность в изменении эмоционального фона, адаптация к сложным жизненным условиям, поиск эйфории и, соответственно, достаточно сильный гедонистический мотив.

Заключение

Исследования свидетельствуют о глубинных качественных изменениях в наркоситуации в последние годы, о её сложности и неоднозначности. Выявлена тенденция изменения структуры наркотиков, замены героина на амфетамины, психотропные лекарства, «новые» наркотики, алкоголь. Изменение структуры потребляемых наркотиков коснулось, в первую

очередь, подростков и молодёжи. Отмечены усугубление ситуации в сфере незаконного оборота наркотических средств, увеличение числа преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения. Расширение рынка наркотиков и их распространение фиксируются практически во всех социальных группах. Опросы 2016–2017 гг. выявили, что у каждого десятого «пробовальщика» веществ стартовый наркотик относится к категории «новых». Фиксируется рост интереса населения к различного рода психостимуляторам. Выявлены региональные отличия в структуре потребляемых наркотиков.

Снижается прежняя стигматизация наркопотребителей, происходит либерализация отношения общества к наркотикам: допустимость употребления тех или иных веществ, но только при определённых условиях (употребление «безопасных» веществ; контроль за частотой, дозировками и качеством веществ; соблюдение определённых правил приёма и т.д.). Неприятие «тяжёлых» наркотиков

сменилось более лояльным отношением к другим, так называемым новым веществам.

Анализ нескольких выделенных групп потребителей с «контролируемым» потреблением показал, что сегодня паттерны потребления психоактивных веществ стали свойственны для социально успешных страт. Наркотики становятся непреложным атрибутом жизни успешного человека, а для молодёжи наркотик — это не только свидетельство социального успеха, но символ успеха и одновременно средство его достижения. В то же время для регулирующих своё потребление попытка интегрировать наркотики в свою жизнь и оставаться при этом социально сохранным требует огромных усилий, затрат и удачно сложившихся «защитных» факторов в виде семейного, профессионального и материального благополучия. Такое «контролируемое» потребление чаще всего является промежуточной стадией формирования наркозависимости с отложенными сроками и требует особых форм социального контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарский. М.: Республика. Культурная революция, 2006.
3. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001.
4. Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с англ., вступ. статья С.Т. Сорокиной; Общ. ред. В.В. Мотылёва. М.: Прогресс, 1984.
5. Всемирный доклад о наркотиках. 2016 год [Электронный ресурс] // УНП ООН, май 2016. Нью-Йорк. URL: https://www.unodc.org/doc/wdr2016/V1604259_Russian.pdf (дата обращения: 22.12.2018).
6. Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е изд., перераб. и доп. СПб.: Алеф-Пресс, 2014.
7. Девиантное поведение в современной России: алкоголь, наркотики, молодёжный экстремизм (концепции и исследования) / [В.Н. Ракачев и др.]; Отв. ред. Т.А. Хагуров, М.Е. Позднякова. М.: Институт социологии РАН, 2014.
8. Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля. Казань: КЮИ МВД России, 2009.
9. Позднякова М.Е., Брюно В.В. Новые тенденции наркотизации как риски социетального характера // Вестник Института социологии. 2018. № 24. С. 115–139. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.500>.

10. Позднякова М.Е., Брюно В.В. Контролируемое потребление наркотиков как фактор изменения наркоситуации в современной России // Вестник Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 24. № 7. С. 88–101. DOI:10.21209/2227-9245-2018-24-7-88-101.
11. Салагаев А.Л., Ловчев В.М. Социальные девиации в молодёжной среде: конфликтологический подход. [в 2 ч.] / Мин-во образования и науки РФ, Казанский гос. технологический ун-т, Ин-т экономики, упр. и социальных технологий, каф. социальной и политической конфликтологии. Казань, 2011.
12. Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
13. Хархордин О. Фуко и исследование фоновых практик // Мишель Фуко и Россия / Под ред. О. Хархордина. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2001. С. 45–80.
14. Шереги Ф.Э. Аксиоматизация социологии // Социальные технологии, исследования. 2014. № 5. С. 43–62.
15. Analysis of drug markets: opiates, cocaine, cannabis, synthetic drugs [Электронный ресурс] // World Drug Report 2018. – UNODC, June, 2018. URL: https://www.unodc.org/wdr2018/prelaunch/WDR18_Booklet_3_DRUG_MARKETS.pdf (дата обращения: 23.11.2018).
16. European Drug Report 2018: Trends and Developments [Электронный ресурс] // EMCDDA, Lisbon, June 2018. URL: http://www.emcdda.europa.eu/system/files/publications/8585/20181816_TDAT18001ENN_PDF.pdf (дата обращения: 01.12.2018).

ENGLISH

New Drug Situation in Russia

Margarita Efimovna Pozdnyakova – PhD in Philosophy, Head of the Sociology Sector of Deviant Behaviour, Institute of Sociology under the auspices of the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “New Drug Situation in Russia. The Role of ‘Controlled’ Consumption in the Distribution of Psychoactive Substances in Various Groups of Population” (16-03-00616a).

E-mail: margo417@mail.ru

The paper explores the rapidly changing drug situation and provides insights into the emergence of various ways of shift to the “new” models of drug abuse, defines the role of “controlled” drug use among different ages and gender groups. It reviews the situation in hand, reveals positive changes: fewer total number of registered addicts, less opioid addiction, fewer injecting drug users. However, the author highlights the onset of massively veiled (illicit) drug abuse, describes the growth of public interest in various psychostimulants. A whole category of new drugs has emerged. Their availability and, in some cases, low cost prompt various drug experiments among both regular and occasional consumers and those prone to first trials. This triggered a change in the methods of drug abuse towards multiple drug abuse. Among certain groups of the population, such models as “status”, “recreational”, and “club” drug abuse have become widespread. The author identifies and shows real practices of controlled drug abuse. Such “controlled” consumption is most often an intermediate stage in the formation of drug addiction with a delayed period, which requires special forms of social control.

Keywords: drug situation, “hidden” drug use, new drugs, drug structure, motives, first tests, gender and age groups, “controlled” consumption

REFERENCES

1. Bauman Z. Tekuchest' sovremennosti / Per. s angl. pod red. Yu.V. Asochakova. SPb.: Piter, 2008 (in Russian).
2. Bodriyyar Zh. Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury / Per. s fr., poslesl. i primech. E.A. Samarskiy. M.: Respublika. Kul'turnaya revolyutsiya, 2006 (in Russian).
3. Burd'e P. Prakticheskiy smysl / Per. s fr.: A.T. Bikbov, K.D. Voznesenskaya, S.N. Zenkin, N.A. Shmatko; Otv. red. per. i poslesl. N.A. Shmatko. SPb.: Aleteyya, 2001 (in Russian).
4. Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa / Per. s angl., vstup. stat'ya S.T. Sorokinoy; Obshch. red. V.V. Motylyova. M.: Progress, 1984 (in Russian).
5. Vsemirnyy doklad o narkotikakh. 2016 god [Elektronnyy resurs] // UNP OON, may 2016. N'yu-York. URL: https://www.unodc.org/doc/wdr2016/V1604259_Russian.pdf (data obrashcheniya: 22.12.2018) (in Russian).
6. Gilinskiy Ya.I. Kriminologiya: teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, sotsial'nyy kontrol'. 3-e izd., pererab. i dop. SPb: Alef-Press, 2014 (in Russian).
7. Deviantnoe povedenie v sovremennoy Rossii: alkogol', narkotiki, molodyozhnyy ekstremizm (kontseptsii i issledovaniya) / [V.N. Rakachev i dr.]; Otv. red. T.A. Khagurov, M.E. Pozdnyakova. M.: Institut sotsiologii RAN, 2014 (in Russian).
8. Komlev Yu.Yu. Teoriya restriktivnogo sotsial'nogo kontrolya. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2009 (in Russian).
9. Pozdnyakova M.E., Bryuno V.V. Novye tendentsii narkotizatsii kak riski sotsial'nogo kharaktera // Vestnik Instituta sotsiologii. 2018. № 24. С. 115–139. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.500>. (in Russian).
10. Pozdnyakova M.E., Bryuno V.V. Kontroliruemoe potreblenie narkotikov kak faktor izmeneniya narosituatsii v sovremennoy Rossii // Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. T. 24. № 7. S. 88–101. DOI:10.21209/2227-9245-2018-24-7-88-101. (in Russian).
11. Salagaev A.L., Lovchev V.M. Sotsial'nye deviatsii v molodyozhnoy srede: konfliktologicheskiy podkhod. [v 2 ch.] / Min-vo obrazovaniya i nauki RF, Kazanskiy gos. tekhnologicheskiy un-t, In-t ekonomiki, upr. i sotsial'nykh tekhnologiy, kaf. sotsial'noy i politicheskoy konfliktologii. Kazan', 2011 (in Russian).
12. Serto M. Izobreteniye povsednevnosti. 1. Iskustvo delat' / Per. s fr. D. Kalugina, N. Movninoy. SPb.: Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013 (in Russian).
13. Kharkhordin O. Fuko i issledovanie fonovykh praktik // Mishel' Fuko i Rossiya / Pod red. O. Kharkhordina. SPb.; M.: Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge; Letniy sad, 2001. S. 45–80 (in Russian).
14. Sheregi F.E. Aksiomatizatsiya sotsiologii // Sotsial'nye tekhnologii, issledovaniya. 2014. № 5. S. 43–62 (in Russian).
15. Analysis of drug markets: opiates, cocaine, cannabis, synthetic drugs [Elektronnyy resurs] // World Drug Report 2018. — UNODC, June, 2018. URL: https://www.unodc.org/wdr2018/prelaunch/WDR18_Booklet_3_DRUG_MARKETS.pdf (data obrashcheniya: 23.11.2018).
16. European Drug Report 2018: Trends and Developments [Elektronnyy resurs] // EMCDDA, Lisbon, June 2018. URL: http://www.emcdda.europa.eu/system/files/publications/8585/20181816_TDAT18001ENN_PDF.pdf (data obrashcheniya: 01.12.2018).

С.А. БОЧКАРЁВ*

Философия и отрасли права: проблемы конвергенции

В статье на основе исторического материала продемонстрировано, что неустанное и равнодушное отношение философов к праву стало предпосылкой для формирования юридического мировоззрения, а затем – универсальным базисом, обеспечивающим и устойчивость, и динамическое развитие правопонимания. Далее показано, что понимание происхождения правовой мысли присутствует преимущественно на общетеоретическом уровне. На уровне конкретных отраслей права наблюдается противоположная картина. В них отсутствует запрос на философское знание. На конкретных примерах продемонстрировано, что в теориях отраслей права действует широко распространённая тенденция по дистанцированию или отторжению от философского опыта.

В ходе исследования причин отрешённости философской и правовой мысли друг от друга выявлено, что в основе сложившихся между ними отношений лежат факторы рационального, иррационального и мегаиррационального порядка. Основным источником этих факторов является позитивизм как мировоззренческая установка, которая ещё в XIX в. была избрана в качестве основного подхода к познанию права и с тех пор критически не пересматривалась в отраслях права. Раскрыты погрешности и издержки позитивизма, основная идея которого заключена в отторжении философии как источника знания и в утверждении самодостаточности отраслевого опыта. Для формирования философии отраслей права предложено обратить внимание на человека и в нём искать источник вдохновения для обращения к философским вопросам.

Ключевые слова: философия, право, философия права, философия отраслей права, уголовное право, гражданское право, онтология, позитивизм

Взаимобусловленность генезиса философии и права

Заявленная тема, на первый взгляд, лишена актуальности. Её постановка может показаться искусственной и даже

надуманной, поскольку известно, что философия права как сфера межотраслевого знания имеет давнюю историю. Источники убедительно свидетельствуют о том, что задолго до своего институ-

* **Бочкарёв Сергей Александрович** — кандидат юридических наук, заведующий лабораторией политико-правовых исследований Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, руководитель проекта «Состояние отечественной системы правосудия: взгляд изнутри на её самостоятельность и независимость» (18-011-01232а).
E-mail: bo4karvs@yandex.ru

ционального формирования и обособления отдельные явления и институты права привлекали самое серьёзное внимание мыслителей всех времён и народов. Их заинтересованность правом была не случайной: без составляющих сущность права элементов конструируемые философиями универсалии, или концепты бытия, не приобретали в их глазах целостного или завершённого вида.

Неустанное и неравнодушное отношение философов к праву имело свои последствия. Переходящая из века в век актуальность их трудов для правоведов позволяет утверждать, что именно эти концепции некогда стали предпосылками для формирования юридического мировоззрения, а с течением времени приобрели «вес» и стали основой его универсального базиса, обеспечивающего как устойчивость, так и динамическое развитие правопонимания. Работы великих мыслителей не нуждаются в представлении и комментариях. Значение для юриспруденции «Государства» и «Законов» Платона, «Этики» и «Политики» Аристотеля, «О государстве» и «О законах» Цицерона, «Суммы теологии» и «О правлении государей» Фомы Аквинского, «О праве войны и мира» Гуго Гроция, «Трактата о всеобщей справедливости» Ф. Бэкона, «Левиафана...» и «Философских оснований учения о гражданине» Т. Гоббса, «Трактатов о правлении» Дж. Локка, «О духе законов» Ш. Монтескье, «Общественного договора...» Ж.-Ж. Руссо, «Метафизики нравов» И. Канта, «Философии права» Г. Гегеля, «Основ естественного права» и «Системы учения о нравственности» И. Фихте и др. невозможно переоценить. Уже одни названия убедительно и оправданно заявляют о несравнимом масштабе и мощной интеллектуальной силе этих произведений, их безусловной полезности для правовой мысли.

Перечисление примеров можно продолжить. Однако важнее обратить внимание на то, что каждый мыслитель существенно опережал своё время. Их идеи

служили своего рода требованием из будущего или проекцией в будущее, которым они привлекали и в которое вовлекали настоящее и даже прошлое человечества. Например, когда большинство народностей находилось в плену мифических преданий, а примером для подражания были мифологические герои, софисты уже заявляли о том, что мерой всех вещей является конкретный человек. Когда население Земли почти полностью было во власти культовых обрядов, Протагор призывал почитать не идолов, а закон и порядок, утверждал невозможность существования без них человеческого общества. Когда за убийство нездорового члена социума древние люди благодарили Зевса, снисходительного и благосклонного к ним, тот же Протагор предлагал отказаться от возмездия как идеи наказания. Когда месть и расправа воспринимались как естественное средство восстановления всеобщей гармонии и очищения от последствий дурного поступка, мыслитель оправдывал только то наказание, которое делало виновного лучше.

Зачастую воззрения философов так и оставались не востребованными проекциями возможного будущего. Конечно, по разным причинам далеко не всегда философам удавалось увлечь своими взглядами общество, добиться отказа от несовершенных мировоззренческих стереотипов или понудить к их трансформации. Проблема была, как правило, либо в абсолютистских или утопических основаниях того или иного учения, либо в неподготовленности общественного сознания к его освоению. Однако концепты мыслителей, даже самые невероятные из них, служили и служат ориентиром для модераторов правовой мысли. Выступают для них либо идеалом, к которому надлежит стремиться, либо его антиподом, которого нужно сторониться.

При этом право, войдя благодаря интеллектуальным усилиям философов в состав научной картины мира и заняв в ней

своё специфическое место, выполнило для мыслителей не только так называемую служебную роль. Заполнением пустующей ниши дело не ограничилось. За взаимодействием философии и права последовала их взаимотрансформация. По свидетельству историков мысли, появление права в философской орбите начало модифицировать саму философию. Через обретение идеи права, как подтверждают исследования немецкого историка-эллиниста В. Ягера [1], а также его соотечественника культуролога Э. Кассирера, обновлялась философия. Сравнив взгляды Гомера и Гесиода, специалисты обнаружили, что произведения последнего из-за более интенсивного обращения к праву (проклятия несправедливости и благословения права) изменили свой облик: с помощью права они преодолевали абстрагированность и обезличенность. «Идея права вдохнула в эпос новую жизнь, она дала ему такой личностный характер, который ещё отсутствовал у Гомера» [2].

Правоведы, безусловно, также внесли свой посильный вклад в институционализацию права, в процессы его формализации, догматизации, специализации, классификации и кодификации. Значение это-

го, без сомнения, весомого опыта невозможно преуменьшить. Однако, по признанию авторитетных юристов, их взглядам на право почти всегда предшествовала основательная философская подготовка. На подступах к познанию права они уже находились под влиянием идеализма или материализма, эмпиризма или рационализма, реализма или агностицизма, монизма или дуализма и т.д., иначе говоря, учёные были погружены в то или иное концептуальное течение, имели мировоззренческие предпочтения и обладали инструментарием (категориями, идеями и методами) философского порядка.

Проблемы взаимодействия философии и отраслей права

С учётом исторических предпосылок становления правовой мысли у философов и юристов сегодня не возникает сомнений в необходимости межотраслевого сотрудничества философии и права. В обеих сферах знания достаточно сказано об актуальности и полезности философии для права. Однако нельзя не заметить, что синтезирование философии и права, как правило, происходит и останавливается на общетеоретическом уровне. Зна-

чительный объём вышедшей в свет литературы по философии права говорит сам за себя, а главное, свидетельствует о переизбытке произведений «общего плана». Настолько общего, что они не дают ощутимых плодов. Не обеспечивают продвижения от общего к частному, от философии права к философии конкретных отраслей права. Если такое продвижение и происходит, то остаётся, мягко говоря, слабо ощутимым.

На уровне конкретных отраслей права наблюдается совсем иная и при этом не менее однозначная картина. В них не наблюдается запроса на движение от частного к общему. В учебниках, пособиях и курсах по отдельным отраслям права практически ничего не говорится о философии [3, 15, 16, 17]. В диссертационных исследованиях философский опыт востребуется крайне отрывочно и в основном в качестве справочного материала. Большинство обращений юристов к философии останавливается на уровне методологии и преимущественно касается только той её части, которая имеет отношение к диалектике как философскому методу. Философия уголовного или гражданского права как учебная дисциплина не преподаётся и даже в специализированных научных учреждениях не представлена на должном уровне. Отечественная периодика, посвящённая изучению фундаментальных основ отраслей права, не существует. Предложения по публикации статей на эти темы или наталкиваются на непонимание редколлегий, или без какого-либо обсуждения сразу отвергаются. Работы авторов отклоняются как не отвечающие формату издания или по причине их экскурсивности, т.е. отвлечённости от некой более главной темы. В многотомных энциклопедиях, в частности по уголовному праву, изданных в России в XX–XXI вв., о философии и её потенциале не упоминается ни слова, поскольку она не рассматривается как неотъемлемая и составная часть уголовно-правового знания [4]. В очерках

ведущих криминалистов страны, коллективно анализирующих актуальные проблемы теории и практики уголовного права, философия не присутствует [5].

В науке гражданского права, подтверждают специалисты [6], во многом похожее положение. Философские проблемы этой отрасли права высвечиваются крайне редко и преимущественно в работах по истории цивилистики [7, 13, 14]. В них раскрываются, как правило, взгляды И.Канта и Г.Гегеля на гражданское право и его природу, познавательный интерес которых к этой отрасли права на разных этапах их творчества только возрастал. Но большую часть соискателей учёных степеней их интерес не впечатляет. Он остаётся объектом знания узкого круга правоведов. Примеру И.А.Покровского (1868–1920), который одним из первых цивилистов и, пожалуй, последним отдал дань философии и ввёл в курс отечественного гражданского права освещение философских предпосылок этой отрасли права, следуют немногие. Выдающийся правовед, наглядно и максимально доступно показавший зависимость гражданско-правовых проблем от философских предпосылок, несомненную связь идеи гражданского права с верховной идеей и общим мирозерцанием как первопредметами философской компетенции, остаётся неустыжанным.

Среди представителей отраслей права превалирует мнение о том, что они являются сугубо практическими дисциплинами, которые в своём прикладном и повседневном выражении не предполагают каких-либо дискуссий философского или, как выражаются юристы, отвлечённого порядка. В работах по уголовной политике, к примеру, утверждается, что о сущем и должном в уголовно-правовом мире призвана судить исключительно уголовная политика. Она серьёзно рассматривается в качестве самостоятельной наддисциплины, с позиции которой, как считают специалисты, можно утверждать о том, что есть преступное, а что — пра-

вомерное. Криминалисты заявляют, что уголовная политика является тем знанием, которое по иерархии превосходит иные его отрасли и способно воспроизводить представления фундаментального порядка о бытийных основах уголовного права.

Похожая ситуация наблюдается в теории гражданского права, в которой остаётся неактуальным вопрос о том, нужно ли цивилистам дискутировать о философии гражданского права или надежнее ограничиться убеждением в том, что у гражданского права есть римское право с его тысячелетней историей — как своя протооснова. Философия предаётся забвению несмотря на то, что без философского базиса, как отмечал И.А. Покровский, вопросы права утрачивают своё самодовлеющее значение и делаются лишь частными отголосками больших философских вопросов. Отрешённость от философии сужает познавательные возможности науки гражданского права. Не учитывается, что в основе юридических проблем, вызываемых ими споров и разногласий сплошь и рядом лежит не что иное, как глубокое размежевание в философской подпочве этих проблем, в этических предпосылках для их разрешения [8]. Статус цивилистики, многие феномены которой являются универсалиями человеческого бытия и представляют собой необходимые условия реализации человеком своей сущности, искусственно занижается.

Науки уголовного и гражданского права, безусловно, не лишены качественных исследований философского плана. Но они носят единичный и очень оторванный от философии в целом характер, не приобрели мультипликационного эффекта и не сложились в то, что называется «философией уголовного права» или «философией гражданского права». Объёму и качеству подобной литературы пока не под силу изменить клиническую картину проблемы и взять верх над преобладающим мнением об отсутстви

ходимости в философских спекуляциях на уровне конкретных отраслей права.

Факторы дивергенции философии и отраслей права

Важно подчеркнуть, что отрасли права не одиноки в своём отношении к философии. В самой философии, как отмечал М. Хайдеггер, наметилась тенденция к отказу от бытийного вопроса как основной и образующей саму философию темы. Мыслитель констатировал нарастание отрешённости от бытия как от главного, фундаментального и исключительного вопроса философии. На первый взгляд может показаться, что философ описал положение сугубо философской проблемы, предложил путь возвращения к ней и её возрождения. Вместе с тем проиллюстрированные примеры отрицательного или безразличного отношения науки и теории отраслей права к философии дают основания допускать, что затронутая немецким мыслителем проблематика имеет более широкий диапазон распространения. Иначе говоря, проистекает из узкоотраслевого настроения не только юристов, но и философов, а может быть, и вовсе имеет социально обусловленные предпосылки. Вполне вероятно, что проблема может претендовать на междисциплинарный статус.

Как итог, и в философии предаётся забвению философия, и в теориях основных отраслей права всё выглядит так, как будто философия либо не входит в сферу знания, либо оказалась на его обочине. Что это — заблуждение или философия особого рода? Однозначный ответ на этот вопрос не может быть дан, поскольку уже на подступах к теме обнаруживаются и подмена понятий как формы заблуждения (когда, например, уголовная политика наделяется компетенцией, которая никогда к ней не имела ни малейшего отношения и априори не может иметь), и основанные на подобной подмене самобытные рассуждения. Для получения искомого ответа требуется ис-

следовать рациональные и иррациональные факторы, которые неуклонно и неизменно ведут к дистанцированности или даже отрешённости отраслей права и их модераторов от философии.

К рациональной стороне относят доводы о несоотнесимости и несовместимости философской и правовой мысли. По причине чрезмерной абстрактности, амбивалентности и неопределённости правоведы часто говорят о том, что онтологическое осмысление отраслей права не только проблематично, но и сомнительно, не способно привести к успешным результатам. Отсутствует уверенность в том, что философская мысль может послужить для права путеводной нитью в мир бытия. Между ними прослеживаются различия в целях и средствах их достижения, в степени свободы и ответственности. Настороженность правоведов также подпитывают примеры из истории самой философии, в которой, как напоминает М.Хайдеггер, были длительные периоды, когда, например, вопрос о смысле бытия объявлялся излишним, а само «бытие» признавалось пустым понятием [9].

Иррациональная сторона проблемы соотносимости правовой и философской мысли представлена обыденным и неподготовленным сознанием человека, который имеет и несёт в себе собственное миропонимание. Эта сторона основана на не сформулированном, но обозначенном и невербально выраженном мнении, которое, как следует из источников, укрепляет и поддерживает сомнения в возможности синтеза философской и правовой мыслей, возникшие на этапе рационального анализа их характеристик. В своём субъективном отношении к философии отраслевая юридическая мысль остаётся в пределах убеждения о незначительной полезности философии для науки и практики. На эту мысль влияют такие факторы, как *сложность* в освоении и познании философских идей, *непонимание* философского материала,

незнание философских учений, *удобство* или *удовлетворённость* юридической догмой, которая по своей сути проста и непритязательна, поскольку общепринята и всегда требует только одного — производства нормы и подчинения ей, во многом технична, так как следует формальной логике и не обременена философским многообразием.

В силу определённых исторических предпосылок названные предубеждения в своё время по умолчанию были приняты и до сих пор скрыто служат непреерекаемой мировоззренческой установкой при работе правоведов с философским опытом. Однако выяснением присутствия иррационального в правовом мировоззрении никто не занимается, поскольку, как отмечал Ж.-П.Сартр, во взгляде рационалистов иррациональное является ничем. Несмотря на то, что иррациональное часто выступает движущей силой, правоведы его в этом качестве не рассматривают. Они обращают внимание на иррациональное лишь тогда, писал философ, когда не находят другого выхода, когда мотивов не хватает, чтобы объяснить рассматриваемое действие.

Таковы самые первые и на поверхности лежащие сравнения и соображения, которые указывают на то, что помимо рациональных установок современное правовое мировоззрение также находится в оковах иррациональных факторов. Состояние подобных предубеждений, как видно, не эволюционировало, поскольку отношение к философии не претерпело существенных изменений, а сами иррациональные факторы не высвечены, не признаны и тем самым не преобразованы в рациональный контекст.

Следует также обратить внимание на то, что случаи игнорирования философии не единичны и не случайны, а массовы и повсеместны. Это даёт повод не ограничиваться их оценкой как чего-то преходящего, произвольного, индивидуального и самобытного. Наводит на мысль о том,

что в своём сторонящемся отношении к философии правовая мысль не одинока, а подчиняется или соответствует в этом деле чему-то более высокому и масштабному в сфере иррационального. Возможно, именно в нём как в довлеющем над мыслью феномене сокрыто то, что не даёт возможности диагностировать наличие названных факторов среди побудителей и вдохновителей правовой мысли, оценить их как сковавшие её предрассудки, которые мешают ей развиваться.

Постановка отмеченных вопросов, иными словами, выводит на необходимость углубления в мегаиррациональное — погружения в общественное сознание как в «стихию» или, говоря словами И.А.Покровского, в «таинственный резервуар народного чувства» [10]. Рассмотрение этого резервуара позволило обнаружить, что отраслевая юридическая мысль: *во-первых*, не одинока в своём отношении к философии, а соответствует и согласуется с социальным настроением и его самочувствием; *во-вторых*, находится в тренде конкретно-исторических тенденций и событий, в которых выступает их пассивным потребителем; *в-третьих*, несмотря на свой отказ от философии, продолжает пребывать в составе позитивистской концепции как в определённом философском течении, спонтанно следовать ему и вслед за ним отрицать философию, пытаться обходиться в познании бытия и его отдельных проявлений собственными методологическими средствами [11].

Последствия дивергенции философии и отраслей права

Таким образом, наука и практика полагают сегодня правовым знанием, в основе которого лежат укоренившиеся в нём предрассудки в восприятии философии, стереотипы в отношении к истории и обыкновения самой теории права. Их широкая и некритическая эксплуатация привела к ряду негативных последствий. Во-первых, к игнорированию фи-

лософии, к существенной недооценке истории и сужению её значения, к гипертрофированию собственных теоретических возможностей. Во-вторых, российская мысль оказалась не представлена в современных течениях и школах философии отраслей права. Одновременно с этим не обеспечено присутствие одноимённых отраслей знания в отечественной науке. На текущем этапе лишь робко обсуждается вопрос о степени необходимости и полезности философии для основных отраслей права, а ряд специалистов и вовсе ставит под сомнение потребность в названной дисциплине. В-третьих, не востребуется и не институциализируется собственное философское наследие. Оно оказывается незамеченным либо попросту оставленным в прошлом.

Если говорить о последствиях в ещё более широком плане, то для юридического мировоззрения стало обычным делом опускать онтологию конкретной отрасли права либо в лучшем случае касаться её в последнюю очередь, а полученный результат использовать лишь в качестве дополнения к отраслевому знанию. Для мировоззрения стало естественным искать и находить источник знаний о гражданских или уголовно-правовых феноменах в социально-экономических и политических сдвигах, т.е. сугубо во внешнем и эмпирическом опыте субъектов жизнедеятельности, в напрямую не связанных с правом процессах. Этот подход, как известно, родом из позитивизма, а также одной из его ведущих школ — натурального реализма. На их основе в юриспруденции сегодня формируется упрощённая практика, причём не только практика судопроизводства, но и минималистское отношение к деликтам и преступлениям. Выбор юристов в пользу позитивизма в целом понятен. Он привлекателен тем, что в качестве источника знания предлагает воспринимать сведения, лежащие на поверхности и в непосредственной доступности для каждого. Позитивизм сформировал представления о по-

вседневности и обыденности вещей как об основном и самодостаточном источнике правоведения.

На основе позитивистского мировоззрения философская и правовая мысли стали претендовать на самодостаточность и автономность. Философская мысль ведёт себя таким образом, как будто бы всё знает о бытии и лишь из-за таких реваншистов, как М. Хайдеггер, периодически их пересматривает и уточняет. Правовая мысль не отрицает, что не имеет знаний о выходе во всеобщую область бытия. Эта мысль на основных этапах своего становления обходилась без бытийного измерения и не сомневается в возможности дальнейшего существования в социальном мире без обладания знаний о бытии. Каждая из названных мыслей, в итоге, строит «свой Вавилон». Периодически возникающие случаи непонимания они относят к несовершенству их природы либо к предрассудкам своих модераторов.

Перспективы конвергенции философии и отраслей права

Представляется, что «камень преткновения» и «момент истины» этих мыслей не столько в степени их отрешённости друг от друга, сколько от человека в целом, которому они призваны служить. Эти мысли должны исходить от человека, чтобы во всей своей целостности выразить его в мире и к нему же вернуться, чтобы уже в нём выразить мир. Но в современном состоянии эти мысли сегодня не взвешивают и не уравнивают, а «расчленяют» человека. Он в их интерпретации прекращает своё бытие, и они вслед за ним уходят в небытие. Таков фокус и закономерный исход позитивизма. Человека в нём нет. Позитивизм предлагает иметь дело с субъектом, который реагирует исключительно на физические вещи и только установленными способами. При этом упускается, что фундаментальной основой человеческой идентичности и базой для оценки его поведения является человеческий дух. Тело не са-

моотождествляет и не идентифицирует человека. Физиологическое восприятие мира во многом условно и способно выполнять лишь вспомогательные функции. Этим восприятием может улавливаться только то, к чему мы приспособлены в текущий момент. В духе же всегда в исчерпывающем объёме и в неизменном виде представлено то, что является собой неизменное ядро человеческого бытия, его истина, которая не меняется со временем.

Опыт позитивизма, безусловно, не бесполезен. Негативный пример этого учения указывает специалистам на то, что только обоюдное стремление к пониманию человека может являться для философской и правовой мысли актуальным общим и, несмотря на все предрассудки, вести их к выработке взаимопонятных и приемлемых решений. Человек как метаценность должен самопобуждать их к рефлексии по поводу сути социального мира и к объединению их усилий в его познании. Для познания человека и для его наиболее полного самовыражения необходима философско-правовая мысль как сложное, синергетическое действие, которое на всех уровнях бытия способно формировать жизнь человека при помощи разумно-нравственных форм и минимальном влиянии естественных порывов и аффектов. Тем более в философии, как отмечают специалисты, несмотря на всю её многозначительность и широкую вариативность, есть устойчивое знание, которое способно эти качества определять и периодически ревизовать. Вопреки всем сложностям учёные не теряют способности оценивать философию как упорядоченную систему многообразия. Наличие тех или иных точек зрения в философии считают неслучайным. Разнообразие позиций «предусмотрено» самой природой философии [12].

В зависимости от своего отношения к человеку и сообществу ему подобных, степени приближенности к их онтологическому базису отраслевая юри-

дическая мысль должна черпать источник вдохновения на мирозерцание, то есть на обременение философскими вопросами о собственном исконном месте и значении в мире человека, а также

об идее и миссии, которые отрасли права, каждая в отдельности и все вместе, реализуют в общественной жизни и которым они сами должны строго соответствовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jaeger W. Paideia. B., 1934. Bd. 1.
2. Cassirer E. Logos, Dike, Kosmos in der Entwicklung. Göteborg, 1941.
3. Наумов А.В. Российское уголовное право: Курс лекций: В 2 т. 3-е изд. М., 2004.
4. Энциклопедия уголовного права: В 35 т. СПб., 2005–2013.
5. Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: Сборник очерков / Под ред. В.В. Лунеева. М., 2010.
6. Семякин М.Н. Философская рефлексия гражданского (частного) права: продолжение старых традиций или новый цивилистический концепт? // Российский юридический журнал. 2013. № 1 (88). С. 56–65.
7. Рыженков А.Я. Философия гражданского права И. Канта // Гражданское право. 2016. № 5. С. 23–25.
8. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 3-е изд. М., 2001.
9. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Библихина. М., 2011.
10. Покровский И.А. «Иррациональное» в области права. М., 1915.
11. Бочкарёв С.А. Философия уголовного права: постановка вопроса. М.: Норма, 2019.
12. Васильев С.Ф. Метафилософия и компаративистика. М.; Берлин, 2014.
13. Рыженков А.Я. Гегелевская философия гражданского права // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1. С. 204–208;
14. Хохлов С.В. Проблема обоснования естественного и гражданского права в философии И. Канта // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2008. № 5. С. 69–77.
15. Курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой, Г.Н. Борзенкова, В.С. Комисарова. М., 2002;
16. Полный курс уголовного права: Преступление и наказание: В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008;
17. Уголовное право. Общая часть: академический курс: В 10 т. / Под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016.

ENGLISH

Philosophy and Branches of Law: Issues of Convergence

Sergey Aleksandrovich Bochkarev – PhD in Law, head of the Laboratory of Political and Legal Studies, Lomonosov Moscow State University, supervisor of the project “State of the Domestic Judicial System: an Inside Look at its Autonomy and Independence” (18-011-01232a).
E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Using historical materials, the author demonstrates that the persistent and acute interest of philosophers to law has turned spurred the emergence of a legal outlook, and

then a universal basis ensuring both sustainability and the dynamic development of legal thinking. Further, it is shown that understanding the origin of the legal thought is present mainly at the general theoretical level, while in specific branches of law, the opposite is observed. They lack a request for philosophical knowledge. It is specifically exemplified that the theories of branches of law feature a widespread tendency to avoid or reject philosophical experience.

Exploring the gap between philosophical and legal thought, the author reveals that the relations between them are driven by rational, irrational and mega-irrational factors. The core source of these factors is positivism as a worldview, which, as early as in the 19th century, was chosen as a key approach to the learning of law and since then has not been critically viewed in the branches of law. The author reveals errors and costs of positivism, the core idea of which lies in the rejection of philosophy as a source of knowledge and in asserting the self-sufficiency of industry experience. In order to shape the philosophy of the branches of law, the researcher proposes to focus on a human being and look for a source of inspiration in him/her to address philosophical issues.

REFERENCES

1. Jaeger W. Paideia. B., 1934. Bd. 1.
2. Cassirer E. Logos, Dike, Kosmos in der Entwicklung. Göteborg, 1941.
3. Naumov A.V. Rossiyskoe ugovnoe pravo: Kurslektiy: V 2 t. 3-eizd. M., 2004 (in Russian).
4. Entsiklopediya ugovnogo prava: V 35 t. SPb., 2005–2013 (in Russian).
5. Ugovnoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: Sbornik ocherkov / Pod red. V.V. Luneva. M., 2010 (in Russian).
6. Semyakin M.N. Filosofskaya refleksiya grazhdanskogo (chastnogo) prava: prodolzhenie starikh traditsiy ili novyy tsivilisticheskij kontsept? // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2013. № 1 (88). S. 56–65 (in Russian).
7. Ryzhenkov A.Ya. Filosofiya grazhdanskogo prava I. Kanta // Grazhdanskoe pravo. 2016. № 5. S. 23–25 (in Russian).
8. Pokrovskiy I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. 3-e izd. M., 2001 (in Russian).
9. Khaydegger M. Bytie i vremya / Per. s nem. V.V. Bibikhina. M., 2011 (in Russian).
10. Pokrovskiy I.A. «Irratsional'noe» v oblasti prava. M., 1915 (in Russian).
11. Bochkaryov S.A. Filosofiya ugovnogo prava: postanovka voprosa. M.: Norma, 2019 (in Russian).
12. Vasil'ev S.F. Metafilosofiya i komparativistika. M.; Berlin, 2014 (in Russian).
13. Ryzhenkov A.Ya. Gegelevskaya filosofiya grazhdanskogo prava // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. 2017. № 1. S. 204–208 (in Russian).
14. Khokhlov S.V. Problema obosnovaniya estestvennogo i grazhdanskogo prava v filosofii I. Kanta // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya. 2008. № 5. S. 69–77 (in Russian).
15. Kurs ugovnogo prava: V 5 t. / Pod red. N.F. Kuznetsovoy, I.M. Tyazhkovoy, G.N. Borzenkova, V.S. Komisarova. M., 2002 (in Russian).
16. Polnyy kurs ugovnogo prava: Prestuplenie i nakazanie: V 5 t. / Pod red. A.I. Korobeeva. SPb., 2008 (in Russian).
17. Ugovnoe pravo. Obshchaya chast': akademicheskij kurs: V 10 t. / Pod red. N.A. Lopashenko. M., 2016 (in Russian).

УДК 001 (091) 001.89

ГРНТИ 03.23.07

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-095-02-100-110

**Н.Н. АЛЕВРАС,
Н.В. ГРИШИНА,
О.В. ВЫДРИН***

Диссертационная культура российских университетов XIX – начала XX века

На основе введённого авторами понятия «диссертационная культура» презентуется основное содержание проекта, ориентированного на изучение процессов формирования среды учёных в российских университетах. Диссертационная культура рассматривается в качестве органичного сегмента/локуса общего университетского пространства России XIX – начала XX в. Применительно к диссертационному опыту учёных-историков изучаемого периода предлагается несколько сюжетов. В частности, даются толкования законодательно-нормативной базы диссертационной системы, представлен выборочный анализ созданной базы данных о диссертантах и диссертациях по историческим наукам. Демонстрируются основные институциональные феномены диссертационной культуры, выражающие инициативы историко-научного сообщества на поприще подготовки учёных высшей квалификации в виде диссертационного диспута и институтов экспертизы диссертаций.

Ключевые слова: университет, диссертационная культура, историко-научное сообщество, база данных, диссертационный диспут, экспертиза диссертаций

Диссертационная культура как феномен: нормативные и институциональные основы

Понятийный конструкт «диссертационная культура» формулировался с учё-

том представлений о её сложносоставном характере, имеющем синтетическую природу [2, 4]. Феномен диссертационной культуры включает в себя весь событийный и смысловой спектр

* **Алеврас Наталия Николаевна** — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета (ЧелГУ), руководитель проекта «Опыт диссертационных исследований учёных-историков второй половины XIX – первой половины XX в. в дисциплинарной памяти и культурном пространстве России» (16-03-00264а).

E-mail: vhist@mail.ru

Гришина Наталья Владимировна — кандидат исторических наук, декан историко-филологического факультета ЧелГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: natalyagrishina@mail.ru

Выдрин Олег Владимирович — старший преподаватель кафедры политических наук и международных отношений ЧелГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: vydrin.oleg@gmail.com

явлений, связанных с созданием диссертационных исследований, возникновением комплекса диссертационных историй, происходящих в контексте обстоятельств научной жизни учёных нормативного и неформального происхождения. Смысловое содержание изучаемого явления включает, кроме того, систему научно-организационных мероприятий, нацеленных на презентацию, защиту диссертаций в виде диссертационного диспута и их экспертизу. В контексте заданных ракурсов явления диссертационной культуры воспринимаются как результат взаимодействия совокупности факторов институционально-нормативного, социально-политического, научно-корпоративного и социокультурного происхождения.

Весь спектр характеристик и форм научной повседневности учёных, которые вписываются в понятие диссертационной культуры, содействует пониманию принципов выработки современниками ценностных критериев для определения уровня научных достижений претендентов на учёную степень и качества результатов их научно-исследовательской деятельности. В этом же контексте в изучаемый период происходила реализация коммуникации «учитель—ученик», демонстрирующей органичную связь диссертационной культуры с явлением научных школ и другими факторами историографического процесса, в частности, феноменом «профессорской культуры» [6].

Защита диссертации (диссертационный диспут) выступает результирующим опытом всех предшествующих практик подготовки претендента к научной деятельности, являясь способом реализации научно-профессиональной культуры и одновременно — инструментом экспертизы диссертационных исследований в целях присуждений их авторам учёной степени. Иными словами, в пространстве «территории» диссертационной культуры происходит процесс формирования особой иерархично устроенной социальной среды профессиональных учёных, уси-

лиями которой созидается культурный и научный капитал сообщества учёных.

Особое значение для изучения процесса формирования диссертационной культуры авторы придают четырём «поколениям» положений об учёных степенях 1819–1864 гг. Эти нормативные документы выработали определённые требования к качеству диссертационных исследований и создали организационную основу процедур их презентации, защиты и экспертизы, осуществлявшейся публично представителями научной общности.

Создание законодательно-нормативной базы, определявшей траекторию продвижения диссертанта к намеченной цели, выработка научных и коммуникативных практик на пути к защите диссертации позволяют говорить о постепенном формировании развитой системы и культуры организации подготовки специалистов высшей квалификации в университетах дореволюционной России. Важной вехой в этом процессе становится университетский устав 1835 г., утвердивший, в частности, принцип обязательности докторской степени для получения учёного звания и должности профессора, и разработанное на его основе положение об учёных степенях 1844 г. [10].

В рамках данного нормативного комплекса авторы проекта фиксируют выработку нового принципа: устанавливается приоритет диссертации относительно иных — экзаменационных — испытаний, которые должен был пройти соискатель учёной степени. Особый институциональный статус приобретают такие формы университетской жизни, как диссертационный диспут и выступления оппонентов. Наиболее зрелые формы институты и традиции диссертационной культуры приобрели в условиях действия пореформенных университетских уставов 1863 и 1884 гг. [8, 9] и положения об учёных степенях 1864 г. [11].

Подчеркнём концептуальный момент предлагаемой версии изучения диссертаци-

ционной культуры: отдавая должное усилиям власти в организации этого сегмента университетского пространства, особое значение на данном поприще авторы придают собственным инициативам формирующегося научного сообщества.

Специфическая функция диссертации как квалификационного сочинения, в перспективе влекущая изменения научных и должностных статусов диссертантов, порождает повышенные требования к её содержанию и презентации. Можно полагать, что диссертация как научное произведение позиционировалась в университетской среде в виде некоего эталона научного труда применительно к условиям того или иного этапа развития исторической науки. Имеет смысл подчёркивать особый статус диссертации как разновидности научных трудов.

Под статусом диссертации понимают особенности, обусловленные её специфическим предназначением исполнять роль квалификационного исследования, которое, будучи успешно защищённым, определяло автору место в иерархии учёных степеней и штатов профессорско-преподавательского состава университетов. Статусные особенности диссертации складывались на основе не только нормативных установлений, но и неформальных предписаний научно-корпоративного сообщества. Более того, по смыслу законодательно-нормативных актов именно профессорско-преподавательский актив в рамках институциональных структур университетского пространства получал полномочия реализации и контроля процедур подготовки, научной экспертизы и публичной защиты диссертаций учёных. Этот процесс зарождался в дореформенный период и закрепился в ситуации российской модернизации пореформенного времени. Значение для национальной научной традиции изученного опыта диссертационной культуры подтверждает факт преемственности и сохранения многих её элементов в научных структурах СССР и современной России.

В течение XIX – начала XX в. законодательно-нормативная основа диссертационной культуры и инициативы профессорско-преподавательской среды университетов приобрели характер специфических инструментов создания корпорации профессиональных учёных, которую в современной историографической традиции обозначают как научное сообщество [7].

К рубежу XIX–XX столетий мир научной культуры, научное сообщество уже не воспринимались современниками вне учёных степеней и соответствующих им учёных званий, достигнутых их носителями посредством создания и защит диссертаций.

База данных: к коллективному портрету историков-диссертантов

Обратимся к информационному ресурсу созданной коллективом проекта базы данных о диссертантах и диссертациях историков XIX – начала XX в. Обобщённые показатели базы содержат сведения о 280 диссертантах и 409 диссертациях. Основным критерием отбора и размещения сведений о диссертанте-историке в базе являлась идентификация проблематики диссертации как исторической по своей дисциплинарной сути. В результате, в базу включены учёные, защитившие диссертации по историческим разрядам наук, а также соискатели учёных степеней по философии, греческой, римской, восточной, славянской словесности, классической филологии и некоторым другим научным разрядам. Из общего числа диссертаций, вошедших в базу данных по разряду «русская история», было защищено 135 диссертаций (40 докторских, 95 магистерских); по разряду «всеобщая история» – 129 диссертаций (45 докторских, 84 магистерских).

Статистика защит вполне позволяет уловить особенности процессов формирования и закрепления диссертационной системы в России. В рамках действия первых университетских уставов (1804,

Рис. 1. Защиты диссертаций в дореформенный и пореформенный периоды

1835) было защищено всего 95 диссертаций – 23,3% от общего количества (28,4% магистерских и 13,8% докторских). Интенсификация процесса защит приходится на пореформенный период: в 1860–1910-е гг., находящиеся в поле действия уставов 1863 и 1884 гг., было защищено 314 диссертаций – 76,7% от общего количества (71,6% магистерских, 86,2% докторских) (рис. 1).

Пики числа защит пришлись на 1860-е, 1880-е и 1900-е гг. Начиная с 1860-х гг. наблюдается тенденция возрастания числа учёных, защитивших обе диссертации. Из 31 диссертанта, защитившего магистерскую диссертацию в 1860-е гг., впоследствии не защищали докторскую диссертацию 12 (38,7%), из 29 в 1870-е гг. – 9 (31%), из 39 в 1880-е гг. – 11 (28,2%), из 25 в 1890-е – 11 (44%). В последующее десятилетие число магистров и докторов уравнивается, а в 1910-е гг. 68,9% магистров так и не защитили докторские диссертации (рис. 2).

Ситуация, сложившаяся в последние два десятилетия существования дореволюционной диссертационной системы, свидетельствует о том, что диссертаци-

онные планы не сбылись у многих представителей научного сообщества под влиянием политической ситуации в России, а также в связи с отменой учёных степеней в 1918 г.

На протяжении XIX – начала XX в. существенно изменились возрастные показатели диссертантов. Постепенно происходил процесс некоторого «старения» лиц, защищавших диссертации. Если в 1830-е гг. в среде магистров-диссертантов 53,8% находились в возрасте от 21 до 25 лет, то к 1890-м гг. 60% этой категории диссертантов принадлежали к возрастной группе 31–35-летних.

Медианные показатели возраста магистров от 28 до 35 лет установились уже к 1850-м гг., хотя до 1880-х гг. были примеры ранних диспутов. В 1890-е гг. «средний» магистр был сложившимся 33-летним учёным. На этом фоне, например, защита в 1891 г. 25-летнего М.Н.Крашениникова шла вразрез с устоявшейся практикой. Если в 1850-м г. защита магистерской диссертации 36-летним П.Н.Кудрявцевым оценивалась как возрастная, то в последующие десятилетия «старыми» можно назвать соискателей в возрасте

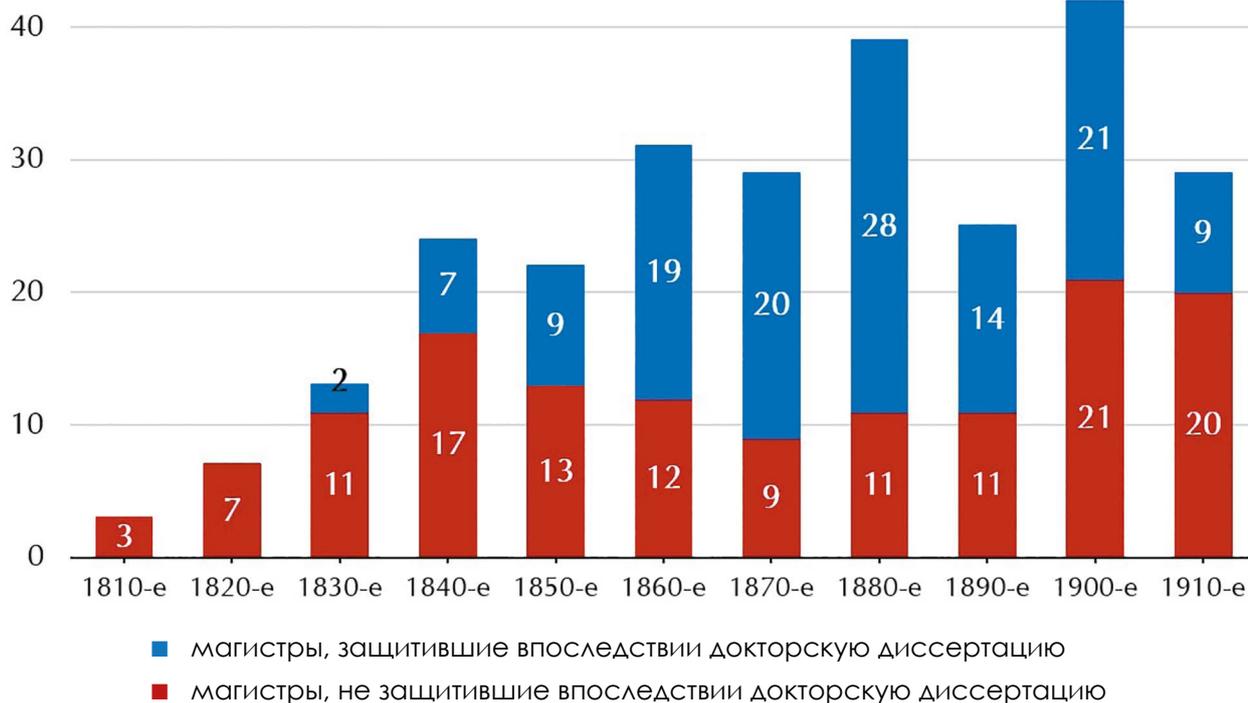

Рис. 2. Академические карьеры магистров
(по десятилетиям, в которые защищались магистерские диссертации)

старше 40 лет: К.А.Ратлеф (1858, 48 лет), К.К.Герц (1870, 50 лет), В.С.Борзаковский (1876, 42 года), Ф.Н.Дьячан (1877, 46 лет), М.И.Лилеев (1896, 50 лет), В.Г.Ляскоронский (1899, 40 лет), Х.Ф.Лопарев (1915, 53 года). В большинстве своем ученые, поздно ставшие магистрами, не защищали докторской диссертации. Исключениями являются только случаи К.А.Ратлефа (1860, 50 лет) и К.К.Герца (1873, 53 года) (рис. 3).

Медианные показатели возраста докторов также выросли к 1850-м гг., составив 32 года. В последующие десятилетия он варьировался от 34 до 40 лет (рис. 4).

Диссертанты в основном предпочитали защищаться в *alma mater*. Мобильность при выборе университета для защиты диссертации была невысока. К примеру, из 90 магистров, защитившихся в Москве и Петербурге, 75 защитили док-

торскую диссертацию также в столичном университете, 13 — в региональном, 2 — в приграничном¹. Та же тенденция сохраняется и для других университетов: из 31 магистра, защитившего диссертацию в региональном вузе, 22 для докторской предпочли университет той же категории (рис. 5).

Распределение защит диссертаций по университетам позволило выявить среди них лидеров и аутсайдеров и в конечном итоге сделать вывод о степени влияния традиций различных научных школ на ценностное наполнение диссертационной культуры. Несомненными лидерами в пространстве диссертационной культуры являлись, конечно, столичные университеты. Первое место принадлежало Петербургскому университету, в стенах которого было защищено более 40% магистерских и 38% докторских дис-

¹ В статье используется деление российских университетов на столичные (Московский, Санкт-Петербургский), региональные (Казанский, Новороссийский, Киевский, Харьковский) и приграничные (Дерптский, Варшавский). Данная классификация была предложена авторами проекта о российских университетах под руководством Труде Маурер [13].

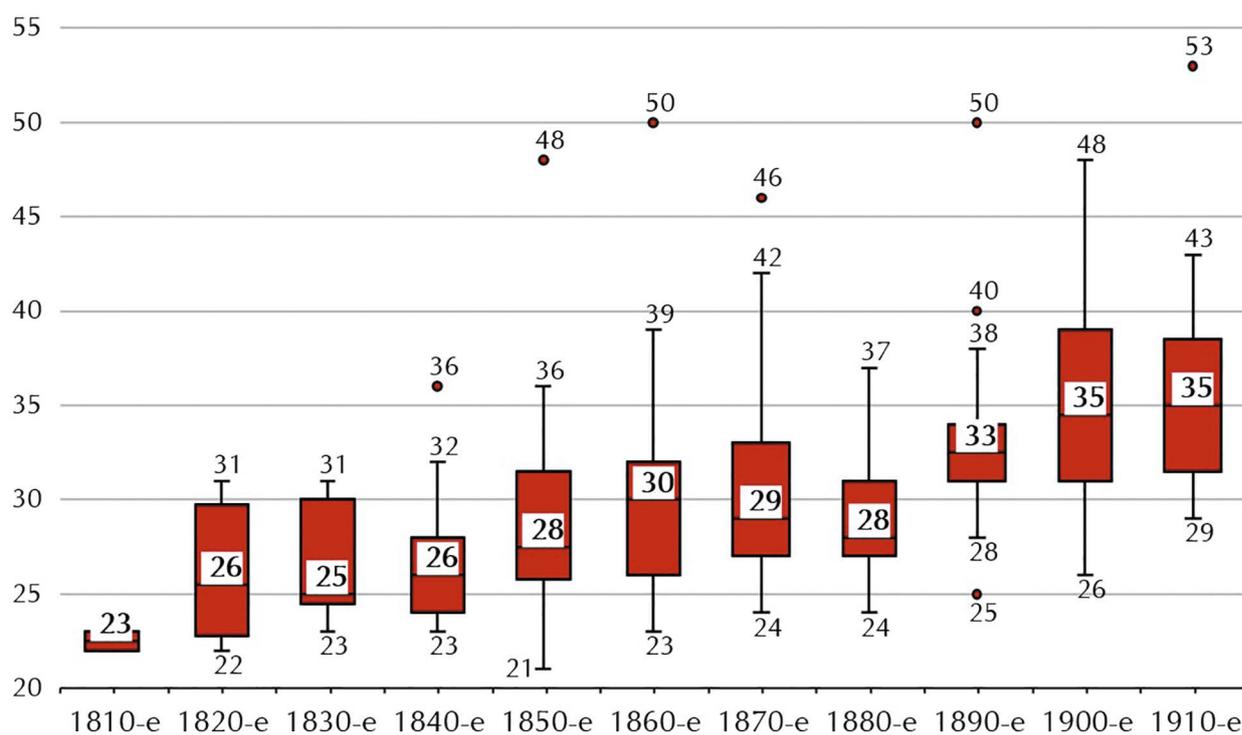

Рис. 3. Возраст диссертантов, защитивших магистерскую диссертацию (по десятилетиям защиты)

сертаций. Второе место занимал Московский университет с более чем 22% магистерских и 27% докторских диссертаций.

Третьим являлся Киевский университет, где было защищено 13,6% магистерских и 9% докторских диссертаций. Дальней-

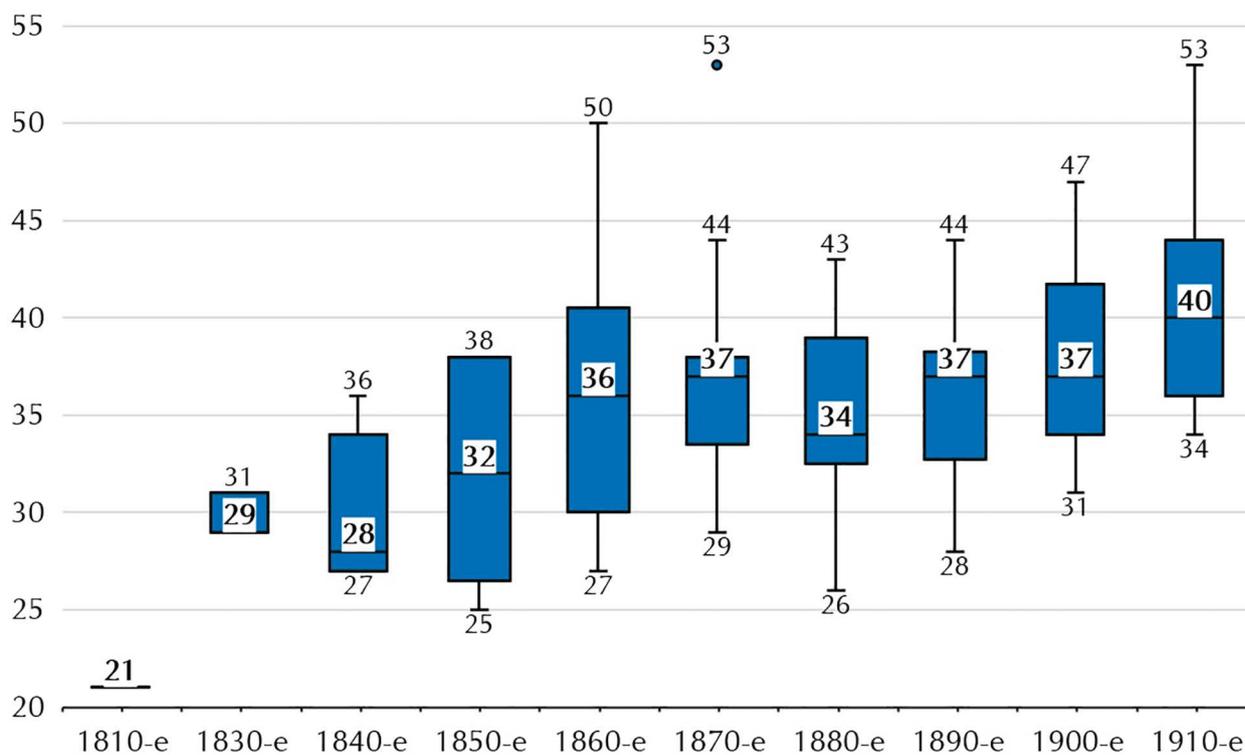

Рис. 4. Возраст диссертантов, защитивших докторскую диссертацию (по десятилетиям защиты)

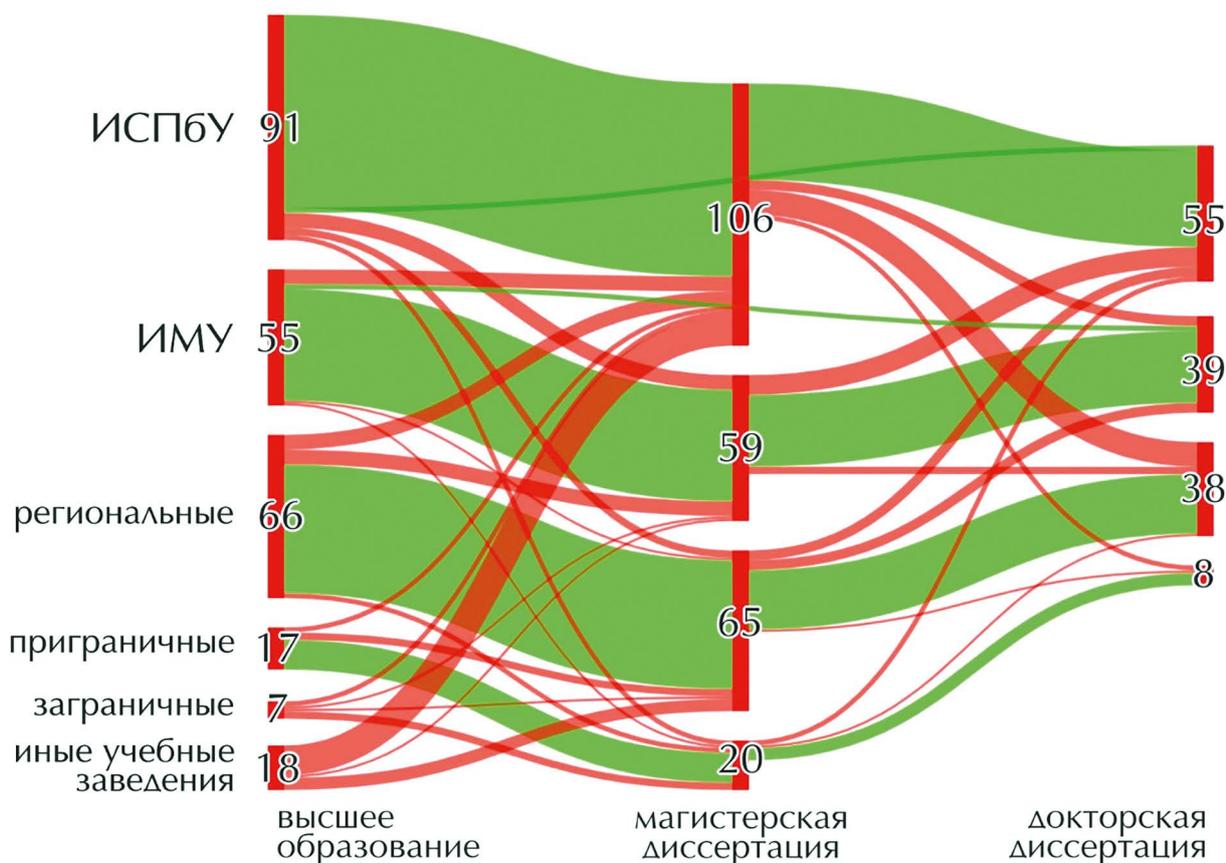

Рис. 5. Траектории академических карьер и «диспутной миграции»

шее распределение университетов выглядит следующим образом: Дерптский (8,3% магистерских и 4,9% докторских диссертаций), Харьковский (7,2% и 6,9%), Казанский (4,5% и 6,9%), Новороссийский (1,5% и 4,9%). Абсолютным аутсайдером выглядел Варшавский университет, в котором были защищены всего шесть диссертаций, что составило 1,5% от общего числа.

Таким образом, за лидирующими столичными университетами следовали университеты региональные. Рейтинг университетов, попавших в категорию приграничных, различен: Дерптский университет по числу защит оказался на 4-м месте среди университетов Российской империи, чему во многом способствовала практика открытого в Дерпте Профессорского института, целенаправленно готовящего учёных (рис. 6). Именно Московская и Петербургская традиции подготовки учёных обсуждались и были взя-

ты за основу при выработке положений о работе с первым поколением советских аспирантов [3, с. 141–142].

Диссертационный диспут и институт оппонентов

Тема диссертационной культуры, представляя один из значимых локусов университетского пространства и будучи напрямую связанной с выдвижением претендентов на профессорское звание и организацией присуждения учёных степеней, не может быть раскрыта без обращения к таким институциональным элементам университетского бытия, как диссертационный диспут и оппонирование диссертаций.

Вполне разделяя мнение американского историка Т. Сандерса, обратившегося в 1999 г. к феномену диссертационного диспута как специфическому «культурному институту» русской академической истории, обратим внимание на его резю-

мирующее суждение о функциональном предназначении диспута. Он заключил, что из способа контроля властных структур, курирующих деятельность университетов, диспут постепенно превращался в особый инструмент «самопрезентации и утверждения своего статуса» теми, кто был вовлечён в систему получения и утверждения учёных степеней [12, с. 162, 163].

Несомненно, защита диссертаций с момента формирования этой традиции становилась событием, проистекавшим из совместных усилий официальных структур, определявших законодательно-нормативную основу этой процедуры, и научного сообщества, осуществлявших подготовку профессиональных учёных из среды молодого поколения — выпускников университетов, рекомендованных «для подготовки к профессорскому званию». В пореформенный период окончательно укоренился принцип публичности диссертационных диспутов, а культура его проведения, включая экспертно-контрольные

функции, фактически стала факультетской прерогативой. В данном исследовании институциональными площадками подготовки и проведения защит диссертаций соискателей учёных степеней являлись историко-филологические факультеты и профильные кафедры (преимущественно русской и всеобщей истории).

Публичная защита, помимо своего прямого назначения, связанного с презентацией диссертации в форме диссертационного диспута, играла роль транслятора научных идей и результатов научно-исследовательской деятельности перед широкой общественной аудиторией. Эта его функция была актуальна как для соискателя учёной степени, так и для экспертов-оппонентов. Существенную роль в освещении событий, связанных с защитами диссертаций, играла периодическая печать. Особо следует отметить инициативы представителей историко-научного сообщества по созданию сугубо научных периодических изданий, на страницах которых стали публиковать подробные

Рис. 6. Доля диссертаций по месту их защиты

протоколы защит диссертаций. Подобная практика стала возможной благодаря внедрённому опыту неофициального протоколирования диспутов добровольными «протоколистами» из научной среды. Примером служит журнал петербургских историков – «Историческое обозрение», основанный в 1890 г. [5].

Институт оппонентов и экспертизы трудов соискателей учёных степеней как устойчивый элемент диссертационной культуры начал складываться с 1844 г. на базе утверждённого положения об учёных степенях. Обновлённый норматив подобного официального документа, введённого в 1864 г., закрепил три основных категории экспертов. Определяющую роль в процедуре экспертизы диссертационного труда играл факультетский отзыв, являвшийся пропуском диссертации к защите и гарантией позитивного решения факультета в пользу соискателя. Две категории других экспертов – официальные и неофициальные оппоненты – осуществляли критический анализ диссертаций в ходе диспутационной полемики. Выступления этих экспертов становились

основой формирования в научном сообществе того или иного имиджа учёного со степенью, выступавшего в лице как соискателей, так и оппонентов.

Процедуры оппонирования сформировали различные типы оппонентской культуры. Модели оппонирования, ориентированные на принципиально-критический подход к оцениванию содержания и результатов диссертационных трудов, характерны, например, для оппонентских почерков В.О.Ключевского, М.К.Любавского, А.С.Лаппо-Данилевского. Более мягкий стиль оппонирования из среды активистов на этом поприще демонстрировали С.Ф.Платонов, В.Г.Васильевский, В.И.Герье, допускавшие методы патронажа своих учеников в моменты их защит.

Совокупность событий и процедур, связанных с подготовкой и защитой диссертаций, подтверждает выдвинутое нами положение о том, что диссертационная культура как органичный элемент университетского пространства становится базовым условием формирования и структурирования научного сообщества российских учёных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sanders T. The Third Opponent: Dissertation Differences and the Public Profile of Academic History in the Late Imperial Russia // *Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State* / Ed. by T. Sanders. Armonk, New York, 1999. P. 69–97.
2. Алеврас Н.Н. Диссертационная культура как историографический концепт // *Уральский исторический вестник*. 2014. № 4 (45). С. 111–120.
3. Гришина Н.В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы подготовки научных кадров в 1860 – 1920-е гг. // *Мир историка: историографический сборник* / Отв. ред. В.П.Корзун, С.П.Бычков. Омск, 2014. Вып. 9. С. 122–145.
4. Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX – середины XX в.: опыт и перспективы изучения: Сборник статей / Под ред. Н.Н.Алеврас, Н.В.Гришиной. Челябинск: Энциклопедия, 2016.
5. Исторические диспуты // *Историческое обозрение*, 1890. Т. 1. С. 276–310.
6. Корзун В.П. О соотношении понятий диссертационная культура и профессорская культура: дефиниции как исследовательская опция // *Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX – середины XX в.: опыт и перспективы изучения: Сборник статей* / Под ред. Н.Н.Алеврас, Н.В.Гришиной. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 19–25.

7. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казанского университета, 2000.
8. Общий устав императорских российских университетов, 18 июня 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 38. № 39752. С. 621–637.
9. Общий устав императорских российских университетов, 23 августа 1884 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 4. № 2404. С. 456–474.
10. Положение о производстве в учёные степени (от 6 апреля 1844 г.) // Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП). 1844. Ч. 42. С. 179–192.
11. Положение об испытаниях на звание действительного студента и учёные степени, 4 января 1864 // ЖМНП, 1864. Февраль. Ч. СХХI. С. 96–110.
12. Сандерс Т. Третий оппонент: защиты диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи / Пер. с англ. А.В. Антощенко // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / Отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 161–192.
13. Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

ENGLISH

Dissertation Culture of Russian Universities of the 19th — Early 20th Centuries

Nataliya Nikolaevna Alevras — DSc in History, Professor of the Department of History of Russia and Foreign Countries of Chelyabinsk State University (CSU), supervisor of the project “Experience of Dissertation Studies of Historians in H2 of the 19th — H1 of the 20th Centuries in the Memory of the Scientific Branch and Cultural Space of Russia” (16-03-00264a).

E-mail: vhist@mail.ru

Natalya Vladimirovna Grishina — PhD in History, Dean of the Faculty of History and Philology of CSU, co-performer in the same project.

E-mail: natalyagrishina@mail.ru

Oleg Vladimirovich Vydrin — Senior Lecturer, Department of Political Science and International Relations, CSU, co-performer in the same project.

E-mail: vydrin.oleg@gmail.com

Relying on the notion of “dissertation culture”, the authors focus on the emergence of academic environment at Russian universities. The dissertation culture is considered as an organic segment/locus of the overall university space of Russia of the 19th — early 20th centuries. With regard to the dissertation experience of historians in the covered period, several plots are proposed. In particular, the paper provides the interpretation of the legislative and regulatory framework of the dissertation system, a selective analysis of the database based on the authors and their dissertations on historical sciences. The authors demonstrate the core institutional phenomena of the dissertation culture, expressing the initiatives of the historical and academic community in the training of highly qualified scientists by way of dissertation disputes and institutes for the examination of dissertations.

Keywords: university, dissertation culture, historical academic community, database, dissertation dispute, dissertation examination

REFERENCES

1. Sanders T. The Third Opponent: Dissertation Differences and the Public Profile of Academic History in the Late Imperial Russia // *Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State* / Ed. by T. Sanders. Armonk, New York, 1999. P. 69–97.
2. Alevras N.N. Dissertatsionnaya kul'tura kak istoriograficheskiy kontsept // *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2014. № 4 (45). S. 111–120 (in Russian).
3. Grishina N.V. Ot «ostavlennykh dlya podgotovki k professorskomu zvaniyu» k sovetskim aspirantom: transformatsiya sistemy podgotovki nauchnykh kadrov v 1860–1920-e gg. // *Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik* / Otv. red. V.P. Korzun, S.P. Bychkov. Omsk, 2014. Vyp. 9. S. 122–145 (in Russian).
4. Dissertatsiya po istorii v kontekste rossiyskoy nauchnoy kul'tury XIX – serediny XX v.: opyt i perspektivy izucheniya: Sbornik statey / Pod red. N.N. Alevras, N.V. Grishinoy. Chelyabinsk: Entsiklopediya, 2016 (in Russian).
5. Istoricheskie disputy // *Istoricheskoe obozrenie*, 1890. T. 1. S. 276–310 (in Russian).
6. Korzun V.P. O sootnoshenii ponyatiy dissertatsionnaya kul'tura i professorskaya kul'tura: definitsii kak issledovatel'skaya optsiya // *Dissertatsiya po istorii v kontekste rossiyskoy nauchnoy kul'tury XIX – serediny XX v.: opyt i perspektivy izucheniya: Sbornik statey* / Pod red. N.N. Alevras, N.V. Grishinoy. Chelyabinsk: Entsiklopediya, 2016. S. 19–25 (in Russian).
7. Myagkov G.P. Nauchnoe soobshchestvo v istoricheskoy nauke: opyt «russkoy istoricheskoy shkoly». Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2000 (in Russian).
8. Obshchiy ustav imperatorskikh rossiyskikh universitetov, 18 iyunya 1863 g. // *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Sobr. 2. T. 38. № 39752. S. 621–637 (in Russian).
9. Obshchiy ustav imperatorskikh rossiyskikh universitetov, 23 avgusta 1884 g. // *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Sobr. 3. T. 4. № 2404. S. 456–474 (in Russian).
10. Polozhenie o proizvodstve v uchyonye stepeni (ot 6 aprelya 1844 g.) // *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya (ZHMNP)*. 1844. Ch. 42. S. 179–192 (in Russian).
11. Polozhenie ob ispytaniyakh na zvanie deystvitel'nogo studenta i uchenye stepeni, 4 yanvarya 1864 // *ZHMNP*, 1864. Fevral'. Ch. CXXI. S. 96–110 (in Russian).
12. Sanders T. Tretiy opponent: zashchity dissertatsiy i obshchestvennyy profil' akademicheskoy istorii v Rossiyskoy imperii / Per. s angl. A.V. Antoshchenko // *Istoricheskaya kul'tura imperatorskoy Rossii: formirovanie predstavleniy o proshlom* / Otv. red. A.N. Dmitriev. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2012. S. 161–192 (in Russian).
13. *Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka)* / Pod red. T. Maurer i A. Dmitrieva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009 (in Russian).

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ**М.Л. ФЁДОРОВ*****«Как четырнадцатая дивизия в рай шла» Демьяна Бедного: от стихотворной повести к пьесе**УДК 821.161.1
ГРНТИ 17.09.91
DOI: 10.22204/2587-8956-2019-095-02-111-121

Впервые в отечественной науке в центре исследования оказывается драматургия Демьяна Бедного. Рассказывается о тех произведениях поэта, которые увидели сценическое воплощение. На основе архивных материалов ОР ИМЛИ показана история создания пьесы Демьяна Бедного «Как четырнадцатая дивизия в рай шла». Исследуется один из основных драматургических принципов поэта: сначала пишется стихотворение, а позже из него вырастает пьеса. Спектакль Московского мюзик-холла «Как четырнадцатая дивизия в рай шла» (1932), войдя в историю советского театра как одна из ярких его страниц, сыграл ключевую роль в формировании особого феномена сценического искусства — театра сатиры и эстрады.

Ключевые слова: Демьян Бедный, драматургия, театр сатиры, театр эстрады, архив, мюзик-холл

Демьян Бедный и театр

Обращение Демьяна Бедного (настоящее имя Ефим Алексеевич Придворов; 1883–1945 — рис. 1) к драматургии нельзя назвать случайным, и обусловлено оно было не только его знанием театра. Исследователи не раз повторяли: «Мы отмечали неоднократно, что Демьян Бедный по основной линии своего творчества драматург» [1, с. 79]. И поэтому теа-

тры часто обращались к произведениям Демьяна Бедного, адаптируя их для сценического воплощения. Первым сочинением поэта, увидевшим рампу, стал «Манифест барона фон Врангеля», поставленный в Одесском цирке в 1920 г. в форме острой и зрелищной цирковой эксцентриады. Монолог из неоконченной драмы Демьяна Бедного «Земля, земля» был поставлен в одесском Ма-

* **Фёдоров Максим Львович** — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН, руководитель проекта «Демьян Бедный и советский театр 1920–1930-х годов» (18-012-00445а).

E-mail: maksimfyodorov@yandex.ru

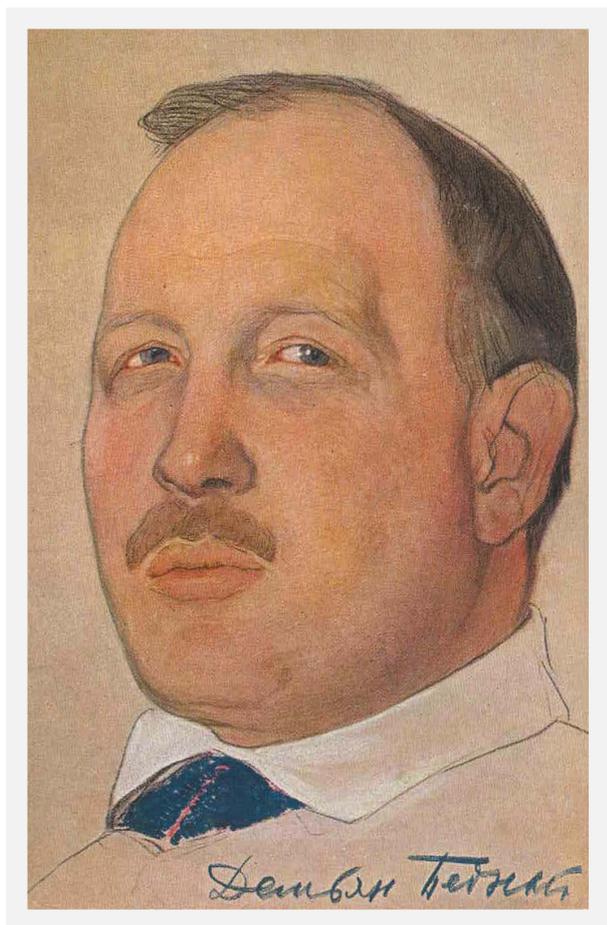

Рис. 1. Демьян Бедный. Худ. Н. Андреев

лом театре, и получилось полуобозрение, полуфарс с музыкой и плясками. В кремлёвском клубе им. Свердлова в Москве в 1924 г. прошли с успехом «Сказки» Демьяна Бедного в инсценировке М.С.Нарокова, сценическое воплощение увидел его «НЭП». А Ю.С.Глизер блистательно исполняла с эстрады «Долбанём», «обгрыбая», как отмечала критика, «в гротескной манере не только словесный материал, но и его ритмическое и динамическое построение» [2, с. 3]. В 1931 г. Московский мюзик-холл выпустил театрализованное обозрение по тексту поэмы Демьяна Бедного «Вытянем!!!», посвящённой магнитогорским строителям.

К октябрьским торжествам 1927 г. Ленинградская консерватория готовила «сценическое празднование», и в качестве литературного материала была выбрана поэма Д.Бедного «Главная улица». Инсценировала её профессор С.Масловская.

Выбор этого текста для постановки неслучаен: это произведение, высоко оценённое критикой, считается одним из самых совершенных в творчестве поэта [3, с. 158].

В Ленинградской консерватории текст поэмы произносили чтец и хор, причём хоровое пение сочеталось с сольным, с танцами, пантомимой, и постановка определялась как «синтетическое представление». В «сценическом праздновании» участвовали 500 человек. Музыку писал М.Михайлов, завершал работу молодой Д.Д.Шостакович (и это был первый опыт сотрудничества композитора с театром). Однако постановка не слишком удалась: местами, как отмечала пресса, она превращалась в «голую агитку».

История пьесы «Как четырнадцатая дивизия в рай шла»

Самой известной, вошедшей в историю театра постановкой по произведениям Демьяна Бедного стал спектакль «Как 14-я дивизия в рай шла», поставленный в 1932 г. в московском Мюзик-холле. Театр попросил поэта переделать в пьесу его раннюю, созданную в первые годы революции стихотворную повесть «Занимательная, дива и любопытства достойная, силою благочестия и убеждения исполненная и красноречием дышащая повесть о том, как четырнадцатая дивизия в рай шла» (рис. 2–5). Произведение это любопытно и тем, что в основу его, возможно, положен «бродячий сюжет». У Демьяна Бедного апостол Пётр, охраняющий двери рая, с лёгкостью пропускает туда целую погибшую дивизию вместе с полковыми девками, а сохранившую непорочность старуху отталкивает. Почти в это же время французский писатель Марсель Эмме написал новеллу «Польдевская легенда», во всех деталях, кроме, разумеется, имён, совпадающую с обозрением Демьяна Бедного. Несколько ранее похожий сюжет использовал и М.А.Булгаков в «Белой гвардии»: главный герой Алексей Турбин во сне видит

рай и апостола Петра у его врат, встречающего эскадрон погибших гусар. Возможно, работая над стихотворной повестью, «кремлёвский баснописец», воспринимая себя в качестве русского Беранже, вспомнил песню французского поэта «Две сестры милосердия», где апостол Пётр впускает в рай и праведную монахиню, и распутную актрису, признавая главным их достоинством то, что обе много любили. Известно также, что в основу текста советского поэта положен действительный факт из Первой мировой войны. После торжественного богослужения, в котором участвовали протоиерей и несколько полковых священников, на фронт была отправлена пехотная дивизия, которая в первом же бою подорвалась на mine.

В 1923 г. стихотворная повесть была издана с иллюстрациями художника М. Черемных. После заключительных строк первой части был приведён «Чин исповедания жёнам», взятый из церковного требника и воспроизведённый на церковнославянском языке фототипическим способом. Именно это редкое издание, когда-то найденное поэтом в одном из букинистических магазинов, стало основным источником этого произведения. Об этом, в частности, вспоминали друзья поэта: «Навсегда запомнилось, что самое большое удовольствие доставляли ему находки у букинистов. Он часто делился со мной радостью по поводу удачных приобретений. Помню его радость, когда он нашёл текст старинного “Чина” — исповеди, использованной им впоследствии в поэме “Как 14-я дивизия в рай шла”. Выпуск этой поэмы наталкивался на трудности именно из-за “вольностей”, содержащихся в указанной исповеди. В конце концов, трудности были преодолены, и текст исповеди был напечатан» [4, с. 91].

При работе над пьесой поэт значительно изменил своё раннее произведение: если в стихотворной повести действие заканчивается перед входом в рай, то в пьесе основные события переносят-

ся на небеса. И этот второй сценический вариант становится в один ряд с произведениями (в том числе и драматургическими, например, «Мистерией-Буфф» В. Маяковского), где проявился своего рода особый «космизм», присущий молодёжной советской литературе. «На земле уже вроде бы и не хватает места для бурного движения народных масс. Возникает необходимость “освоить” небо и его заселить своими идеями, и его вовлечь в грандиозную битву классов» [5, с. 123]. В литературу и театр приходят Евангелие и Библия (например, дерзко пародирующий Нагорную проповедь Человек из Будущего в «Мистерии-Буфф»), земной шар и луна, Космос и солнце и т.д. Писатели по-разному ощущали и выражали этот «космизм» — «космизм неповторимой исторической эпохи, когда строительство нового мира мыслилось как изначальное создание земного мира

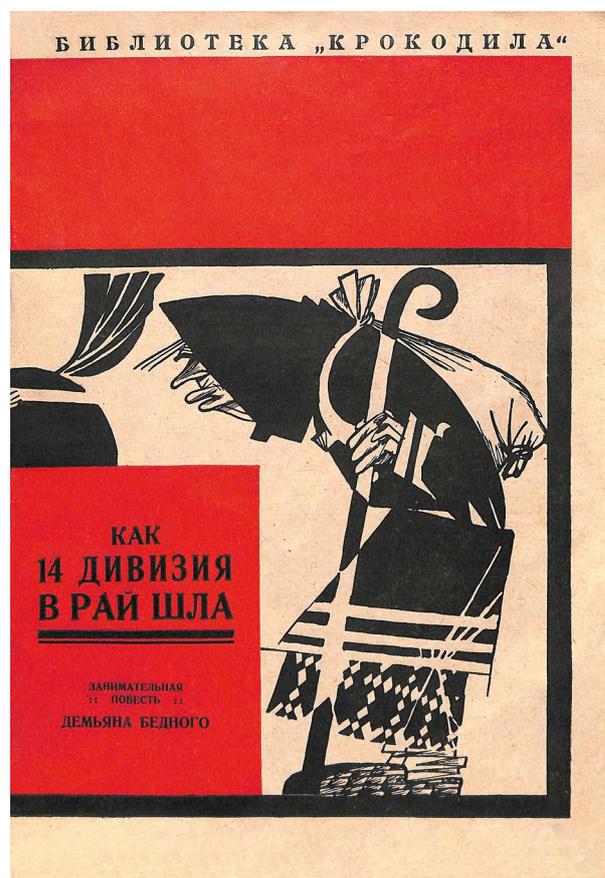

Рис. 2. «Как 14 дивизия в рай шла». Обложка. Худ. М. Черемных

Рис. 3. «Как 14 дивизия в рай шла». Титульный лист. Худ. М. Черемных

вообще. Отсюда и тяга к мистериям, народным зрелищам, к суровой образности Библии. Не случайно, конечно, даже и сам Станиславский, столь крепко связанный в нашем сознании с психологическим театром, обращался мыслью к байроновскому «Каину», мечтал о массовом действии» [5, с. 123–124].

Характер дарования Демьяна Бедного определило то, что в своём произведении он смещает акценты от космогонического и онтологического в сторону сатирического.

Пьеса, значительно превосходя повесть в объёме, отличается от неё и структурно. Сатира, образующая основной каркас пьесы, перемежается в тексте интермедиями, где голос поэта приобретает публицистическую остроту, наполняется гражданским пафосом и получает отчётливую антивоенную направленность. Остроумно и изобретательно использовав народ-

ный язык, Демьян Бедный рисует картину жизни на небесах, которая оказывается совсем неотличимой от земных порядков. В раю, например, оказывается родовспомогательное заведение «Вифлеем», гостиница «Сладостный приют». Яркая афиша «Ад-Ад-Ад!» возвещает о представлении в «Адском мюзик-холле», где публике представят «Сплошную чертовщину», «Ангельский балет», «Апостольский джазбанд». В качестве зрителя там появляется Григорий Распутин («В аду сегодня большой банкет назначен. Царициного любовника, Распутина, на земле уколошили, так в аду его сегодня чествовать будут» [6, с. 22]). На этом «мероприятии» Распутин даже получает награду («За всё сие жалуем тебя, верный раб наш, Григорий, чином священномученика и награждаем орденом Святого Духа высшей степени, каковой орден носить по установлению» [6, с. 24]).

Стоящие в очереди в рай ругаются и стараются протиснуться вперёд, и кто-то произносит чуть изменённую пушкинскую фразу: «Нет правды на земле... И нет её на небе» [6, с. 15]. А ему отвечают: «Ай, ай, ай!.. Как вы неосторожно... Услышат» [6, с. 15].

А апостол Пётр, играя со святым Николой в карты, переиначивает гамлетовское: «Брать иль не брать — вот в чём вопрос / И прикупать иль нет — к пятёрке?!» [6, с. 17].

В интервью журналистам «Театральной декады» незадолго до премьеры Демьян Бедный рассказал, как создавалось это произведение: «Родилась пьеса “Как четырнадцатая дивизия в рай шла” из моей одноимённой сатирической поэмки, изданной лет восемь назад, а сама поэмка базировалась на анекдоте, который не мне одному показался по его остроумию и глубине заслуживающим того, чтобы над ним поработать» [7, с. 8].

Сюжет повести, по словам автора, «основан на чисто народных, юмористических представлениях о земле, рае и аде, не раз уже использованных в нашей и мировой литературе, но под влиянием внешней цензуры, буржуазной ограниченности и мещанского лицемерия, искажённых и изуродованных, фальсифицированных правящим классом в своих интересах». Поэт предлагал использовать его произведение на сцене так, «чтобы насмешливая народная издёвка не была заглушена, чтобы слова звучали прямо и сочно, чтобы образ не был зализан» [7, с. 8]. «...Я вспоминал прекрасную формулировку Пушкина: “драматическое искусство родилось на площади — для народного увеселения”. И для народного поучения, прибавил бы я. Но есть ли у нас сейчас подлинно народные представления, где были бы использованы народные и площадные формы зрелищ для выражения наших высоких задач и устремлений, рождённых великой пролетарской революцией?» [7, с. 8].

Демьян Бедный в Московском мюзик-холле

В Мюзик-холле спектакль ставил известный режиссёр Фёдор Каверин, композитором выступил Лев Пульвер, дирижёром — Дмитрий Покрасс, а оформлял спектакль художник Михаил Сапегин. Режиссёру удалось создать яркое, красочное представление, которое трудно поддавалось жанровому определению. Эта постановка стала для Мюзик-холла программной, и такой она и осталась в истории эстрадных театров «больших» форм. Тогда московский театр сделал серьёзную попытку изменить своё лицо. Неслучайно одна из рецензий так и называлась «Поворот». После этого спектакля в Мюзик-холле появилась и постоянная труппа, и художественный руководитель, что говорило о зрелости и важности этого театра. И на его сцене во всей полноте обнаружился талант замечательных артистов М.Мироновой, Б.Тенина, С.Мартинсона, О.Жизневой, В.Токарской.

Постановщик Фёдор Каверин в поисках пути советского мюзик-холла возрождал традиции народного балагана, и пьеса Демьяна Бедного «...давала возможность использовать эти формы, предоставляла простор игровому началу, импровизации, выдумке. Ко всему этому всегда влекло Каверина, режиссёра яркого и самобытного таланта. Как ученик В.Н.Пашенной и Н.А.Смирновой, он прошёл школу Малого театра. У мхатовского режиссёра А.А.Санина научился он выстраивать массовые сцены. Впечатление от спектаклей Е.Б.Вахтангова ещё усилило его личное пристрастие к яркой театральности» [8, с. 217].

Спектакль «Как 14-я дивизия в рай шла» был задуман режиссёром как большое синтетическое зрелище. Но помимо развлекательности и трюкачества критики увидели в постановке гораздо большее. Любимый Кавериним лубок в сочетании с цирковыми трюками, игрой с масками, сложной машинерией «выполнял важную политическую функцию» [9, с. 3].

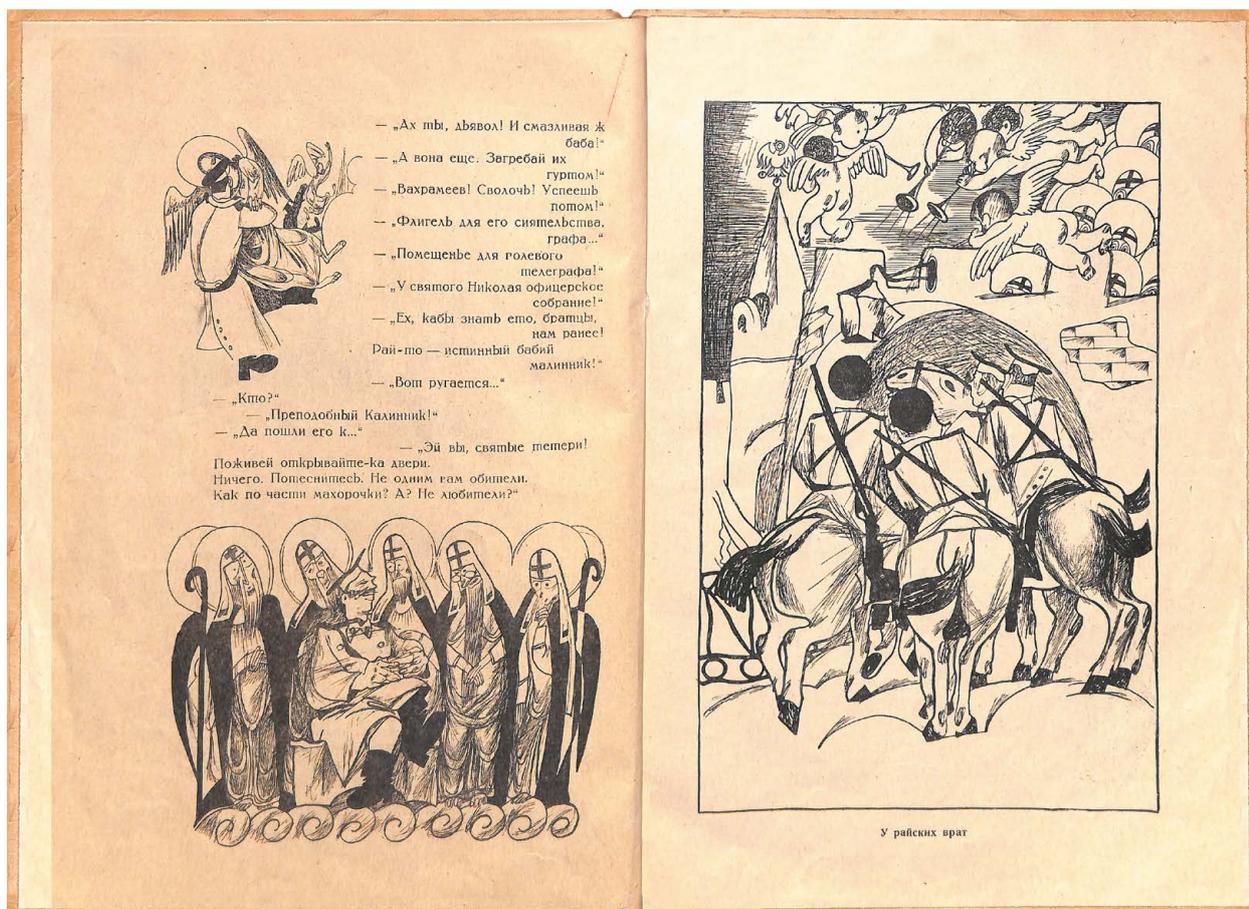

Рис. 4. «Как 14 дивизия в рай шла». У райских врат. Худ. М. Черемных

Как это диктовалось пьесой, спектакль отчётливо делился на две части. Вначале были показаны события, происходящие на земле: в окопах и в деревне. Режиссёрское решение этих сцен было подчёркнуто реалистическим и даже натуралистическим. Главные роли исполняли артисты Малого театра: поп — М.Климов и попадья — В.Пашенная. Актриса совсем другого таланта — острого, гротескного — Юдифь Глизер блистательно играла умирающую непорочную старуху, и этот образ был сквозным для двух частей представления и как бы соединял их. Талантливая музыка Л.Пульвера, сочетающая, с одной стороны, фольклорные мотивы, а с другой — носящая пародийный характер, звучала в интермедиях, в голосах вдов, стариков и инвалидов войны, в куплетах и танцах девушек.

Не все замыслы удалось воплотить на сцене: критика подчёркивала, что му-

зыкальные интермедии звучат тяжело-весно, напоминая оперные выступления.

По сравнению с реалистической первой частью вторая смотрелась особенно гротескно: на сцене возникал то балаган, то карнавальное действие, напоминающее популярные в то время представления синемблужников и агиттеатра. Особенно ощутимо это было в конце спектакля. Со сцены раздавались призывы: «С неба — на землю! К творческой жизни! К социалистическому строительству! К радости и веселью!». Такая концовка была взята из арсенала выразительных средств агитационного театра, в частности синемблужников, которые обычно так и заканчивали свои выступления. В спектакле были заняты замечательные артисты Б.Борисов (Генерал), Б.Тенин (Кашевар). Демьян Бедный отметил: «Сценырая и ада сделаны сознательно в приёмах народной буффонады с предоставлением возможности

постановщику развернуть здесь весь блеск эстрадно-мюзик-холльных возможностей (жонглеры, эквилибристы, эксцентрики, трансформаторы и т.д.). Надо признать, что блеска в этой части не получилось: “номера” — удачные и неудачные — разрывали живую ткань самого спектакля. Удачным, я считаю, разрешением этого дела явилась замена прежних “номеров” инсценировкой пушкинской “Гаврилиады”. <...> Она вросла в ткань пьесы. Ею смысл моей пьесы углублён» [7, с. 8].

Происходившее на сцене напоминало уже основательно забытую к этому времени «Мистерию-буфф» Маяковского в постановке Мейерхольда¹. Поскольку оба режиссёра переносили действие в «Рай» и «Ад», их спектакли сравнивали. Но критики отмечали, что сходство было скорее внешним. Сверхзадачи этих постановок были различными: если «Мистерия-буфф», решённая как балаган, была проникнута оптимистическим и радостным мироощущением, то спектакль Мюзик-холла получился сатирическим и остросоциальным. Картины «земной» нищеты и страданий заострились на фоне «райского» блаженства и богатства. «Пожалуй, никто так, как Демьян, не умел показать подлинно народную трагедию через призму насмешки над барами, генералами, попами. Это был смех, который каждую секунду оборачивался слезами», — справедливо писал О.С. Литовский [11, с. 108].

Критика спектакля «Как четырнадцатая дивизия в рай шла»

Несмотря на зрительский успех и несомненные художественные достоинства,

этот спектакль жил всего лишь несколько сезонов². Рецензии на него — как хвалебные, так и уничижительные — преодолели границы СССР. Одна из них, опубликованная в «Moscow daily news» (№ 182 от 11 декабря 1932 г.), была перепечатана Демьяном Бедным и сохранилась в его архиве. Наиболее значимые места, называющие его «величайшим пролетарским поэтом», он подчеркнул красным карандашом.

«Почти год назад в Московском Мюзик-холле была поставлена пьеса Д. Бедного “Как 14-я дивизия в рай шла” и с тех пор в виду исключительного успеха она не сходит со сцены.

Это совсем не тот род мюзик-холльных обзрений, к которым привык американский и европейский зритель. Хотя это весёлое зрелище также включает в себя балетные и акробатические номера, но оно отличается от западных обзрений тем, что, покидая театр, зритель уносит в своей памяти много ценных впечатлений.

Представление остаётся в памяти благодаря его содержанию. Это — сатира на религию, которая достигает своей цели самым могущественным орудием искусства — смехом.

Без сомнения, эта сатира может быть поставлена наряду с самыми лучшими произведениями этого рода в мировой литературе. Пьеса Д. Бедного имеет что-то общее с “Восстанием ангелов” А. Франса и “Небесным спором” С.И.С. Вуда. Едва ли нужно говорить больше о пьесе, автор которой признан в СССР величайшим пролетарским поэтом нашего времени (подчёркнуто Демьяном Бедным. — М.Ф.).

¹ О непростых взаимоотношениях Демьяна Бедного и В.Э. Мейерхольда см. [10, с. 12–17].

² История сохранила анекдотический эпизод, связанный с этой постановкой. Директор театра Игорь Нежный рассказывал: «Вспоминается в связи с этим один курьёзный разговор с Демьяном Бедным, который однажды позвонил и попросил у меня ни мало, ни много, тридцать мест на “14-ю дивизию”. У каждого директора театра всегда имеется какой-то резерв мест. Но когда я услышал такую цифру, у меня прирос язык к гортани. Однако просил не кто-нибудь, а сам автор пьесы, к тому же мой старый друг. — Тридцать мест — это слишком много, — говорю, — могу вам дать максимум четыре. А остальные — купите. — Игорь Владимирович! Но ведь я же бедный, — взмолился тогда Ефим Алексеевич. — Вы такой же бедный, как я нежный... — ответил я ему шуткой на шутку» [12, с. 243–244].

Своей пьесой Д.Бедный прибавляет к славе поэта славу талантливого драматурга, создавшего пьесу для настоящего массового зрелища, которое достойным образом было поставлено режис. Кавериным» [13].

Редкий случай: на спектакль по пьесе «кремлёвского баснописца» откликнулась русская эмиграция. В парижском «Возрождении» появилась статья «“Народное зрелище” Демьяна Бедного», подписанная Гулливером — общим псевдонимом Нины Берберовой и Владислава Ходасевича:

«“Вольность” сцен в пьесе вообще довольно редкая для советского театра. Дело происходит во время войны, деревенских молодцов угнали на войну и деревенские девушки сходят с ума от тоски по парням. “Интермедия” состоит в том, что девушки пляшут друг с другом, “сближаются, пытаются друг друга страстно прижать и изобразить иллюзию натурального томления”. При этом они поют:

Ах, зачем мне энти груди?

Ах, зачем мне энта статья?

Действие весьма скоро переносится в иной мир. У врат рая стоят два архангела; они одеты в “смесь формы архангельской и полицейской”. Рай изображён в виде рынка, где райские кулаки чувствуют себя вполне хорошо. Святые торгуют овощами и галантерейным товаром. <...> Что до текста, то к середине пьесы в нём начинает звучать кроме кощунственного ещё и политический мотив. Четырнадцатая дивизия, перебитая на войне, идёт целиком в рай, но солдаты взбунтовались и желают выгнать вон из рая и генералов, и самого Бога. Тут же на заднем плане появляется панорама Москвы старой, превращаемая в панораму Москвы социалистической. Солдаты одерживают победу и наводят в раю свои порядки, но для того, чтобы разъяснить публике, что в сущности ни-

какого рая нет и Бога не существует, все актёры под конец пьесы на сцене разгромиваются и объясняют друг другу, что устроили весь спектакль только для того, чтобы позабавиться.

<...>

Ничего подобного по бездарности, глупости и мерзости нам ещё читать не приходилось. Любопытно, поставят ли где-нибудь эту “пьесу” и будет ли она делать сборы? [14, с. 4]».

Упрёки в пошлости и дурновкусии в связи с этой пьесой поэт получал не только из-за границы. Он даже вынужден был обратиться к Сталину с просьбой защитить этот спектакль: «Прошу я немногого: организации в Мюзик-Холле ЗАКРЫТОГО показа моей “Дивизии”, на котором могли бы присутствовать и Вы. Дело идёт вовсе не о пустяке» [15]. Демьян Бедный объясняет вождю, что он имел в виду, создавая эту пьесу: «Народное зрелище есть народное зрелище. Ему присуща некоторая грубоватость — чисто внешняя, ядрённость, сочность» [15].

Сталин пьесу смотреть не пошёл, но была создана представительная правительственная комиссия в составе К.Е. Ворошилова, О.Ю. Шмидта, А.С. Бубнова, А.П. Смирнова и А.С. Енукидзе, которая, посмотрев спектакль, 19 апреля 1932 г. сделала заключение, что «пьеса наполнена острым антирелигиозным содержанием, смотрится легко и с большим интересом, вызывает массу здорового смеха. Ничего предосудительного пьеса не содержит» [16].

Впрочем, вскоре Сталин собственноручно это решение отменил. 7 июня 1932 г. отдыхая на юге, он сообщил Л.М. Кагановичу:

«Удалось, наконец, прочесть пьесу Демьяна Бедного “Как 14 дивизия в рай шла”. По-моему, пьеса вышла неважная, посредственная, грубоватая, отдаёт кабацким духом, изобилует трактирными остроумиями. Если она и имеет воспитательное значение, то скорее всего отрицательное» [17, с. 149].

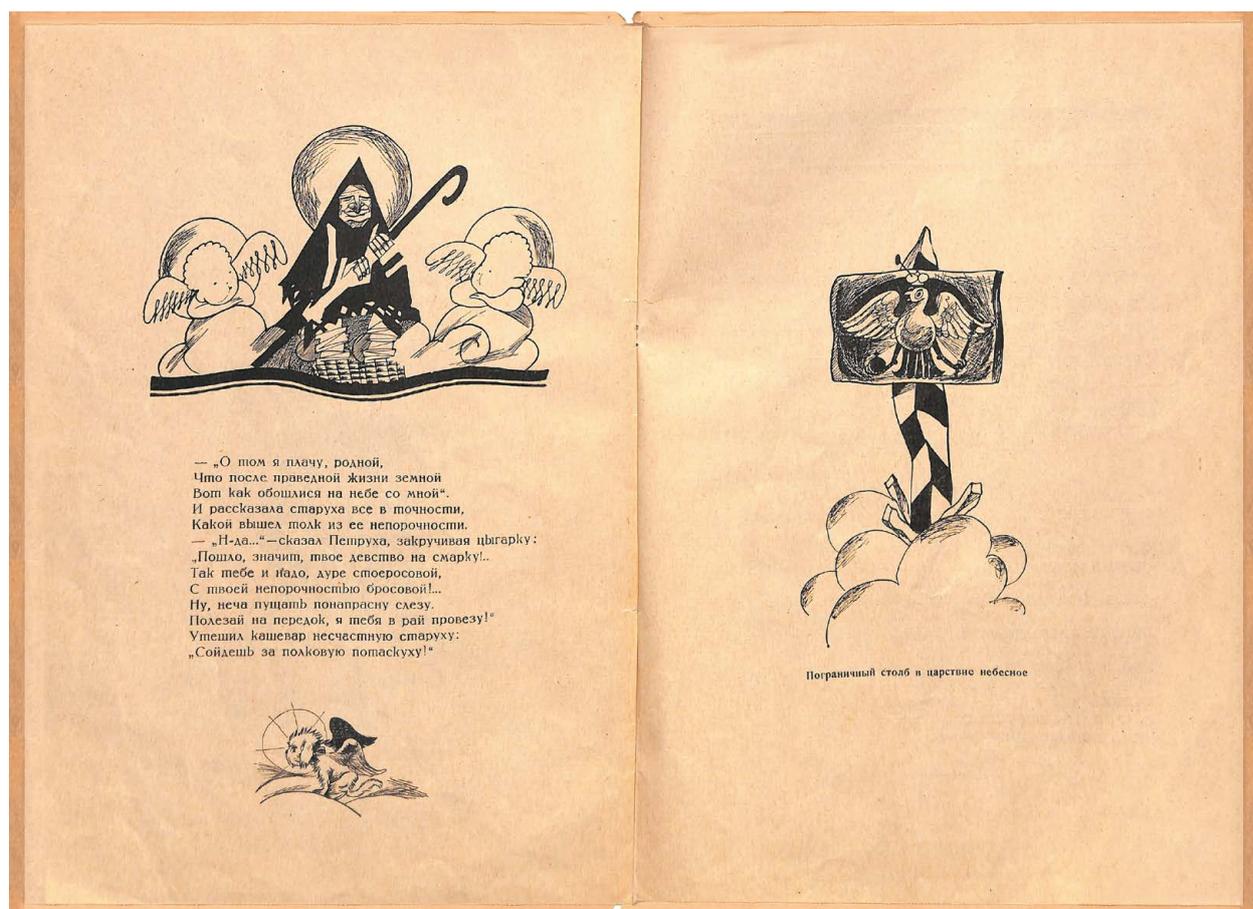

Рис. 5. «Как 14 дивизия в рай шла». Пограничный столб в царстве небесное. Худ. М. Черемных

Закрытие спектакля «Как четырнадцатая дивизия в рай шла» положило начало одной из многочисленных опал, которые довелось пережить Демьяну Бедному в 1930-е гг. Вскоре последовал, пожалуй, самый громкий его конфликт с властя-

ми: в Камерном театре разгромили пьесу поэта «Богатыри». И кульминацией стал июль 1938 г., когда Демьяна Бедного, старого большевика и близкого друга Ленина, исключили из партии. Восстановлен в её рядах он был лишь посмертно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефремин А.В. Демьян Бедный на противощерковном фронте. М.; Л.: Гос. из-во, 1927.
2. Загорский М. Демьян Бедный в театре и на эстраде // Литературная газета. 1936. № 29. 20 мая. С. 3.
3. Макаров А.Н. Демьян Бедный. М.: Художественная литература, 1964.
4. Розенфельд Я. В военно-промышленном комитете // Воспоминания о Демьяне Бедном. М., 1966. С. 87–92.
5. Вишневская И. «Разрешается к представлению...» // Парадокс о драме. М.: Наука, 1993. С. 86–154.
6. Демьян Бедный. Как 14 дивизия в рай шла // Новый мир. 1932. № 2. С. 5–37.
7. Биография «14-ой Дивизии». Беседа с Демьяном Бедным // Театральная декада. 1934. № 1. С. 8–9.

8. Уварова Е.Д. Эстрадный театр: Миниатюры, обозрения, мюзик-холлы (1917–1945). М.: Искусство, 1983.
9. Кремнев О. Поворот. «Как 14 дивизия в рай шла» в Мюзик-холле // Советское искусство. 1932. № 21. 9 мая. С. 3.
10. Фёдоров М.Л. Спектакль «Ревизор» В.Э. Мейерхольда в полемике Демьяна Бедного с представителями русского зарубежья // Международная научная конференция «Грехневские чтения»: литературное произведение в системе контекстов. Нижний Новгород: Книги, 2017. С. 12–17.
11. Литовский О.С. Так и было: Очерки, воспоминания, встречи. М.: Советский писатель, 1958.
12. Нежный И.В. Былое перед глазами. Театральные воспоминания. М.: ВТО, 1963.
13. ОР ИМЛИ РАН. Ф. 42. Инв. номер 1987. Л. 1.
14. Гулливер. «Народное зрелище» Демьяна Бедного // Возрождение. 1932. № 2557. 2 июня. С. 4.
15. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 66.
16. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 404. Л. 19.
17. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М.: РОССПЭН, 2001.

ENGLISH

“How the Fourteenth Division Got to Heaven” by Demyan Bedny: from a Poem to a Play

Maxim Lvovich Fedorov – PhD in Philology, Senior Researcher at Institute of World Literature under the auspices of the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “Demyan Bedny and the Soviet Theatre of the 1920–1930s” (18-012-00445a).

E-mail: maksimfyodorov@yandex.ru

For the first time in the Russian science, the research focuses on the drama of Demyan Bedny. It dwells upon the works of the poet, which were staged. Using the archived materials of the manuscript department of the Institute of World Literature, the author shows the history of the play by Demyan Bedny “How the Fourteenth Division Got to Heaven” and explores one of the core dramatic principles of the poet: a poem is first written, and later staged. The performance of the Moscow Music Hall “How the Fourteenth Division Got to Heaven” (1932), having entered the history of the Soviet theatre as one of its highlights, played a key role in shaping the special phenomenon of performing arts – the theatre of satire and variety entertainment.

Keywords: Demyan Bedny, dramatic art, theater of satire, variety theater, archive, music hall

REFERENCES

1. Efremkin A.V. Dem'yan Bednyy na protivotserkovnom fronte. M.; L.: Gos. iz-vo, 1927 (in Russian).
2. Zagorskiy M. Dem'yan Bednyy v teatre i na estrade // Literaturnaya gazeta. 1936. № 29. 20 maya. S. 3 (in Russian).

3. Makarov A.N. Dem'yan Bednyy. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1964 (in Russian).
4. Rozenfel'd Ya. V voenno-promyshlennom komitete // Vospominaniya o Dem'yane Bednom. M., 1966. S. 87–92 (in Russian).
5. Vishnevskaya I. «Razreshaetsya k predstavleniyu...» // Paradoks o drame. M.: Nauka, 1993. S. 86–154 (in Russian).
6. Dem'yan Bednyy. Kak 14 diviziya v ray shla // Novyy mir. 1932. № 2. S. 5–37 (in Russian).
7. Biografiya «14-oy Divizii». Beseda s Dem'yanom Bednym // Teatral'naya dekada. 1934. № 1. S. 8–9 (in Russian).
8. Uvarova E.D. Estradnyy teatr: Miniatyury, obozreniya, myuzik-kholly (1917–1945). M.: Iskusstvo, 1983 (in Russian).
9. Kremnev O. Povорот. «Kak 14 diviziya v ray shla» v Myuzik-kholle // Sovetskoe iskusstvo. 1932. № 21. 9 maya. C. 3 (in Russian).
10. Fyodorov M.L. Spektakl' «Revizor» V.E. Meyerkhof'da v polemike Dem'yana Bednogo s predstavatelyami russkogo zarubezh'ya // Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Grekhnivskie chteniya»: literaturnoe proizvedenie v sisteme kontekstov. Nizhniy Novgorod: Knigi, 2017. S. 12–17 (in Russian).
11. Litovskiy O.S. Tak i bylo: Ocherki, vospominaniya, vstrechi. M.: Sovetskiy pisatel', 1958 (in Russian).
12. Nezhnyy I.V. Byloe pered glazami. Teatral'nye vospominaniya. M.: VTO, 1963 (in Russian).
13. OR IMLI RAN. F. 42. Inv. nomer 1987. L. 1 (in Russian).
14. Gulliver. «Narodnoe zrelishche» Dem'yana Bednogo // Vozrozhdenie. 1932. № 2557. 2 iyunya. S. 4 (in Russian).
15. RGASPI. F. 558. Op. 11. D. 702. L. 66 (in Russian).
16. RGASPI. F. 74. Op. 1. D. 404. L. 19 (in Russian).
17. Stalin i Kaganovich. Perepiska. 1931–1936. M.: ROSSPEN, 2001 (in Russian).

И.Н. СЛЮНЬКОВА*

Категория времени и концепция идеальной резиденции монарха в архитектуре Большого Ливадийского дворца

В статье представлены результаты новых историко-архитектурных исследований Большого Ливадийского дворца в хронологических границах второй половины XIX – начала XX в. Принадлежавшее российским монархам – от Александра II до Николая II – здание является памятником архитектуры и доминантой дворцово-паркового ансамбля в Крыму. Впервые объектом внимания на равных выступают первоначальное и сменившее его новое здания дворца, исполненные по проектам архитекторов И.А. Монигетти (1866) и М.П. Краснова (1911), проводится графический сравнительный анализ планов. Привлекаются вновь выявленные архивные материалы и графические источники, свидетельствующие о замещении одного дворца другим и позволяющие ставить вопрос о чертах подобия и принципиальных различиях архитектуры старого и нового зданий, обусловленных содержанием заказа и объективным историческим ходом времени. Поднимается тема взаимодействия нового искусства символизма начала XX в. с архитектурными текстами прошлого. Выдвигается гипотеза о поисках в архитектуре художественного эквивалента экзистенциального восприятия времени.

Ключевые слова: архитектура историзма, императорский дворец, романтизм, обращение к античности, восточный экзотизм, Палладио, неоренессанс, экзистенциальное, искусство символизма

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта, посвящённого архитектуре Ливадийского дворцово-паркового ансамбля в Крыму. За основу принят метод изучения ансамбля как совокупности природных и архитектурных объектов наследия в исторических границах землевладения резиденции царской семьи. Рассма-

триваются градостроительная структура, планировка и застройка Ливадии, дворцы и парки, храмы, хозяйственные комплексы, посадки служащих [1–3].

Центральное место занимает Большой императорский дворец (ил. 1), построенный по заказу Николая II. Сооружение относится к памятникам федерального значения, и в настоящее вре-

* **Слюнькова Инесса Николаевна** — доктор архитектуры, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, главный научный сотрудник НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, руководитель и исполнитель проекта «Архитектура Ливадийского дворцово-паркового ансамбля. Неизвестные материалы и новые исследования» (17-04-00129а).
E-mail: vinessa_s@yahoo.com

Ил. 1. Ливадийский дворец. 2015

мя в нём расположен «Историко-культурный дворец-музей Ливадия». Основная заслуга в его изучении принадлежит специалистам Крыма.

Личные архивы автора проекта здания, архитектора Н.П.Краснова, сосредоточены по трём местам хранения и находятся в упомянутом музее Ливадии, Ялтинском историко-литературном музее и Алушкинском дворцово-парковом музее-заповеднике. Предпринятые музеями издания и публикации, а также краеведческие книги и статьи составляют базовую основу источников [4, с. 55–165; 5; 6, с. 107–139]. Значительно меньше сведений о здании дворца предыдущих государей, и предлагаемое исследование отчасти восполняет этот пробел в знаниях.

Рассмотрим ранее не поднимавшиеся вопросы генезиса архитектурных форм и композиции Ливадийского дворца, попытаемся разобраться в содержании императорского заказа. Существенным представляется наметить грани качественных трансформаций обращения к истории и категории времени, выявить характер преемственности архитектуре прошлого

в контексте развития историзма второй половины XIX и искусства символизма начала XX в. Методологические подходы связаны с аналитической реконструкцией ценностных качеств Большого Ливадийского дворца. Используется метод сравнительного анализа проектных чертежей, других изобразительных материалов, многие из которых выявлены и вводятся в науку впервые.

Мысль о единстве места старого и нового дворцовых зданий как постулат была заявлена на закладной доске, помещённой в Итальянском дворике дворца Николая II: «На месте старому большому ливадийскому дворцу сооружён, по повелению, сей новый Большой Императорский дворец, положенный основанием в 23-й день апреля 1910 года и освящённый оконченным в 14-й день сентября 1911 года». Единство места и времени закреплялось сохранением в структуре нового здания дворцовой церкви, построенной на полвека раньше.

Очевидно, следует говорить о некоем имевшем место диалоге нового искусства начала XX в. с архитектурными тек-

стами прошлого. Александр II в 1860 г. купил господский каменный дом с именем в Крыму у наследников графа Л.С.Потоцкого и подарил Ливадию императрице Марии Александровне. По её поручению главный архитектор царскосельских дворцов И.А.Монигетти расширил и приспособил дворец для монаршей семьи.

Летом 1909 г. Николай II не раз бывал за границей – в Великобритании, Швеции, Германии, а осенью, после семилетнего перерыва, царская семья прибыла на отдых в Ливадию. Оттуда, по приглашению короля Виктора Эммануила III, государь направился на переговоры в Италию. Встреча монархов состоялась во дворце Раккониджи, близ Турина. По возвращении в Ливадию царь в течение недели ежедневно по несколько часов беседовал с Н.П.Красновым [7, с. 421–433]. 12 декабря того же года на архитектора официально были возложены обязанности по «сносу и сломке» старого и строительству нового дворца [4, с. 66], как писали газеты, в «итальянском стиле».

Решение было принято в связи с неудовлетворительным техническим и конструктивным состоянием прежнего здания. Изначальным дефектом дома Потоцкого являлось частичное отсутствие фундаментов и соответственно подсос в помещения грунтовых вод. Избавиться от сырости не помогли ни дренажные работы, ни многочисленные ремонты.

Помимо прочего, на тот момент дворец уже не отвечал и требованиям презентации правителя. Рядом с ним в 1901–1902 гг. был построен монументальный, респектабельный и оснащённый новейшими техническими средствами трёхэтажный дом министра двора, проект которого составил архитектор А.А.Бибер. На этом фоне императорский дворец, должно быть, выглядел особенно изношенным, несоразмерно камерным и, как говорили, обветшалым.

Встречается мнение, что якобы за образец будущего Ливадийского дворца был взят Раккониджи [8]. Парадные комна-

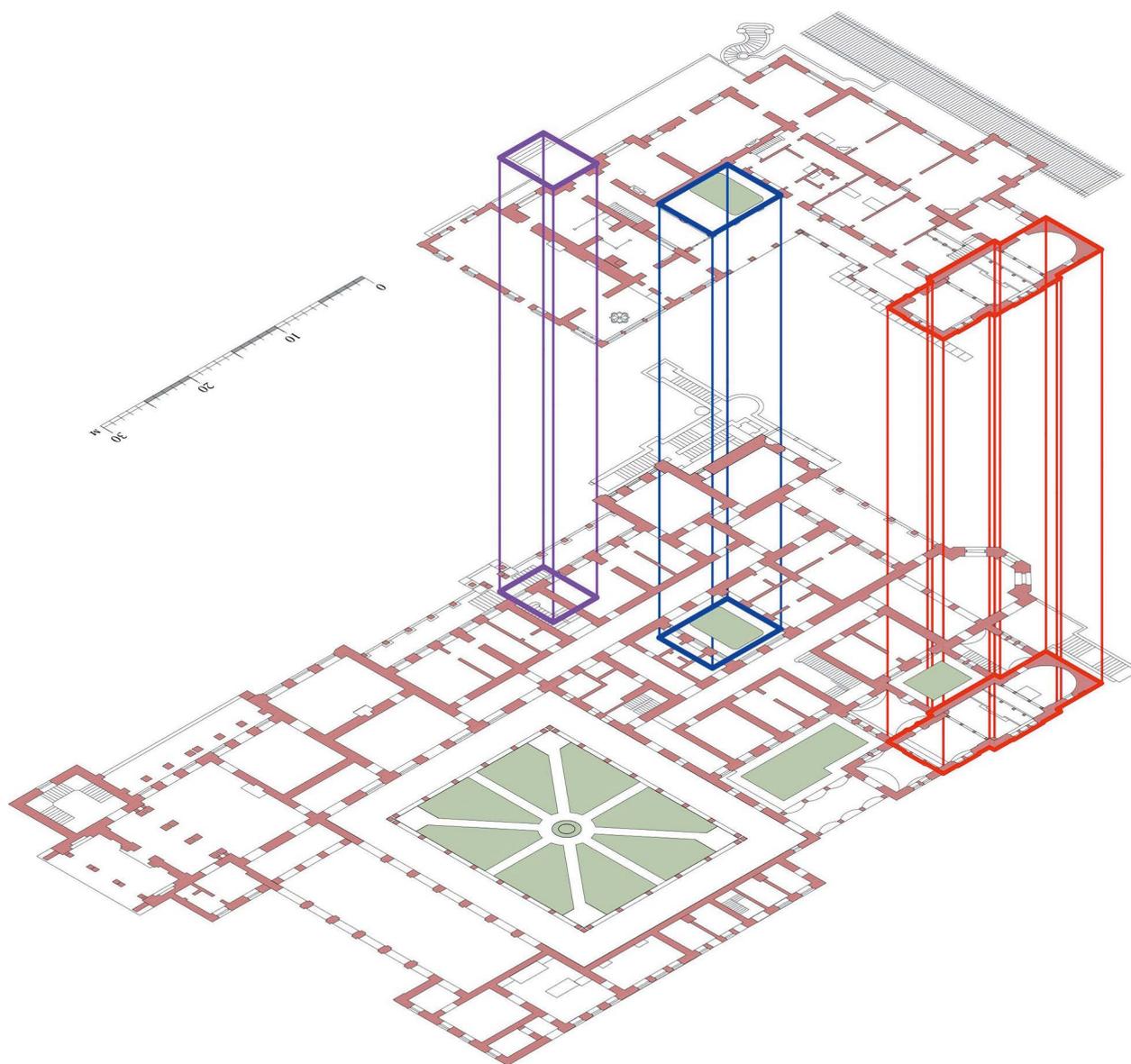
ты обоих дворцов, в духе эпохи историзма, оформлены в разных художественных стилях. Однако королевский дворец, в отличие от Ливадийского, имеет симметричный фасад, и по многим другим параметрам прямое сходство между ними отсутствует. Так что Н.П.Краснов, по-видимому, обращался к другим источникам.

Прежде чем выбрать верное направление поиска источников, следует ответить на вопрос, о котором говорилось вначале. Не являлось ли «фигурой речи» то самое единство места старого и нового Ливадийского дворца, и если нет, то в чём проявлялось такое единство? Проверить тезис о строительстве дворца на прежнем месте можно с помощью проектных чертежей и построения графической таблицы.

Проекты И.А.Монигетти по Большому дворцу в составе планов застройки имени Ливадия хранятся в РГИА, один из них использован в графической таблице [9, л. 1]. В том же архиве удалось отыскать подписные исполнительские чертежи Н.П.Краснова, составленные после завершения строительства дворца. В отличие от промежуточных вариантов и эскизных набросков мастера на них зафиксирован окончательный, реализованный проект. Для таблицы взят план первого этажа здания [10, л. 7].

Графический сравнительный анализ старого и нового дворца возможен путём приведения планов к одному масштабу и наложения их друг на друга, с совмещением контуров плана церкви. Таким образом, получаем достоверный документ соотношения планировки дворца на разных исторических срезах. Выводы по таблице (ил. 2) вкратце можно свести к четырём основным позициям.

Первое: закладка фундаментов восточной части нового дворца осуществлялась в тех же самых линиях траншеи разобранного перед этим здания. Заметим, что для большей прочности целесообразным было бы перенести сооружение на другое место. Подобное решение

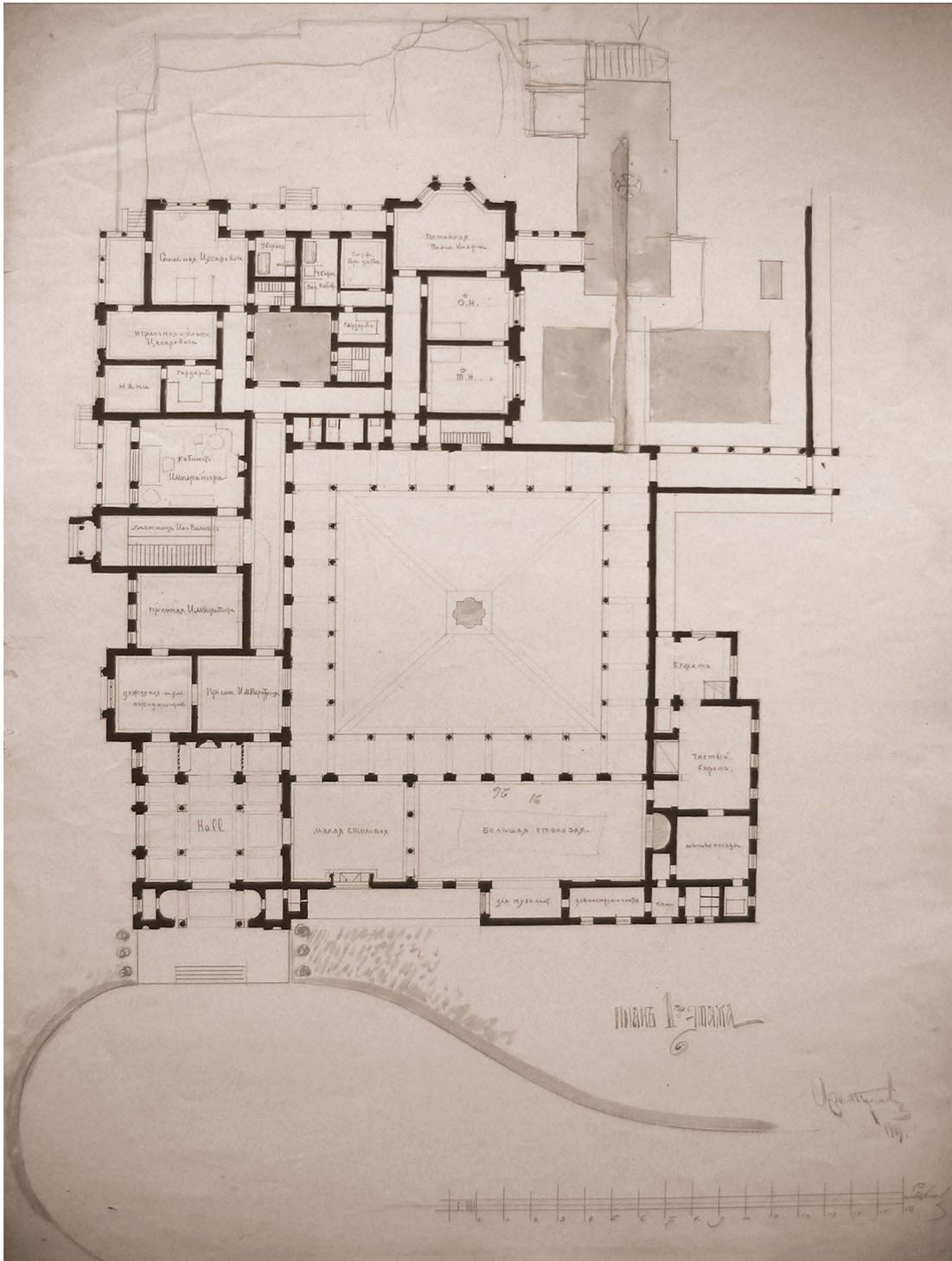
Ил. 2. И.Н. Слюнькова, О.А. Спиридонова. Графическая сравнительная таблица планов старого и нового императорского дворца в Ливадии. 2019. Публикуется впервые

находим на одном из эскизов Н.П. Краснова, где здание отодвигалось подальше от восточного склона, вглубь участка [5, с. 50]. Однако предложение это не получило поддержки, и дворец построили по другому плану (ил. 3).

Новый дворец поставлен не на более благоприятном участке, а частично на том же самом месте. Увеличение размеров и площади здания осуществлялось за счёт наращивания объёмов с западной стороны. Новый дворец значительно шире и длиннее прежнего, но восточная его

половина действительно занимает место старого дворца (ил. 4).

Второе, что следует из таблицы, — это некоторые приметы сходства планировки старого и нового дворцов. Помимо церкви существовали и другие, правда, внешне незаметные и как бы скрытые, завуалированные привязки. На планах зданий находим совпадение месторасположения нескольких важнейших структурных элементов. Совпадает внутренний арабский дворик. На одном и том же месте находится наружная угловая лестни-

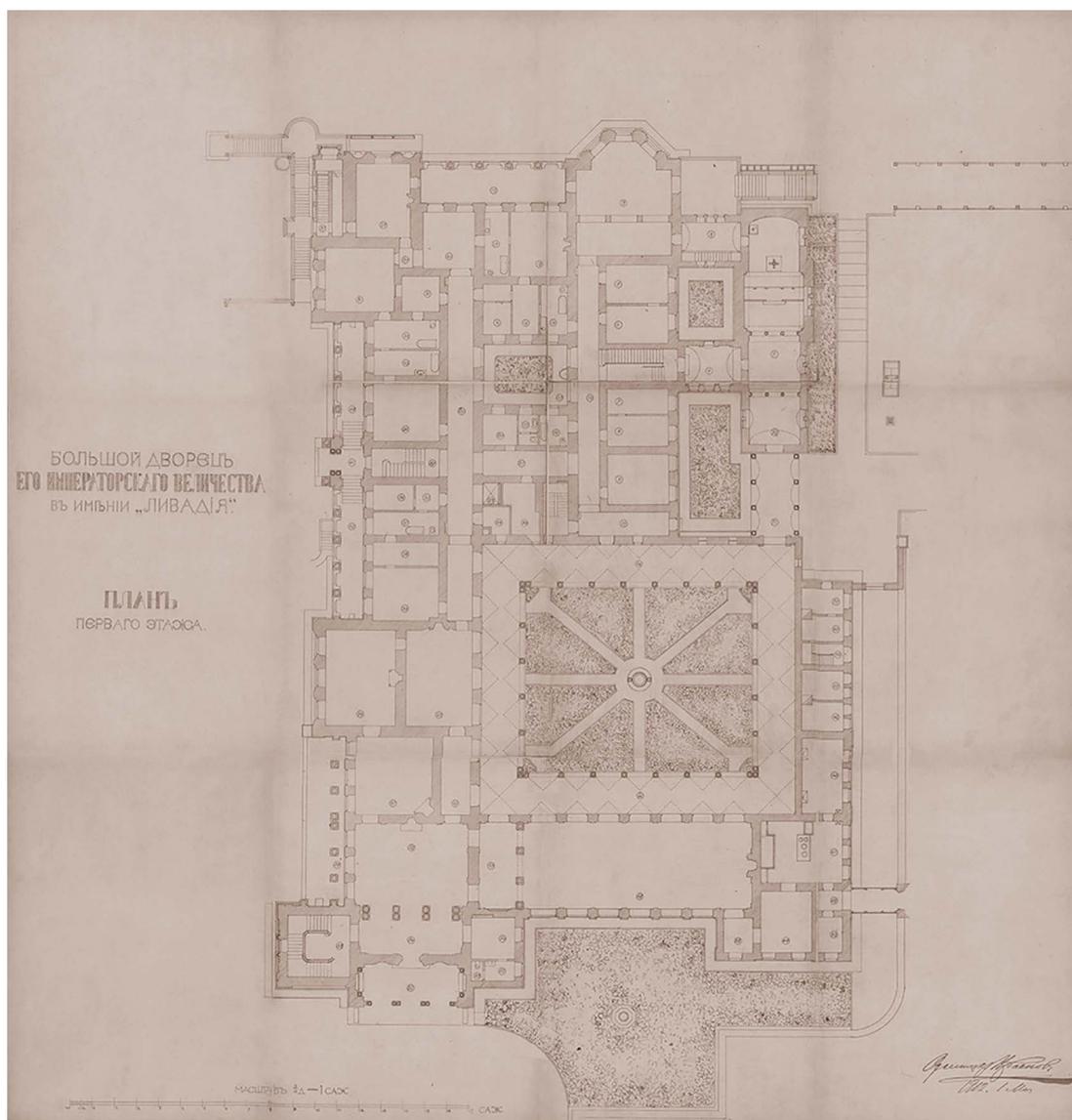
Ил. 3. Н.П. Краснов. Ливадийский дворец. Эскиз плана 1-го этажа. 1910. ЯИЛМ

ца, которая ведёт из дворца непосредственно в сад. Совпадает местоположение северного парадного входа и вестибюля с лестницей.

Третьим признаком привязки нового здания к старому являлось сохранение за восточным корпусом дворца назна-

чения личной жилой половины императорской четы и младших детей. Примерно на том же самом месте расположены и основные помещения: кабинеты и другие покои царской четы.

Четвёртый фактор, указывающий на перекличку с архитектурой старого двор-

Ил. 4. Н.П. Краснов. Ливадийский дворец.
План 1-го этажа. 1912. РГИА. Публикуется впервые

ца, — это залный одноэтажный объём Парадной столовой. Н.П.Краснов изменил фактическое местоположение зала, но в целом повторил его размеры и расположение в общей композиции дворца. В новом здании, по аналогии со старым, самостоятельный корпус Парадной столовой замыкал собою западное крыло дворца.

В итоге можно заключить, что в расположении и даже в габаритах отдельных помещений здания-резиденции Николая II нетрудно было увидеть «перепевы» старого на новый лад. Казалось, что заново, но на более совершенном качествен-

ном исполнительском и художественном уровне целенаправленно воспроизводились некоторые определённым образом отобранные и тщательно выверенные черты, присущие дворцу при прежних российских государях.

Обнаруживается свойство скрытого подобию старому как важная составляющая проекта Н.П.Краснова. Ещё раз подчеркнём, что речь не шла о внешнем сходстве прошлого и будущего дворцов, достаточно было обозначить некую подсказку или намёк на совпадения между примерным расположением старых привычных и вновь построенных помещений, двори-

ка, лестницы, чтобы подсознательно угадывались неявные пересечения времён, видения из прошлого, ощущения детства, юношеские впечатления, предощущения будущего. Признаки внешнего подражания старому на фасадах и в интерьерах отсутствовали. Закладывались внутренние свойства и черты родства, невидимые, а лишь намеченные связи, запрятанные как можно глубже.

Единственное, что служило прямым напоминанием о прошлом, — это украшавшие дворец произведения искусства. На личной половине дома Николая II, в до неузнаваемости переименованном арабском дворе, и в точности на том же самом месте, что и при бабушке царя, Марии Александровне, снова установили мавританский пристенный фонтан «Мария». В новом дворце обрела своё пристанище и ранее стоявшая примерно также рядом с залом Столовой скульптура Пенелопы работы Фридриха Бруггера, автора памятника дюку Ришелье в Одессе [11]. И разумеется, из старого в новый дворец были перенесены картины. Одна из них, «Хождение по водам» И.К. Айвазовского, сегодня находится в Третьяковской галерее [12, с. 158]. Полотно было написано художником по заказу Марии Александровны, и в описях картин уборной комнаты императрицы Ливадийского дворца значилось как «Явление Спасителя на море Св. Апостола Петру» [13, л. 25 об.].

Однако при разборке старого здания многим всё-таки пришлось пожертвовать. Так, например, погибло живописное панно, написанное И.К. Айвазовским на фасаде дома, внутри террасы, возле комнат Марии Александровны. Художник изобразил на нём полуостров Крым [14, с. 42].

Расстановка в проекте Н.П. Краснова скрытых нематериальных, символических и как будто витающих в воздухе связей со старым на самом деле достигалась благодаря вполне рациональному расчёту на повторение местоположения ряда помещений и объектов. Такая идея

появилась, безусловно, не без участия заказчиков. В архитектуре получила отражение своего рода репликация времени, выражение отношения к ушедшему и будущему частному, «личностного Я», что свойственно было мироощущению человека начала XX в.

Слегка наметив признаки родства, для объективности картины необходимо будет развести и показать отдельно специфику художественно-стилистических решений, принципиальные различия архитектуры старого и нового сооружений, обусловленные историческим ходом времени.

Итальянизмы и восточный экзотизм в проекте И.А. Монигетти

Для элитарного аристократического искусства второй половины XIX в. характерным становилось преодоление принципов прямого цитирования исторических образцов, наподобие «каталожного стиля», в пользу их интерпретации, по аналогии с литературой романтизма. Всё это чрезвычайно ярко проявилось в работах И.А. Монигетти по Ливадийскому дворцу. Он становился автором сценария, выстраивая логику сюжета следования пространственных форм архитектуры от дома к саду в жанре путешествий. В итоге сумма впечатлений складывалась в увлекательный рассказ о фантастическом переплетении культур Востока и Запада, о столкновении природных стихий гор и моря, о топике райского сада, археологических древностей и многого другого.

По мере публикации и вхождения в круг чтения изданий с описаниями Крыма, христианского и мусульманского Востока и, конечно, произведений А.С. Пушкина в русском изобразительном искусстве и архитектуре общий для Европы мавританский стиль, олицетворением которого служила Альгамбра, удивительным образом соединялся с поэтикой Крыма и легендами Бахчисарайского дворца. Высочайшим достижением художника было добиться слитного переживания архитектурных образов и форм со словесной

Ил. 6. И.А. Монигетти. Ливадия. Проект декоративной вазы. Около 1863. НИМ РАХ. Публикуется впервые

ность архитектуры личные покои монаршей четы максимально открывались вовне для достижения эффекта слияния здания с природой. Сценарий перехода от дома в сад передаёт эскиз И.А. Монигетти с «помещением покоев императрицы, размещения мебели и декорации» [15]. Вдоль восточного фасада к имевшейся ранее северной террасе архитектор прибавил равнозначный ей по размерам балкон. На углу дома и посередине перехода от балкона к террасе автор установил скульптурную по форме, причудливую «китайскую» витую широкую деревянную лестницу спуска в сад (ил. 5).

Составленное после реконструкции подробное инвентарное описание дворца позволяет разобраться в деталях [16, л. 270–294]. В отделке балкона и террасы сочетались античные и восточные мотивы. Восточные орнаменты применялись

в рисунке карнизов, ажурных ограждений террас, расставленных на них трельяжей. Потолки украшали арабески и розетки в греческом стиле. Полы по центру вымощены неаполитанскими изразцами, а по краям — беломраморной плиткой. Наметила полифония стилей: античные мотивы переплетались с широкой палитрой искусства Востока — от мавританского стиля до китайских мотивов.

Восточный фасад дворца закрывали монументальные каменные и ажурные деревянные и металлические несущие и ограждающие конструкции. Под окнами, наподобие ренессансного сада, устроены другие террасы. На уровне земли, вдоль цоколя дворца возвели галерею с выполненными из гаспрского камня столбами и коринфскими капителями. Параллельно, рядом с нею устроили виноградную перголу на таких же столбах. В результате дворец буквально «тонул» в зелени сада, почти полностью закрывавшего здание со стороны моря. В декорации дворца отображалась экзотика традиционного южного дома, мотивы мусульманского и тихоокеанского Востока переплетались с чертами и формами итальянской виллы, украшенной предметами, подлинными и изготовленными по образцам арабского и античного искусства [17] (ил. 6).

По указанию Марии Александровны размеры и площадь Ливадийского дворца были увеличены за счёт пристроек с южной стороны дома. Заново возводились открытый двор-атриум в восточном стиле (арабский дворик) и система расположенных вокруг него крытых арочных галерей. Они соединяли личную половину дворца с храмом и Парадной столовой, к которой также с юга был пристроен фонтанный зал. В отделке этой части дома использовали те же

Ил. 7. Старый Ливадийский дворец. Фото конца 1860-х гг.

дерево, металл и камень. Посредине стены дворика был вмонтирован упомянутый ранее мраморный фонтан «Мария» «с чашей и бронзовыми приборами, украшенными орнаментами в арабском стиле» [16, л. 274 об.]. По сторонам от него поместили «живописные панно с ковровыми фресковыми орнаментальными росписями в восточном стиле» [16, л. 274 об.]. В декорацию дворика вводилась живая зелень сада. Вдоль стен и галерей поставили деревянные трельяжи, исполненные по рисункам архитектора.

Череду новаций И.А. Монигетти завершало художественно-стилистическое переоформление фасадов императорского дворца в духе неаполитанской виллы. Скаты крыш по контуру здания закрыли каменной балюстрадой с решётками и тумбами, на которых поставили вазоны с искусственными агавами. Особой отделкой

выделялась балюстрада одноэтажного корпуса Парадной столовой. Над нею на тумбах установили терракотовые аллегорические скульптуры времён года, чуть более метра высотой, изготовленные на заказ в Италии [18, л. 77, 95]. Фасады дворца выкрасили в красно-терракотовый цвет, что только увеличило сходство с приморской виллой (ил. 7).

Идеальное и иррациональное в проекте Н.П. Краснова

Концепция строительства нового дворца в Ливадии была направлена на создание идеальной резиденции монарха. Известно, что Николай II запрашивал чертежи дворца в Ореанде, которые были составлены почти столетие назад трудами архитекторов К.Ф. Шинкеля и А.И. Штакеншнейдера. По поручению Николая I в них ставилась по сути дела та же самая задача создания

Ил. 8. Большой Ливадийский дворец. Западный фасад. Фото И.Н. Слюньковой. 2018

идеальной императорской резиденции в Крыму. Вне всякого сомнения, проект Н.П.Краснова вторил Ореанде обращением к универсуму античности, а вместе с тем за образец была взята ренессансная вилла.

Рассмотрим лишь некоторые особенности проекта Н.П.Краснова. Его чертежи и эскизы указывают на прямую связь с хрестоматийным для зодчих трудом Андреа Палладио «Четыре книги об архитектуре». В связи с проектом Ливадийского дворца особого внимания заслуживает Вторая книга великого теоретика Ренессанса, где говорится об античном доме, разных видах атриума, представлены проекты городских палаццо само Палладио.

Наибольшее сходство Ливадийского дворца с античным домом и ренессансной villой проявляется в общей структу-

ре и форме плана. Стержнем композиции выступают следующие друг за другом четыре главных по значению помещения и открытые пространства: лоджия входа, атриум, таблинум и перистиль. Парадный вход в Ливадийский дворец открывает лоджия с портиком в виде трёхпролётной изящной аркады, поддерживаемой тонкими парными коринфскими колоннами. Симметрия портика лоджии только подчёркивает асимметрию западного фасада дворца в целом, на котором слева ко входу примыкает вертикальный объём угловой башни, а справа – горизонтальный вытянутый объём Парадной столовой.

За лоджией парадного входа во дворец следует «внутренняя лоджия» вестибюля, которая налево, через застеклённую арочную дверь открывается в помещение башни, а направо – в гардеробную.

Фронтально, посредством двух рядов коринфской колоннады, пространство вестибюля обращено в просторный парадный зал наподобие крытого атриума. Согласно учению Палладио, в Ливадийском дворце он построен в пропорциях, когда длина равна диагонали квадрата его ширины.

Прямо от зала-атриума начинаются две параллельные анфилады официальных парадных приёмных комнат монарха, оформленных в разных исторических стилях. Направо атриум открывается в продольное помещение, напоминающее античный таблинум, который, как принято в теории, по ширине составляет половину ширины атриума. За таблинумом, где в античном доме размещались портреты предков, а в Ливадии поставлена скульптура Пенелопы из фонтанного зала прежнего дворца, открывается сводчатая зальная базилика Парадной столовой.

Южная анфилада парадных приёмных комнат и Парадная столовая, оси которых расположены под прямым углом друг к другу, окнами и дверными проёмами открываются в Итальянский дворик. Достигался эффект, о котором писал Палладио: «по бокам атриума можно было бы устроить небольшие залы с видом на сад» (Кн. 2, гл. III).

Итальянский дворик с садом, длиной на 1/6 больше ширины, идентичен перистиллю античного дома и ренессансного палаццо. Архитектурное построение дворика даже в большей степени, чем в предыдущих случаях, следует теории идеальных пропорций, изложенной Палладио. Высота тосканского портика аркады Итальянского дворика равна междустолпьям колонн, а над портиком, на уровне второго этажа поставлена балюстрада, за которой прячется терраса кругового обхода, позволявшая любоваться внутренним садом сверху.

Заключительным рекреационным пространством в украшении дворца становился открытый арабский дворик, слу-

живший, как говорилось ранее, репликой предшествовавшего дворцового здания. Помещая дворик на его историческом месте, архитектор существенно усовершенствовал его и, в том числе, привёл пропорции плана к длине, равной диагонали квадрата ширины. Арабский дворик, в отличие от новых парадных неоренессансных пространств, не был рассчитан на открытый доступ посетителей, а предназначался для частного пользования царской семьи.

Оборотной стороной идеального в проекте Н.П.Краснова служило иррациональное, т.е. многие недопустимые для классики архитектуры противоречия в отношении логики построения, расположения, соотношения, сопряжения структурных элементов дворца.

Взятый за основу порядок следования друг за другом центральных залов античного дома Н.П.Краснов проводил в жизнь по-своему. И цепь начинавшихся от парадного входа пространств лоджии, атриума, таблинума и перистилля он ориентировал не вдоль, а поперёк продольной оси дворца. Центральная ось парадного входа на месте атриума ломается и поворачивает под прямым углом направо. Планировка Ливадийского дворца асимметрична и далека от идеальной правильности построений, но каждый из составляющих его элементов по отдельности внутри себя стремится к идеалу.

Дворец построен на одном дыхании и по проекту одного автора, но, по сути, делится внутри себя на множество частей, соединение которых не всегда логически обосновано и упорядочено, как это следовало бы согласно теории архитектуры. На разрезе дворца прекрасно видно, как не совпадают по горизонтали междуэтажные перекрытия западной и восточной половин здания. По центру дворца поставлены три вертикали лифта и лестничных колодцев, занимающие непропорционально большую долю от общего объёма здания. Парадных лестниц две, и толь-

ко одна из них служит средством объединения парадной и личной половин дворца на уровне галереи над Итальянским двориком. Внутреннее устройство дворца воспроизводит мнимое слияние пристроенных вплотную и во многом не похожих друг на друга зданий, каждое из которых существует в своей системе художественных и пространственных координат.

Главным фасадом дворца является западный фронт парадного входа, но пальму первенства оспорить вправе и обращённая в сторону парка протяжённая северная стена, где на месте прежнего парадного крыльца теперь находился относительно скромно оформленный «собственный Их Императорских Величеств подъезд». Архитектор и на этот раз отказался от классически правильного, симметричного и целостного построения фасада, подчинив его разбивку многочастной структуре плана дворца. Асимметрия плана не скрыта, а напротив, дополнительно подчёркнута игрой выступающих и западающих стен и объёмов фасадной плоскости. Приём членения фасадов дворца на разные по высоте и ширине объёмы задаёт архитектурный образ, который намеренно дистанцируется от классических ренессансных образцов Палладио. Архитектор добивается близких к спонтанному ритму комбинаций пластики фасада, живописного и неповторимого силуэта здания.

Структурные членения плана по каждому из элементов вынесены на фасады дворца, скрывая за собой суть целого, концептуальную роль прототипа древнеримской виллы. Каждый из пространственных элементов фасадов, взятый по отдельности, внешне представляет собой идеально скомпонованный самостоятельный

ренессансный палаццо с характерным рисунком окон, порталов, аркад, лоджий, террас, балконов. Каждый по отдельности спроектирован по правилам симметричной композиции и убедительно претендует на право существования независимо от целого.

Сочленённая композиция фасадов Ливадийского дворца создаёт иллюзию множества пристроенных один к другому, безупречных по художественной отделке и идеальных по красоте неоренессансных палаццо, за каждым из них как будто прячется по-своему устроенная жизнь. Иллюзия города дворцов сбивает восприятие реальности, искажает оптику физических масс, и дворец в действительности кажется больше, чем он есть на самом деле. Иррациональное начало в архитектуре, в ущерб классически ясным решениям, неосознанно становилось проявлением имманентного, ценностного переживания времени и пространства.

Проект Н.П.Краснова, с позиции реализации необычного царского заказа, заключал в себе запрос на экзистенциальное. Стояла сверхзадача привнести в рациональную и логически выстроенную систему идеального образца античного дома и ренессансной виллы некие поднимавшиеся откуда-то из глубин памяти интуитивные узнавания. Их следовало высвободить от зависимости материальной телесности старого дворца, замещаемого новым дворцом. Подобно художникам-символистам, архитектор наполняет Большой дворец идеализированными образами прошлого, с которыми связывалось будущее в нём семьи, сохраняя между старым и новым только тени кажущихся случайными символических связей и совпадений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Слюнькова И.Н. Градостроительный замысел Ливадийского дворцово-паркового ансамбля // Academia. Архитектура и строительство. 2018. № 1. С. 36–43.

2. Слюнькова И.Н. Дворец Цесаревича в Ливадии по проекту И.А. Монигетти и «таврический романтизм» // Материалы XXIV Царскосельской научной конференции. Дворцы, особняки, усадьбы. Музейный аспект. Царское Село, 2018. С. 577–590.
3. Слюнькова И.Н. Эриклик в Ливадии (поселок Горный Крымского горнолесного заповедника) // Academia. Архитектура и строительство. 2019. № 1. С. 18–25.
4. Царское имение «Ливадия» в акварелях и фотодокументах: Альбом / Л.А.Тихонова, Л.И.Прокопова. 3-е изд., перераб. СПб.: Торговый дом «Медный всадник», 2017.
5. Архитектор Н. Краснов: известный и неизвестный. Акварели и фотографии. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. О.П.Ткачук, Л.М.Иванова, З.Г.Левицкая, Л.В.Петренко, Т.М.Коноплянко. Симферополь: Нижняя Орианда, 2016.
6. Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М. Архитектор Высочайшего Двора. Симферополь: Бизнес-Информ, 2003.
7. Дневники императора Николая II (1894–1918) / Отв. ред. С.В.Мироненко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
8. <http://krumkrumkrum.ru/belyy-dvoretz-v-livadii>. Белый дворец в Ливадии. Опубликовано: октябрь 2017.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 485. Оп. 1. Д. 309. 1866 г. Л. 1.
10. РГИА. Ф. 575. Оп. 87. Д. 1646. 1912 г. Л. 7.
11. Ялтинский листок. Ялта, 1909. 1 октября. С. 3.
12. Хачатрян Ш Братья Айвазовские // Третьяковская галерея. № 4 (53). 2016. С. 148–175.
13. РГИА. Ф. 515. Оп. 30. Д. 247. 1881 г. Л. 25 об.
14. Буянова Н. Великий маринист и царская семья // Третьяковская галерея. 2016. № 4 (53). С. 35–52.
15. Научно-исследовательский музей при Российской академии художеств (НИМ РАХ). А-6986. Проект перестройки дворца императрицы в Ливадии. Б.д.
16. РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 49. 1864–1866 гг. Л. 270–294.
17. НИМ РАХ. А-20935. Проект декоративной вазы. Б.д.
18. РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1102. 1878 г. Л. 77, 95.

ENGLISH

Category of Time and the Concept of Ideal Residence of the Monarch in the Architecture of the Great Livadia Palace

Inessa Nikolaevna Slyunkova – DSc in Architecture, Corresponding Member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Leading Researcher at the Research Institute of the Theory and History of Fine Arts under the auspices of the Russian Academy of Arts, supervisor and performer of the project “Architecture of the Livadia Palace and Park Ensemble. Unknown Materials and New Research” (17-04-00129a).

E-mail: inessa_s@yahoo.com

The paper describes the findings of some new historical and architectural surveys of the great Livadia Palace in H2 of the 19th – early 20th centuries. Belonging to the Russian monarchs – from Alexander II to Nicholas II – the building is a monument of architecture and the landmark of the palace and park ensemble in the Crimea. For the first time, the equal focus was given to the original and the new palace that replaced it and was built according to the designs of architects I.A. Monighetti (1866) and M.P. Krasnov (1911), a graphical comparative analysis of layouts was carried out. The author has used the newly discovered archival materials and

graphic sources, which indicate the replacement of one palace by another and allow raising the question of similarity lines and fundamental differences between the architecture of the old and the new buildings, due to the content of the order and the unbiased historical course of time. The author dwells upon the interaction of the new art of symbolism in the early 20th century with the architectural texts of the past. She hypothesizes about the search for the artistic equivalent of existential perception of time in the architecture.

Keywords: architectural history, the Imperial Palace, romanticism, antiquity reference, oriental exotism, Palladio, Neo-Renaissance, existential, symbolic art

REFERENCES

1. Slyun'kova I.N. Gradostroitel'nyy zamysel Livadiyskogo dvortsovo-parkovogo ansamblya // Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo. 2018. № 1. S. 36–43 (in Russian).
2. Slyun'kova I.N. Dvorets Tsesarevicha v Livadii po proektu I.A. Monigetti i «tavricheskiy romantizm» // Materialy XXIV Tsarskosel'skoy nauchnoy konferentsii. Dvortsy, osobnyaki, usad'by. Muzeyny aspekt. Tsarskoe Selo, 2018. S. 577–590 (in Russian).
3. Slyun'kova I.N. Eriklik v Livadii (poselok Gornyy Krymskogo gornolesnogo zapovednika) // Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo. 2019. № 1. S. 18–25.
4. Tsarskoe imenie «Livadiya» v akvarelyakh i fotodokumentakh: Al'bom / L.A. Tikhonova, L.I. Prokopova. 3-e izd., pererab. SPb.: Torgovyy dom «Mednyy vsadnik», 2017 (in Russian).
5. Arkhitektor N. Krasnov: izvestnyy i neizvestnyy. Akvareli i fotografii. 2-e izd., pererab. i dop. / Sost. O.P. Tkachuk, L.M. Ivanova, Z.G. Levitskaya, L.V. Petrenko, T.M. Konoplyanko. Simferopol': Nizhnyaya Orianda, 2016 (in Russian).
6. Kalinin N., Kadievich A., Zemlyanichenko M. Arkhitektor Vysochayshego Dvora. Simferopol': Biznes-Inform, 2003 (in Russian).
7. Dnevniky imperatora Nikolaya II (1894–1918) / Otv. red. S.V. Mironenko. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2011 (in Russian).
8. <http://krymkrymkrym.ru/belyy-dvorets-v-livadii>. Belyy dvorets v Livadii. Opublikovano: oktyabr' 2017. (in Russian).
9. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA). F. 485. Op. 1. D. 309. 1866 g. L. 1 (in Russian).
10. RGIA. F. 575. Op. 87. D. 1646. 1912 g. L. 7 (in Russian).
11. Yaltinskiy listok. Yalta, 1909. 1 oktyabrya. S. 3 (in Russian).
12. Khachatryan Sh. Brat'ya Ayvazovskie // Tret'yakovskaya galereya. № 4 (53). 2016. S. 148–175 (in Russian).
13. RGIA. F. 515. Op. 30. D. 247. 1881 g. L. 25 ob. (in Russian).
14. Buyanova N. Velikiy marinist i tsarskaya sem'ya // Tret'yakovskaya galereya. 2016. № 4 (53). S. 35–52 (in Russian).
15. Nauchno-issledovatel'skiy muzey pri Rossiyskoy akademii khudozhestv (NIM RAKH). A-6986. Proekt perestroyki dvortsa imperatritsy v Livadii. B.d. (in Russian).
16. RGIA. F. 515. Op. 29. D. 49. 1864–1866 gg. L. 270–294 (in Russian).
17. NIM RAKH. A-20935. Proekt dekorativnoy vazy. B.d. (in Russian).
18. RGIA. F. 515. Op. 29. D. 1102. 1878 g. L. 77, 95 (in Russian).

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

УДК 159.92
ГРНТИ 15.31.31

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-095-02-137-146

**С.К. НАРТОВА-БОЧАВЕР,
О.В. СИЛИНА***

Генезис психологической суверенности: фактор порядка рождения

Способность защищать границы своего эмпирического Я — диспозициональная суверенность — это черта личности, обладающая большим адаптивным значением. Она развивается посредством обобщения повседневных действий, направленных на защиту границ в дискретных ситуациях взаимодействия с другими людьми, в первую очередь — с близкими. В настоящей статье исследуется роль статуса сиблинга (порядка рождения) в развитии этой черты. Проведены два эмпирических исследования. В первом из них, осуществлённом с участием детей от двух до десяти лет, показано, что наиболее зрелыми способы защит являются у единственных детей, наименее зрелыми — у первых, а вторые дети в семье демонстрируют промежуточный уровень развития навыков защиты границ. Во втором исследовании, проведённом на юношеской выборке, показано, что связь суверенности с порядком рождения модерируется полом: суверенность максимальна у младших девушек и старших юношей.

Ключевые слова: границы Я, диспозициональная суверенность, статус сиблинга, пол, дети, юношество

Психологическая суверенность — это способность человека защитить границы своего эмпирического «Я», баланс между своими потребностями и потребностями других людей [1–3]. Будучи адаптивной чертой, суверенность не только защищает своего обладателя, но также позволяет принимать

* **Нартова-Бочавер Софья Кимовна** — доктор психологических наук, профессор департамента психологии НИУ ВШЭ, руководитель проекта «Психологические границы личности: культурно-возрастные аспекты» (16-06-00239а).

E-mail: s-nartova@yandex.ru

Силина Ольга Владимировна — магистр психологии, психолог психологического центра «Сказка детства», исполнитель того же проекта.

E-mail: omela333@yandex.ru

во внимание других людей и устанавливать с ними равноправное взаимодействие. По статусу в структуре личности суверенность представляет собой черту второго уровня, или так называемую характерную адаптацию. В соответствии с концепцией Большой Пятёрки, по ходу жизни люди реагируют на своё окружение, развивая в себе паттерны мыслей, чувств и действий, согласующиеся с их чертами и прежним опытом [9, 10]. Эти паттерны становятся устойчивыми чертами, опосредуя взаимодействие человека с его физической и социальной средой и регулируя его поведение. На протяжении всего детства ребёнок экспериментирует с приёмами и способами защиты своего эмпирического «Я» [3, 5], отбирая из них наиболее эффективные, которые затем и закрепляются в качестве черты личности.

Очевидно, что границы Я, по определению будучи межличностным феноменом, развиваются и могут быть изучены только во взаимодействии субъекта с другими, причём особо значимым фактором оказывается семейная система. Границы начинают формироваться в проксимальных отношениях, между собой и «своими», в микро- и мезосистемах [6, 8]. В дальнейшем, дифференцируясь и сепарируясь от ближайшего окружения в повседневной жизни, человек обретает автономию, растёт как субъект.

Отметим, что если суверенность как итог очередного шага сепарации от родителей уже изучалась раньше, то роль братьев и сестёр в этом процессе не исследовалась вообще. Между тем адаптация ребёнка во многом определяется именно его относительным положением в семье, статусом единственного, старшего или младшего ребёнка. Опыты детства рядом с сестрой или братом могут служить ключом к пониманию особенностей уровня и профиля психологической суверенности [4].

К настоящему времени фактор порядка рождения (birth order, «статус сиблин-

га») рассматривается как определяющий по отношению к разным параметрам появления способностей, качеств личности и жизнестойкости в целом. Согласно теории Саллоуэя, индивидуальные различия в зависимости от статуса сиблинга связаны с тем, что родители вкладывают больше эмоциональных и материальных ресурсов в воспитание первых детей, бессознательно рассчитывая на то, что именно от них будут получать в старости поддержку [14, 16]. Кроме того, в начале своего родительства они, как правило, не знают о том, сколько ещё детей у них будет. В то же время другие данные предоставляют противоречивую картину влияния порядка рождения на жизнестойкость и адаптированность детей. Так, в Швеции обнаружено, что среди старших детей в семье отмечается меньшая смертность и как следствие – большая продолжительность жизни по сравнению с позже родившимися, среди которых особенно уязвимы девочки [12]. Однако аналогичное исследование в Калифорнии подобной зависимости не показало [13].

Исследования связи статуса сиблинга с особенностями взаимодействия показали, что позже родившиеся дети более свободны и счастливы в романтических отношениях [11], что в семьях из двух детей старшие менее склонны к взаимодействию; родившиеся спустя большой промежуток времени после предыдущего ребёнка меньше боятся отвержения со стороны других людей; те, кто подчиняется другим членам семьи, обычно более тревожны, что чаще наблюдается у младших детей [7]. И совсем особую нишу в семье занимают «затерявшиеся» посерединке: средние дети меньше чувствуют узы родства, не так близки к матери, как старшие и младшие, и никак не выделяют родителей как потенциальных помощников в разных трудных ситуациях [15].

Как бы то ни было, можно ожидать, что наличие/отсутствие братьев и сестёр очевидно повышает межличностную компетентность и социальный (меж-

личностный) интеллект детей, отражаясь, среди прочего, в репертуаре техник выстраивания и защиты границ эмпирического Я. Цель нашего исследования состояла в изучении связи между психологической суверенностью, количеством сиблингов в семье и порядком рождения. Поскольку теоретические данные о влиянии статуса сиблинга на адаптацию человека противоречивы, а исследований суверенности в таком контексте вообще не проводилось, данное исследование имело эксплораторный характер. Гипотезами нашего исследования стали предположения о том, что способы защиты границ Я и психологическая суверенность а) связаны с порядком рождения, б) эта связь модерируется полом респондентов. Исследование включало две серии.

Первая серия

Первая серия была посвящена исследованию динамики психологических границ на протяжении детства. Исследование проводилось в 2018 г. на базе центра развития «Сказка Детства» (Ярославская область, г. Переславль-Залесский); в нём приняли участие 108 детей (54 мальчика и 54 девочки в возрасте от 2 до 10 лет, 35 из них – единственные дети, 33 – первые, 40 – вторые), среди которых были выделены три группы в зависимости от порядка рождения (единственные дети, первые и вторые дети в семьях). Выборка включала детей, чьи родители, педагоги, воспитатели характеризовали как благополучных и успешных. Основной единицей анализа была транзакция между детьми; в общей сложности было собрано порядка 4000 транзакций.

Мы выделили следующие критерии исследования способов защиты границ Я: время, необходимое для защиты границ Я, конкретные способы защиты границ Я (вербальные, когнитивные, помощь взрослого, личностные, социально одобряемые, конструктивные), результаты защиты границ Я (удержание или закрытие), наблюдаемые характеристики

границ Я во время их защиты (аутентичность, гибкость, проницаемость), понимание существования границ Я (принадлежность территории) (понимание существования своих и чужих границ, способов нарушения чужих границ и защиты собственных).

Методы

Детям было предложено построить дом, внутри которого в дальнейшем разыгрывались различные жизненные ситуации, содержащие элементы внедрения в личное пространство детей (знакомые и незнакомые люди нарушают их привычный порядок жизни, критикуют их рисунки и пр.) [3]. С помощью метода включённого наблюдения эксперты оценивали количество транзакций, соответствующих каждому выделенному признаку. Защита границ Я наблюдалась в ситуации конфликта, противостояния, несогласия с действиями оппонента, т.е. в те моменты, когда требовалось сохранить психологическое, физическое и материальное благополучие (в нашем случае – целостность дома, его интерьера, порядка в нём и пр.). Анализировались ситуации, когда детям удавалось отстоять свой дом, позицию, мнение за счёт имеющихся психологических ресурсов (помощь друзей или взрослых, использование убеждений или эмоционального воздействия на противника и пр.) при условии сохранения конструктивности взаимодействия с оппонентом.

Несмотря на возрастную специфику состояния границ Я, в каждой возрастной группе, хотя и в разной пропорции, были представлены разные транзакции, что и дало возможность сравнивать результаты детей разного возраста. Исследование проводилось в малых группах детей (6–8 человек одного возраста) в вечернее время с 17-00 до 19-00 по три раза с каждым ребёнком; для всех групп процедура проведения оставалась неизменной. К работе были привлечены 7 наблюдателей-экспертов (психологов, логопедов,

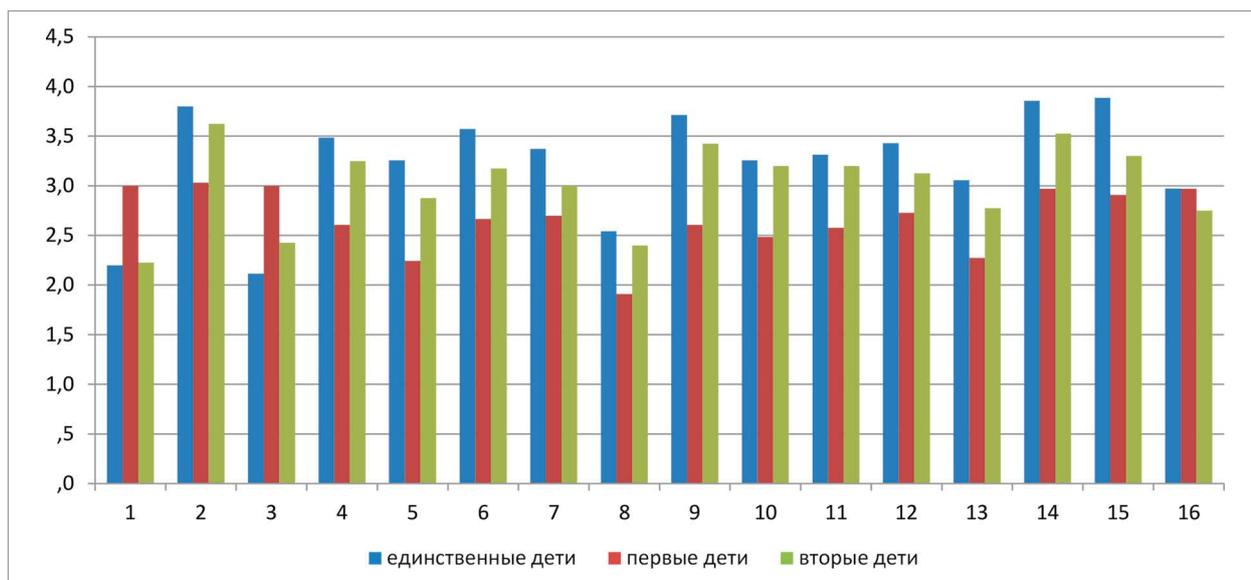

Рис. 1. Характеристики границ эмпирического Я в зависимости от статуса сиблинга (расшифровку переменных см. в табл.)

педагогов), которые предварительно участвовали в создании единых критериев наблюдения.

Статистическая обработка проводилась с помощью программы SPSS.17. Для проверки гипотез мы использовали сравнение средних в каждой группе детей (единственные, первые и вторые дети), что показало следующие результаты (рис. 1).

Для проверки статистической значимости различий между группами применялся Н-критерий Крускала-Уоллиса (табл.).

Обратимся к обсуждению результатов. Как мы видим (см. рис. 1), единственные дети демонстрируют наиболее высокие показатели почти по всем изученным переменным, а первые дети – наиболее низкие. Наиболее часто используемые способы защиты границ Я среди единственных детей следующие: когнитивные, личностные, конструктивные, одобряемые. Это проявляется в стремлении эффективно и самостоятельно «встроиться» в социальную жизнь, ориентируясь на правила, нормы поведения и личную позицию («Я знаю, как я хочу построить свой дом, но ещё хочу, чтобы все наши дома стояли красиво рядом, давайте я буду всем помогать», мальчик С., 8 лет). Защита границ Я актуализируется после нарушения,

что можно объяснить спецификой нашей выборки (психологически благополучные дети) («Зачем я буду ждать чего-то плохого, если его пока ещё нет? Если мне ещё никто ничего не разрушил, зачем я буду от них прятаться?», девочка А., 8 лет).

Рассматривая феномен границ Я как неотъемлемую часть субъективной жизни человека, интересно отметить, что дети из всех групп признают наличие чувствительных границ и способы их нарушения («Я же просто стою рядом, что ты кричишь!», мальчик К., 6 лет), а также способы защиты собственных границ («Если ты не уйдешь, я буду кричать, потом ударю тебя, а если ты и потом не уйдешь, то я позову папу!», мальчик С., 6 лет). При этом нужно подчеркнуть, что понимание существования границ выше у единственных детей, которые традиционно считаются более эгоистичными по сравнению с детьми, имеющими сиблингов.

Кроме этого, необходимо упомянуть, что единственные дети эффективнее удерживают (в нашем случае сохраняют первоначальное положение дома и порядка в нём при условии продолжения взаимодействия с оппонентом) и закрывают границы (прекращают общение с другим человеком), чем дети, имеющие сиблингов.

Вероятно, единственные дети в семье обладают бóльшим правом экспериментирования в социальном пространстве. Первые и вторые дети вынуждены постоянно учитывать точку зрения другого человека и делить ресурсы, выстраивая взаимодействие. Аутентичность и гибкость поведения увереннее демонстрируют единственные и вторые дети, первенцы же чаще меняют свои позиции и убеждения.

Как мы уже упоминали выше, как единственные, так и вторые дети имеют схожие тенденции защиты границ Я. Первенцы, обладая практически тем же спектром защиты психологических границ, проявляют меньшую активность в сложных ситуациях. Отметим уникальность стратегии защиты границ первыми детьми: они охотнее используют помощь взрослого (что может проявляться как стремление «ябедничать» и открытая просьба о помощи). Вторые дети и единственные используют этот приём реже. Кроме этого, первенцы предпочитают использовать вербальные средства воздействия,

что проявляется в стремлении комментировать действия оппонента, уговаривать, бесконечно повторять просьбы, рассказывать истории («Послушай, А., я тебе отдам все-все твои вещи, только уже замолчи!», мальчик С., 10 лет). Вторые и единственные дети реже обращаются к этому способу защиты границ Я.

Итак, проведённое исследование показывает, что статус сиблинга обеспечивает специфику защиты границ Я. Максимально эффективные и адаптивные границы отмечаются у единственных и вторых детей в семье. Они обладают большей степенью свободы в социальном пространстве, смелее и увереннее проявляя и противопоставляя себя окружающей среде. Первенцы, обладая тем же набором способов защиты границ Я, чаще ориентируются на мнение взрослого, «подстраиваясь» под внешние требования, демонстрируя толерантность и уважение к существующим жизненным правилам.

Однако сохраняются ли эти различия в более позднем возрасте? Не мо-

Таблица

Проявление границ эмпирического Я в зависимости от статуса сиблинга

	Переменные	Н	Р
1	Помощь взрослого**	9,463	,009
2	Когнитивные*	7,427	,024
3	Вербальные**	9,572	,008
4	Личностные*	6,574	,037
5	Одобряемые**	12,239	,002
6	Конструктивные*	9,300	,010
7	Защита границ Я после нарушения *	4,362	0,013
8	Понимание существования собственных границ *	4,693	0,096
9	Понимание нарушения чужих границ**	10,999	,004
10	Понимание способов защиты собственных границ*	9,271	,010
11	Понимание способов нарушения чужих границ*	6,936	,031
12	Удержание*	6,637	,036
13	Закрытие*	6,051	,049
14	Аутентичность**	10,010	,007
15	Гибкость**	14,181	,001
16	Проницаемость	1,144	,564

Примечание: * – при $p < 0,05$, ** – при $p < 0,01$.

жет ли случиться, что экспериментирование и пробы по защите границ Я в детстве оказываются недостаточными или, напротив, избыточными, не приводя к устойчивому адаптивному качеству – закреплению полученных навыков в форме черты личности как типичной для человека адаптации?

Для ответа на этот исследовательский вопрос мы провели вторую серию исследований.

Вторая серия

Во второй серии приняли участие 187 респондентов (131 девушка и 56 юношей) в возрасте от 17 до 19 лет ($M_{\text{возраст}} = 17.8$, $SD_{\text{возраст}} = 3.8$), студенты различных факультетов НИУ «Высшая школа экономики». Из них 39 – единственные дети, 148 – имеют братьев или сестёр, 85 из них – первые дети, 48 – вторые, 10 – третьи и 5 – четвёртые.

Метод

Был использован опросник «Суверенность психологического пространства-2010» (СПП-2010) [1]. Опросник включает 67 утверждений, каждое из которых содержит ситуацию угрозы суверенности и эмоциональный ответ респондента на неё, а также 6 субшкал, отвечающих

сферам установления суверенности: суверенность физического тела (СФТ), территории (СТ), личных вещей (СВ), временных привычек (СП), социальных контактов (СС) и ценностей (СЦ). Для статистической обработки полученных результатов мы использовали программу «Statistica 8», неполные данные были исключены из анализа. Для проверки гипотез исследования был проведён мультифакторный дисперсионный анализ.

Прежде всего, было обнаружено, что зависимости диспозиционной суверенности от пола и количества детей в семье нет; не обнаружено также различий между единственными детьми и теми, кто имеет братьев и сестёр, и только суверенность временных привычек положительно связана с порядком рождения – у младших детей в семье она выше ($r_s = 0,16$, $p = 0,03$).

Однако выявлены интересные эффекты влияния взаимодействия факторов пола и порядка рождения ребенка (статуса сиблинга) на выраженность суверенности ($F(3, 178) = 3,89$, $p = 0,01$), что позволяет идентифицировать крайне любопытные феномены. Так, в мужской группе уровень общей суверенности понижается по мере увеличения порядка рождения (т.е. у младших детей), в то время как в женской группе, напротив, повышается (рис. 2).

Суверенность тела в мужской группе (в женской нет различий в зависимости от статуса сиблинга) также имеет интересную динамику с провалом на показателе третьего ребёнка: наиболее депривированы мальчики, родившиеся третьими в семье. По-видимому, это происходит оттого, что они подвергаются либо внедрениям со стороны родителей или буллингу со стороны всех старших детей, в соответствии с данными Salmon и Daly [15] (рис. 3). В то же время чет-

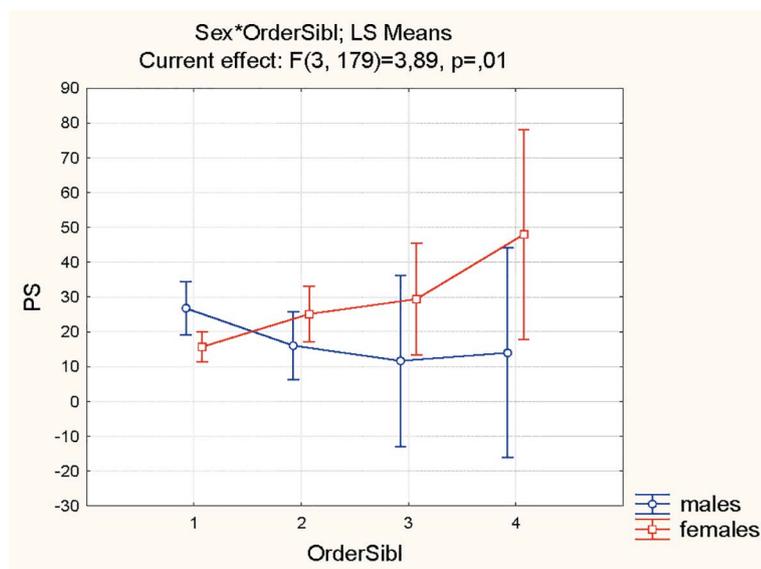

Рис. 2. Эффекты взаимодействия «пол — порядок рождения»

вёртые имеют самые высокие показатели суверенности тела ($F(3, 179) = 2,77, p = 0,043$). Вероятно, это связано с особым статусом самого младшего ребёнка: потребность в отработке конфликтных навыков уже удовлетворена к тому моменту, когда появляется четвёртый ребёнок в семье, и потому не только родители, но и старшие дети готовы больше считаться с ним и, возможно, даже баловать.

Суверенность территории выше в женской группе по мере увеличения статуса сиблинга и ниже – в мужской ($F(3, 179) = 2,87, p = 0,038$) (рис. 4).

Суверенность временных привычек поступательно возрастает у девушек по мере увеличения их статуса сиблинга (чем больше старших братьев и сестёр у девочки, тем свободнее она распоряжается своим временем, чаще может планировать свои действия и реже испытывает ограничения, связанные с прерыванием своей деятельности) (рис. 5). У юношей, напротив, свобода режимных привычек уменьшается по мере приближения к статусу младшего ребёнка: ($F(3, 179) = 3,00, p = 0,032$).

Интересны и эффекты влияния статуса сиблинга на суверенность социальных контактов: если от первого к третьему ребёнку в мужской группе суверенность контактов снижается, а в женской группе, напротив, повышается, то в группе четвёртых детей эти различия резко усиливаются: четвёртые девочки наиболее свободны в общении, а четвёртые мальчики – наименее свободны ($F(3, 179) = 4,25, p = 0,006$) (рис. 6).

По суверенности личных вещей и ценностей различий не обнаружено.

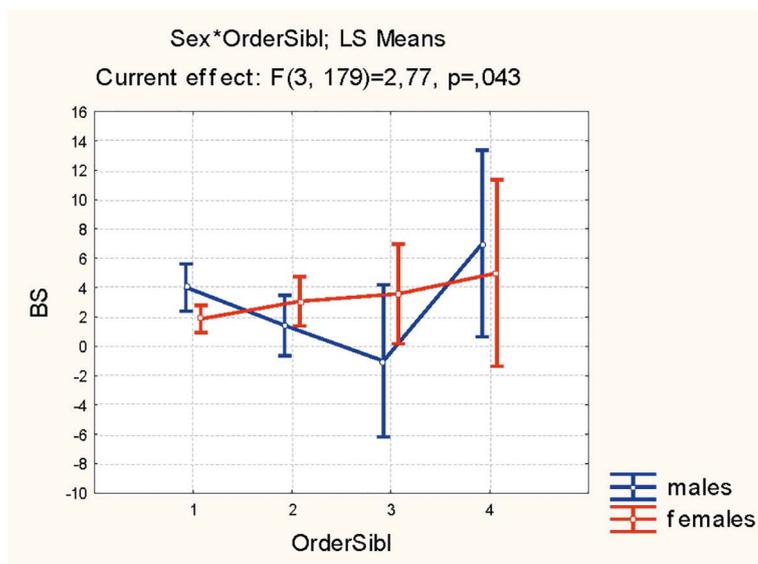

Рис. 3. Суверенность тела в зависимости от статуса сиблинга

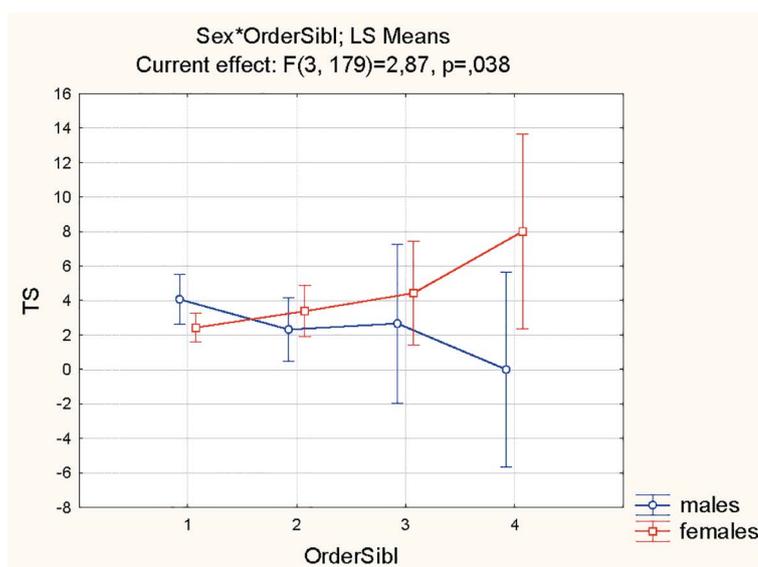

Рис. 4. Суверенность территории в зависимости от статуса сиблинга

Таким образом, обнаружено, что, хотя число братьев и сестёр не связано с диспозиционной суверенностью, порядковое место субъекта в группе сиблингов для неё существенно: для девочки наиболее благоприятен статус младшего ребёнка, а для мальчика – старшего. Возможно, эти эффекты связаны с разным отношением к приватности и психологическим границам вообще у мальчиков и девочек. Чем «дальше» девочка от родителей, тем более она свободна; чем «дальше» мальчик, тем более уязвим и беззащитен.

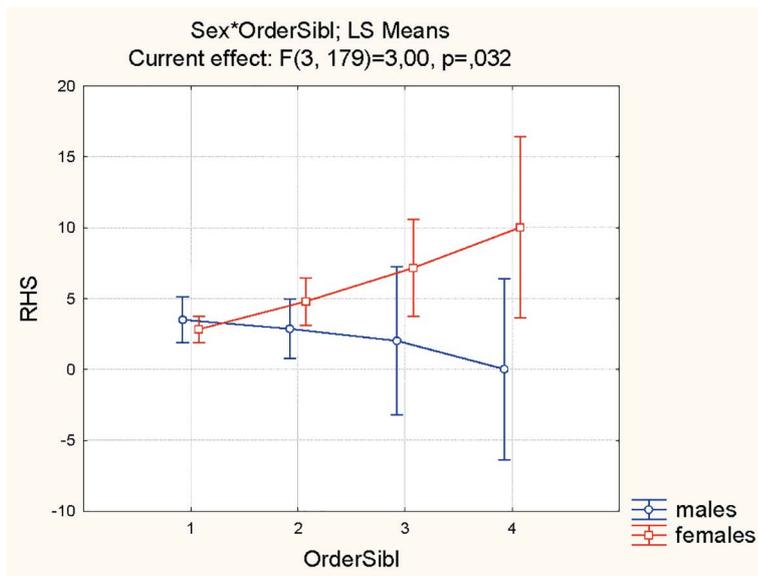

Рис. 5. Суверенность временных привычек в зависимости от статуса сиблинга

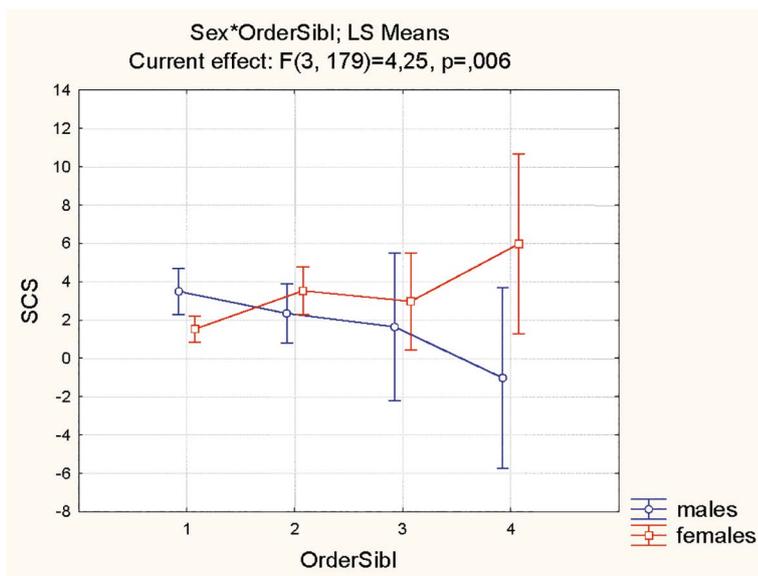

Рис. 6. Суверенность социальных контактов в зависимости от статуса сиблинга

Таким образом, наше исследование позволяет сделать **вывод** о том, что статус сиблинга задаёт траекторию и содержа-

ние развития границ эмпирического Я в детстве, не имеет гендерной специфики. Наиболее прочными и адаптивными границами обладают единственные и вторые дети в семье, наименее – первые. По мере взросления, однако, в полном соответствии с принципом дифференциации в развитии, функционирование границ становится гендерно специфичным, и в юности наиболее прочными границами обладают младшие девушки и старшие юноши.

Проведённое нами исследование имело несколько **ограничений**. Во-первых, группы не были равно наполненными: респондентов, которые имели несколько братьев и сестёр, было намного меньше, чем единственных детей. Во-вторых, группы не были рандомизированы по полу. Далее, если в детской группе изучались разные качества границ в процессе их становления «в реальном времени», то в юношеском мы ограничились рассмотрением диспозициональной суверенности как черты личности, ответственной за поддержание прочности границ.

Тем не менее результаты исследования могут быть полезны для адаптации программ личностного роста, детско-родительского и семейного консультирования с учётом позиции взрослеющей личности в ряду сиблингов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нартова-Бочавер С.К. Психология суверенности: десять лет спустя. М.: Смысл, 2017.
2. Нартова-Бочавер С.К. Современное состояние психологии суверенности как учения о личностных границах // У истоков развития / Под ред. Л.Ф.Обуховой, И.А.Котляр (Корепановой). М.: МГППУ, 2013. С. 56–67.

3. Нартова-Бочавер С.К., Силина О.В. Психологические границы личности: взросление и культура. М.: Памятники исторической мысли, 2018.
4. Ричардсон Р. Силы семейных уз. СПб.: Акцидент, 1994.
5. Силина О.В., Нартова-Бочавер С.К. Динамика психологических границ на протяжении детства // Актуальные проблемы психологического знания. 2014. № 3. С. 13–28.
6. Bronfenbrenner U. Ecology of the family as a context for human development: Research perspectives. *Developmental psychology*, 1986. 22 (6). 723–742. [https://doi: 10.1037/0012-1649.22.6.723](https://doi.org/10.1037/0012-1649.22.6.723).
7. Howarth E. Birth order and personality: Some empirical findings and a biobehavioral theory // *Personality and Individual Differences*. 1982. Vol. 3. Issue 2. Pp. 205–210.
8. Kagitcibasi C. Family, self, and human development across cultures: Theory and applications. London: Routledge, 2013.
9. McAdams D.P., Pals J.L. A new Big Five: fundamental principles for an integrative science of personality // *American psychologist*. 2006. Т. 61. №. 3. С. 204–217.
10. McCrae R.R., Costa P.T. The Five-Factor Theory of Personality // O.P. John, R.W. Robins, L.A. Pervin (Eds.). *Handbook of Personality: Theory and Research* (3rd ed. Pp. 159–181). New York: Guilford Press, 2008.
11. Michalski R.L., Shackelford T.K. Birth order and sexual strategy // *Personality and Individual Differences*. 2002. Vol. 33. Pp. 661–667.
12. Modin B. Birth order and mortality: a life-long follow-up of 14,200 boys and girls born in early 20th century Sweden // *Social Science & Medicine*. 2002. Vol. 54. Pp. 1051–1064.
13. O'Leary S.R. et al. Is birth order associated with adult mortality? // *Annals of Epidemiology*. 1996. Vol. 6. Issue 1. Pp. 34–40.
14. Ralph H., Nerissa D.J. & Sulloway F.J. Parental Investment: How an Equity Motive Can Produce Inequality // *Psychological Bulletin*. 2002. Vol. 128. Issue 5. Pp. 728–745.
15. Salmon C.A., Daly M. Birth Order and Familial Sentiment: Middleborns are Different // *Evolution and Human Behavior*. 1998. Vol. 19. Issue 5. Pp. 299–312.
16. Sulloway F.J. Birth order and sibling competition // *Handbook of evolutionary psychology* / C. Salmon, T. Shackelford. Oxford: Oxford university press, 2007. Pp. 297–311.

ENGLISH

Genesis of Psychological Sovereignty: Birth Order Factor

Sofia Kimovna Nartova-Bochaver – DSc in Psychology, Professor at the Department of Psychology, National Research University Higher School of Economics, supervisor of the project “Personality’s Psychological Boundaries: Cultural and Age Aspects” (16-06-00239a).

E-mail: s-nartova@yandex.ru

Olga Vladimirovna Silina – Master of Psychology, Psychologist at Skazka Detstva Centre, co-performer in the same project.

E-mail: omela333@yandex.ru

The ability to defend the boundaries of one’s empirical self – dispositional sovereignty – is a personality trait with a great adaptive value. It develops through the generalization of everyday actions aimed at protecting the boundaries in discrete situations with other people, first, with one’s family. This paper explores the role of sibling status (birth order) in the development of this trait. Two empirical studies were conducted. In the first of them, carried out with the participation of children aged from two to ten, it is shown that the most mature ways of protection are for only children in the family, the least mature are the first children, and the second children in the family demonstrate an intermediate level of development of

boundary protection skills. In the second study conducted on the youth sample, it is shown that the relationship between sovereignty and the order of birth depends on gender: sovereignty hits its peak among younger girls and older boys.

Keywords: boundary of Self, dispositional sovereignty, birth order, gender, children, youth

REFERENCES

1. Nartova-Bochaver S.K. Psikhologiya suverenosti: desyat' let spustya. M.: Smysl, 2017 (in Russian).
2. Nartova-Bochaver S.K. Sovremennoe sostoyanie psikhologii suverenosti kak ucheniya o lichnostnykh granitsakh // U istokov razvitiya / Pod red. L.F.Obukhovoy, I.A.Kotlyar (Korepanovoy). M.: MGPPU, 2013. S. 56–67 (in Russian).
3. Nartova-Bochaver S.K., Silina O.V. Psikhologicheskie granitsy lichnosti: vzroslenie i kul'tura. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2018 (in Russian).
4. Richardson R. Sily semeynykh uz. SPb.: Aktsident, 1994 (in Russian).
5. Silina O.V., Nartova-Bochaver S.K. Dinamika psikhologicheskikh granits na protyazhenii detstva // Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya. 2014. № 3. S. 13–28 (in Russian).
6. Bronfenbrenner U. Ecology of the family as a context for human development: Research perspectives. *Developmental psychology*, 1986. 22 (6). 723–742. [https://doi: 10.1037/0012-1649.22.6.723](https://doi.org/10.1037/0012-1649.22.6.723).
7. Howarth E. Birth order and personality: Some empirical findings and a biobehavioral theory // *Personality and Individual Differences*. 1982. Vol. 3. Issue 2. Pp. 205–210.
8. Kagitcibasi C. Family, self, and human development across cultures: Theory and applications. London: Routledge, 2013.
9. McAdams D.P., Pals J.L. A new Big Five: fundamental principles for an integrative science of personality // *American psychologist*. 2006. T. 61. № 3. S. 204–217.
10. McCrae R.R., Costa P.T. The Five-Factor Theory of Personality // O.P. John, R.W. Robins, L.A. Pervin (Eds.). *Handbook of Personality: Theory and Research* (3rd ed. Pp. 159–181). New York: Guilford Press, 2008.
11. Michalski R.L., Shackelford T.K. Birth order and sexual strategy // *Personality and Individual Differences*. 2002. Vol. 33. Pp. 661–667.
12. Modin B. Birth order and mortality: a life-long follow-up of 14,200 boys and girls born in early 20th century Sweden // *Social Science & Medicine*. 2002. Vol. 54. Pp. 1051–1064.
13. O'Leary S.R. et al. Is birth order associated with adult mortality? // *Annals of Epidemiology*. 1996. Vol. 6. Issue 1. Pp. 34–40.
14. Ralph H., Nerissa D.J. & Sulloway F.J. Parental Investment: How an Equity Motive Can Produce Inequality // *Psychological Bulletin*. 2002. Vol. 128. Issue 5. Pp. 728–745.
15. Salmon C.A., Daly M. Birth Order and Familial Sentiment: Middleborns are Different // *Evolution and Human Behavior*. 1998. Vol. 19. Issue 5. Pp. 299–312.
16. Sulloway F.J. Birth order and sibling competition // *Handbook of evolutionary psychology* / C. Salmon, T. Shackelford. Oxford: Oxford university press, 2007. Pr. 297–311.

УДК 159.99+316.6

ГРНТИ 154121

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-095-02-147-157

А.В. МИКЛЯЕВА*

Социально-психологический подход к исследованию личностного инфантилизма

В статье охарактеризован социально-психологический подход к изучению личностного инфантилизма. Обоснована целесообразность применения методологии социального конструкционизма в исследованиях, посвящённых данной проблематике. Предложена трактовка личностного инфантилизма как полюса бинарного социального конструкта «личностная зрелость – личностный инфантилизм», позволяющего оценивать соответствие или несоответствие достигнутого уровня личностного развития нормативным эталонам «зрелой личности». Показано, что последовательная реализация социально-психологического подхода к изучению личностного инфантилизма позволяет существенно расширить предметное поле исследований данного феномена и, в частности, определяет возможность изучения его содержания и детерминант на различных уровнях анализа: социальном, межличностном и внутриличностном.

Теоретические положения проиллюстрированы результатами эмпирических исследований, в которых раскрываются содержание конструкта «личностная зрелость – личностный инфантилизм», феноменология личностного инфантилизма на различных этапах жизненного пути, специфичные для каждого этапа жизни инфантилизирующие практики, роль самооценки в континууме «зрелая личность – инфантильная личность» в регуляции человеком собственного социального поведения. Охарактеризованы ограничения социально-психологического подхода к исследованию личностного инфантилизма и пути их преодоления.

Ключевые слова: личностный инфантилизм, социальный конструкционизм, личностная зрелость, социальные представления, инфантилизирующие практики

Феномен личностного инфантилизма сегодня активно обсуждается как в научном, так и в повседневном дискурсе в контексте интерпретации тех или иных личност-

ных проявлений человека как признаков его социальной незрелости. Это находит отражение в названиях соответствующих проблемных полей, таких как «учебный инфантилизм», «профессио-

* **Микляева Анастасия Владимировна** — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, руководитель проекта «Социально-психологический инфантилизм: закономерности формирования и проявления на различных этапах жизненного пути личности» (16-06-50031а).
E-mail: a.miklyeva@gmail.com

нальный инфантилизм», «политический инфантилизм», «бытовой инфантилизм» и т.д. Однако в психологических исследованиях феномен инфантилизма традиционно изучается прежде всего как определённый «симптомокомплекс» личностных черт, детерминирующих проявления незрелости в социальных отношениях [1, 2]. Тем самым из анализа, по сути, исключаются разнообразные социально-психологические детерминанты возникновения и развития личностного инфантилизма, которые, судя по данным кросскультурных исследований, фиксирующих факт чрезвычайной вариативности эталонной «социально зрелой личности» [3–5 и др.], следует искать в системе социальных отношений.

Таким образом, можно констатировать противоречие между традиционной для психологии трактовкой инфантилизма как комплекса индивидуальных особенностей человека и социально-психологической природой проявлений инфантилизма в социальном поведении людей и регуляции отношений между ними. Это противоречие составило научную проблему нашего исследования и определило необходимость обращения в процессе исследования феноменологии и детерминант личностного инфантилизма к теоретико-методологическим возможностям социальной психологии.

Теоретико-методологические предпосылки социально-психологического подхода к исследованию феномена личностного инфантилизма

Кросскультурная вариативность критериев социальной зрелости и инфантилизма в совокупности с их полярным оценочным характером даёт основания для понимания личностного инфантилизма как одного из полюсов бинарного социального конструкта «личностная зрелость – личностный инфантилизм», констатирующего соответствие или несоответствие достигнутого уровня лич-

ностного развития нормативным эталонам «зрелой личности». Такая трактовка предполагает необходимость использования в качестве теоретико-методологической базы исследования личностного инфантилизма социально-конструкционистский подход, позволяющий рассматривать любое знание о нормах и правилах социального поведения (и, в частности, знание о нормах социального развития личности и содержания эталонного образа «зрелой личности») как процесс бесконечных изменений в условиях непрекращающихся трансформаций социокультурного контекста [6].

Дополнение традиционной методологии исследований личностного инфантилизма принципами социального конструкционизма [7] даёт возможность анализировать данный феномен как продукт социального взаимодействия людей, в процессе которого осуществляется конструирование социокультурных представлений о критериях нормативного и ненормативного социального развития на различных этапах жизненного пути (в молодости, в период зрелости, в пожилом возрасте). Наряду с конструктом «личностная зрелость» конструкт «личностный инфантилизм» является важнейшим инструментом оценивания достижений социального развития личности, которое осуществляется с помощью сопоставления достигнутых результатов с эталонной нормой для соответствующего этапа жизни и осуществляется на различных уровнях организации отношений между людьми: уровне социальных отношений, уровне межличностных отношений и уровне самоотношения (табл.).

Трактовка личностного инфантилизма как конструкта, выполняющего функцию оценки соответствия или несоответствия демонстрируемого уровня личностного развития нормативным эталонам «зрелой личности», а также устойчивые ассоциации «зрелости» и «взрослости», «инфантилизма» и «детскости», предполагает соотнесение личностных особенно-

Таблица

Компоненты антиципационной состоятельности студентов

Уровни анализа	Содержание	Детерминанты
Социальные отношения	Социальные представления, составляющие содержание конструкта «личностная зрелость — личностный инфантилизм»	Социальная стратификация общества, социокультурно-обусловленный доминирующий возрастной модус бытия
Межличностные отношения	Черты личности, интерпретируемые как признаки инфантилизма, проявляющиеся во взаимодействии с людьми	Практики инфантилизации в различных сферах взаимодействия
Самоотношение	Самооценка в континууме «личностная зрелость — личностный инфантилизм» и отношение к ней	Образ инфантильной личности как в большей или меньшей степени контролируемый элемент имиджа

стей, интерпретируемых как «личностный инфантилизм», с социально-возрастными ожиданиями, которые формируются на основе социально-возрастных норм. Социально-возрастные нормы представляют собой «сконструированные в ходе социального взаимодействия и осознаваемые репрезентации установок, способов поведения, ценностей, присущих специфической возрастной группе, способствующие удовлетворению потребности в социальной и личной самоэффективности» [8]. В этом контексте конструкт «личностный инфантилизм» может пониматься как «инструмент» обозначения несоответствия реализуемых человеком социальных ролей (семейных, профессиональных и др.) и/или сопряжённых с ними личностных характеристик эталонам нормативного продвижения по жизненному пути.

Возможности социально-психологического подхода к исследованию личностного инфантилизма

Социально-психологический подход к исследованию личностного инфантилизма и, в частности, применение методологии социального конструкционизма позволяют зафиксировать содержание конструкта «личностная зрелость — личностный инфантилизм», отражённое в социальных представлениях (уровень

социальных отношений), феноменологию личностного инфантилизма на различных этапах жизненного пути и специфичные для каждого этапа жизни инфантилизирующие практики (уровень межличностных отношений), а также охарактеризовать роль самооценки в континууме «зрелая личность — инфантильная личность» в регуляции человеком собственного социального поведения (уровень самоотношения).

Содержание социального конструкта «личностная зрелость — личностный инфантилизм». Проведённый нами анализ социальных представлений, составляющих содержание конструкта «личностная зрелость — личностный инфантилизм» (n = 258, возрастной диапазон респондентов 17–78 лет), позволил констатировать его содержательную неоднородность и выделить в его структуре качества, характеризующие регуляторный (53,2% от общего объёма проанализированного содержания), рефлексивный (17,7%) и нравственный потенциалы личности (10,5%). Содержательная валидность сформулированной структурной характеристики личностного инфантилизма была впоследствии подтверждена результатами факторизации показателей, полученных с помощью опросников «Уровень выраженности инфантилизма» [9], «Инфантильность личности» [10], «Методики диагностики личностной зрелости» [11]

на другой выборке респондентов ($n = 372$, возрастной диапазон респондентов 18–78 лет, подробнее см. [12]). Таким образом, установлено, что «личностный инфантилизм» как один из полюсов социального конструкта «личностная зрелость – личностный инфантилизм» неоднороден. В качестве аспектов личностного инфантилизма выделены:

1. регуляторный инфантилизм, проявляющийся в трудностях планирования деятельности, саморегуляции актуальных побуждений и эмоциональных реакций;
2. нравственный инфантилизм, характеризующийся дефицитом нравственной саморегуляции, готовностью к игнорированию социальных норм в случае их противоречия собственным интересам, стремлением избегать личной ответственности, тенденцией утверждать собственную значимость за счёт других людей;
3. рефлексивный инфантилизм, проявляющийся в дефиците уверенности в себе, повышенной уязвимости к критике, стремлении любыми средствами поддерживать «положительный баланс» самооценки.

Изучение специфики социальных представлений в контексте учёта принадлежности респондентов к различным возраст-

ным группам показало, что в представлениях каждой из них «возрастная локализация» достижения личностной зрелости «сдвигается» в сторону «своего» возрастного этапа, сохраняя при этом наиболее тесную связь с периодом взрослости (рис. 1).

Полученные данные дают основание считать содержание социального конструкта «личностная зрелость – личностный инфантилизм» опосредованным социальными представлениями, отражающими систему возрастной стратификации общества, и констатировать существование «множественных стандартов» достижения личностной зрелости, различающихся для конкретных этапов жизненного цикла. Функции конструкта «личностная зрелость – личностный инфантилизм», судя по всему, заключаются в нормировании освоения человеком возрастных ролей, соответствующих актуальному этапу жизненного пути, а также в создании предпосылок для поддержания позитивной социальной идентичности вне зависимости от статуса возрастной группы в системе социальной стратификации.

Феноменология личностного инфантилизма на различных этапах жизненного пути. Исследование феноменологии личностного инфантилизма на раз-

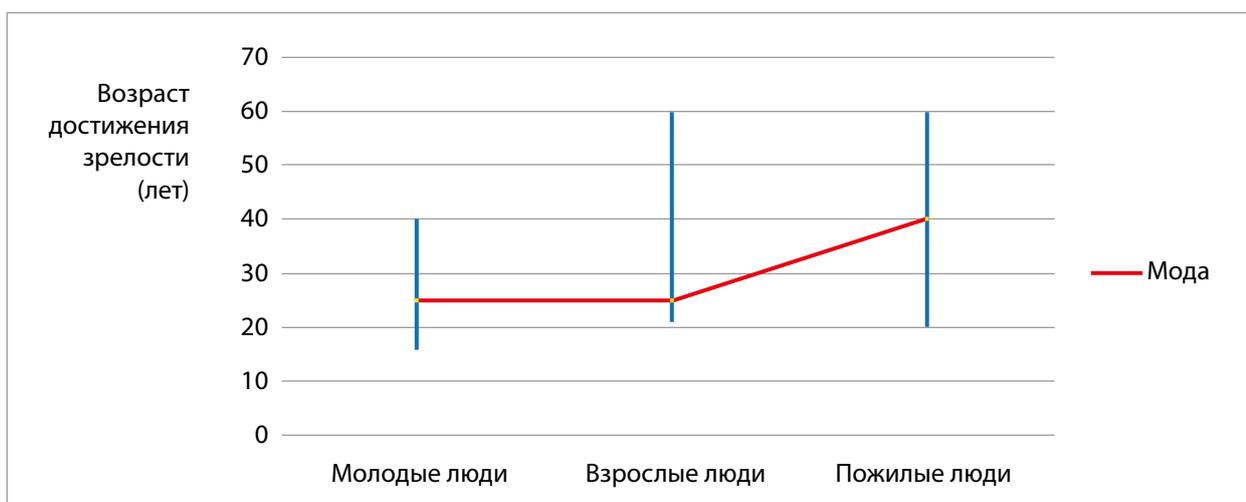

Рис. 1. Локализация возраста достижения личностной зрелости в представлениях молодых, взрослых и пожилых людей

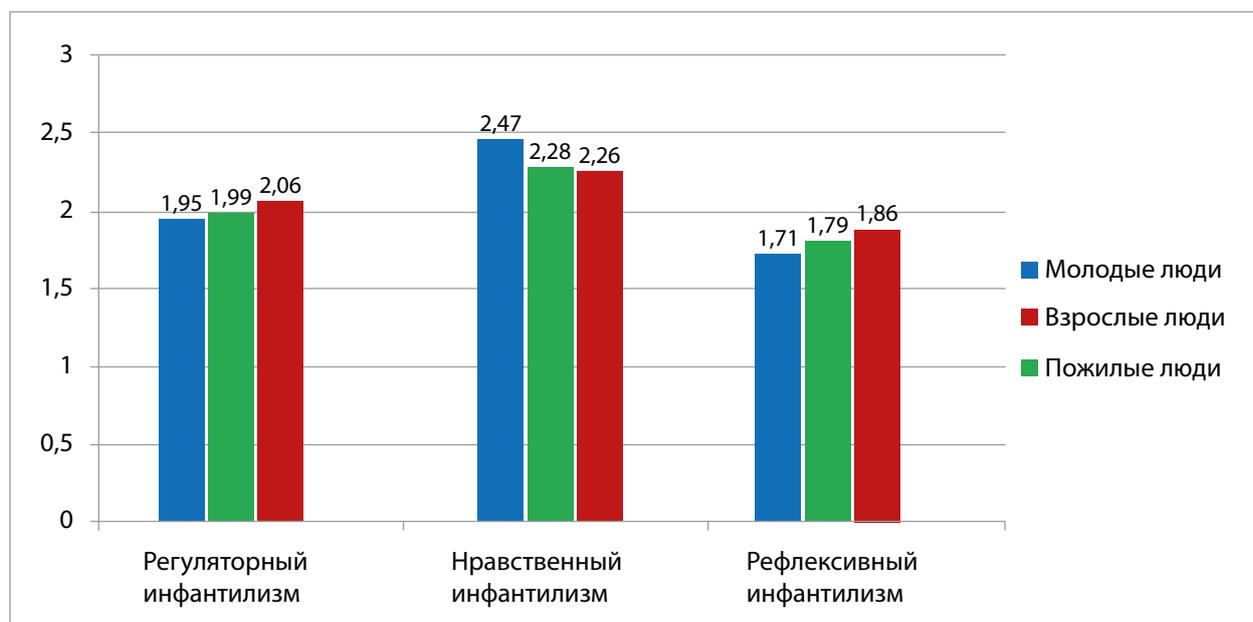

Рис. 2. Средние оценки регуляторного, нравственного и рефлексивного инфантилизма в выборках молодых, взрослых и пожилых людей (n = 372, диапазон оценок от 0 до 4)

личных этапах жизненного пути осуществлялось с помощью оценки распространённости признаков регуляторного, нравственного и рефлексивного инфантилизма на основе результатов факторизации пунктов перечисленных выше опросников (рис. 2).

Представленные данные наглядно свидетельствуют о том, что личностный инфантилизм не является сугубо «молодёжной» проблемой. Качества личности, интерпретируемые как проявления личностного инфантилизма, в выборках молодёжи, взрослых и пожилых людей встречаются практически в равной степени, достоверных различий ни по одному из параметров не обнаружено. Наиболее выраженными во всех трёх выборках оказались индикаторы нравственного, наименее выраженными — рефлексивного инфантилизма. При этом проявления регуляторного и рефлексивного инфантилизма по мере продвижения человека по жизненному пути имеют тенденцию нарастать, в то время как проявления нравственного инфантилизма, напротив, несколько снижаются с течением жизни. В логике теоретико-методологических предпосылок нашего исследования эти

результаты можно проинтерпретировать в контексте содержания социально-возрастных ожиданий, которые, как было отмечено выше, различаются для разных возрастных этапов (отметим, что оценки, представленные на рисунке 2, во многом отражают актуальное содержание магистральных возрастных представлений, описанное в наших предыдущих исследованиях, см. [13]).

Выявленная распространённость проблематики инфантилизма определила необходимость изучения механизмов формирования соответствующих черт личности и моделей поведения. В нашем исследовании эта задача решалась посредством выявления инфантилизирующих практик, под которыми понимались действия, создающие условия для сближения ожиданий в отношении поведения людей, вышедших из детского возраста, в том числе взрослых и пожилых, с социальными представлениями, фиксирующими экспектации в отношении детского, подросткового или юношеского поведения. Сферы межличностных отношений, в которых инфантилизирующие практики имеют наибольшее распространение, изучались на материале сопоставления

самооценок респондентов в континууме «личностная зрелость — личностный инфантилизм» с отражёнными ими оценками значимых других, представляющих сферы семейного, учебного/профессионального и дружеского общения, а также (для неработающих пожилых людей) сферу взаимодействия с работниками социальных служб и медицинских организаций (рис. 3–5).

Полученные результаты показывают, что в условиях современной российской

действительности инфантилизирующие практики концентрируются прежде всего в сфере семейных взаимоотношений. Чаще других инфантилизирующие воздействия в семейных отношениях констатируют молодые и пожилые люди, причём, как показывают результаты опроса, входившего в программу исследования, в обоих случаях в качестве субъектов инфантилизации чаще всего рассматриваются взрослые члены семьи, выступающие родителями по от-

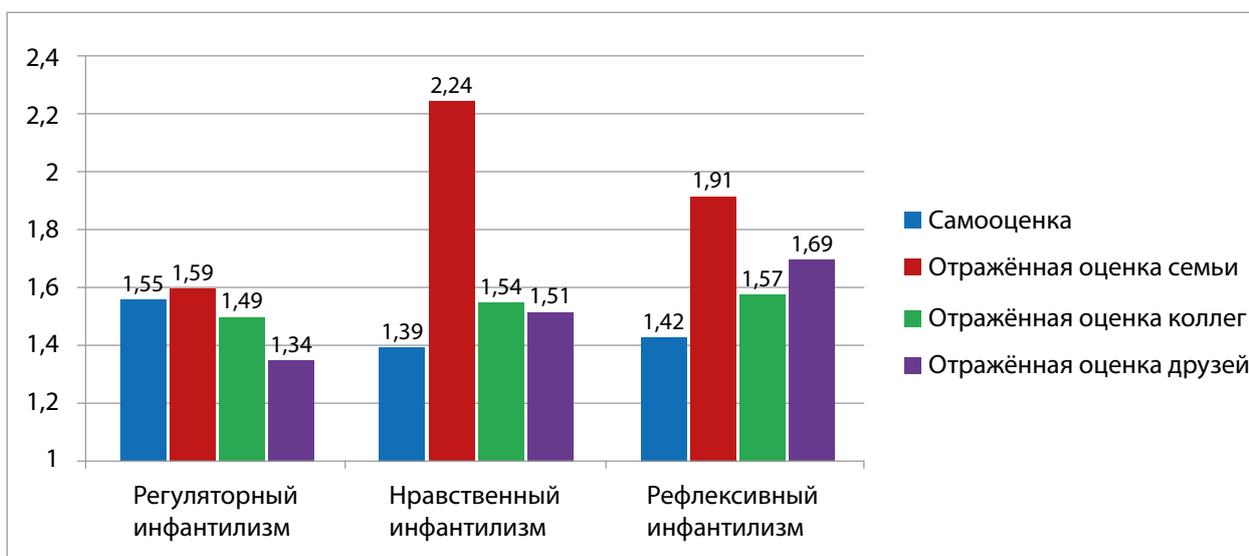

Рис. 3. Соотношение самооценки в континууме «личностная зрелость — личностный инфантилизм» с отражёнными оценками значимых других в выборке молодых людей (n = 215, возрастной диапазон респондентов 18–24 года, оценки приведены к диапазону от 0 до 4)

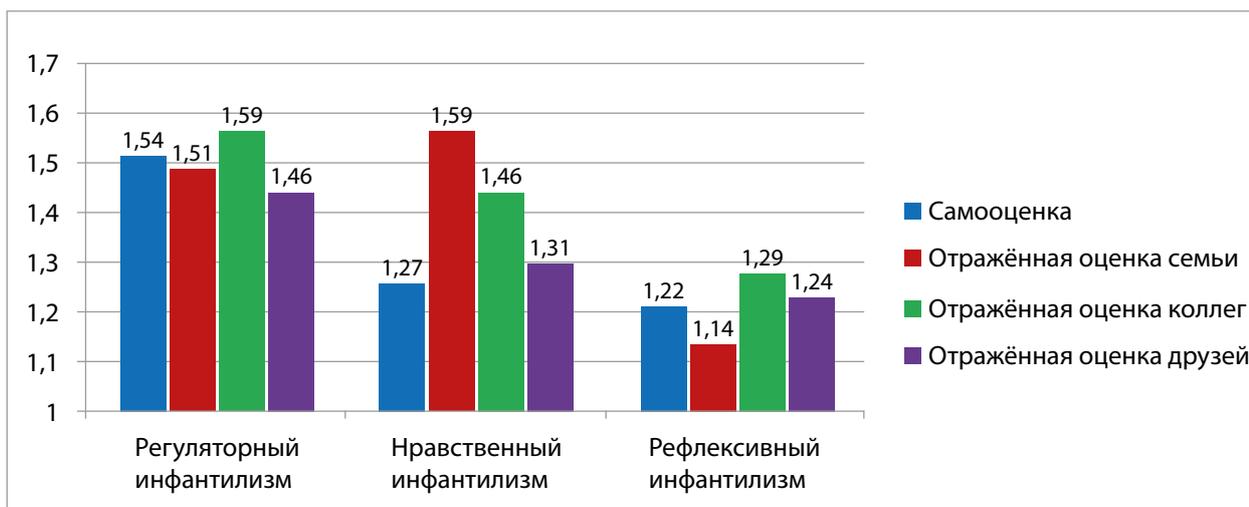

Рис. 4. Соотношение самооценки в континууме «личностная зрелость — личностный инфантилизм» с отражёнными оценками значимых других в выборке взрослых людей (n = 156, возрастной диапазон респондентов 29–45 лет, оценки приведены к диапазону от 0 до 4)

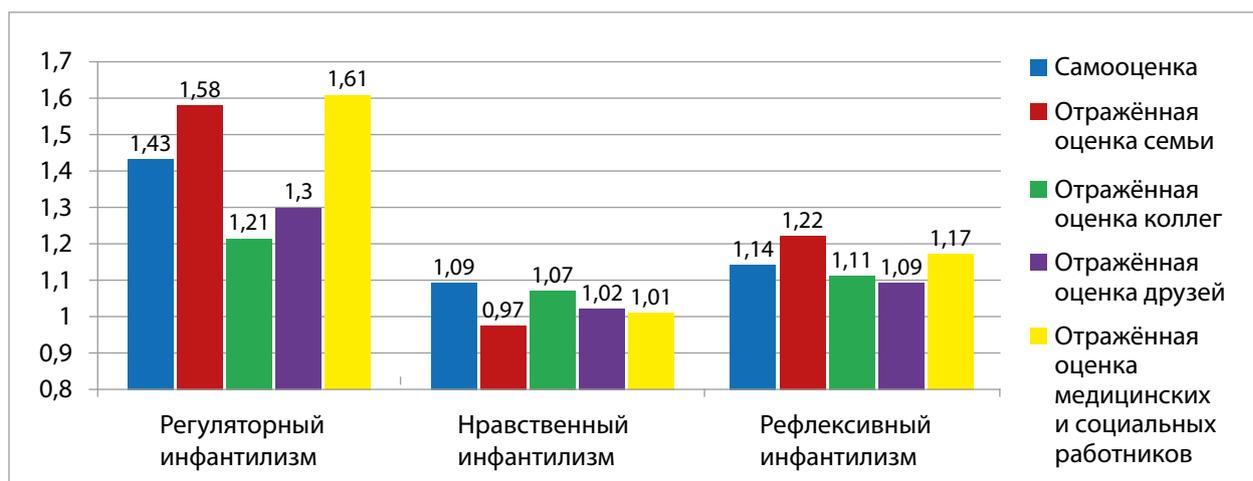

Рис. 5. Соотношение самооценки в континууме «личностная зрелость — личностный инфантилизм» с отражёнными оценками значимых других в выборке пожилых людей ($n = 118$, возрастной диапазон респондентов 64–81 год, оценки приведены к диапазону от 0 до 4)

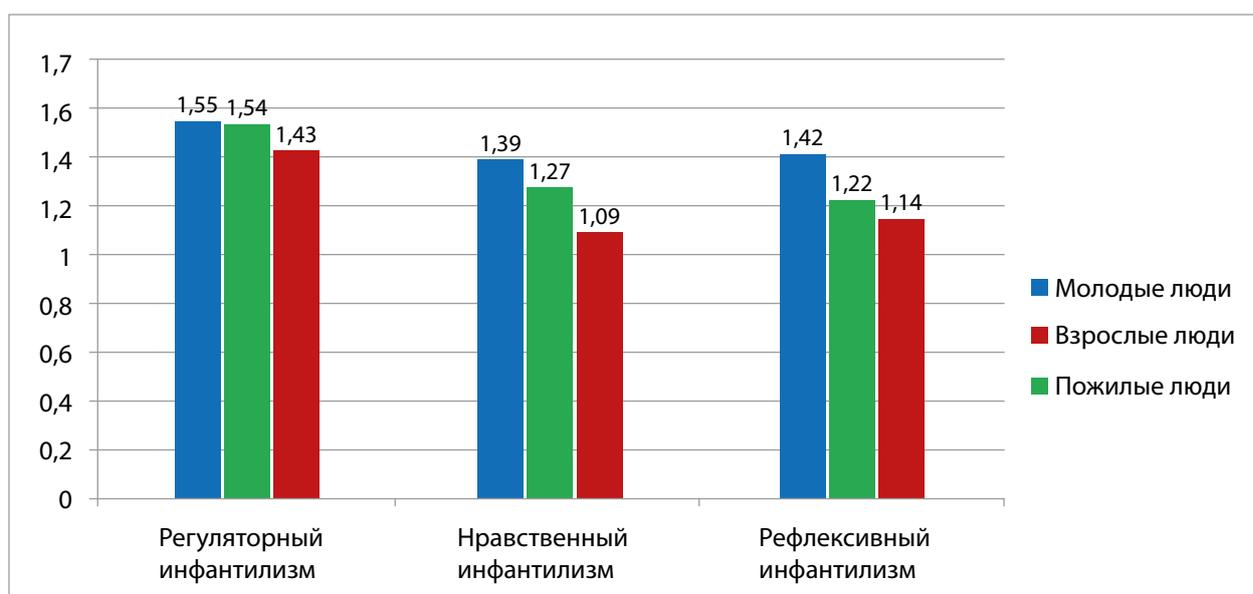

Рис. 6. Самооценки регуляторного, нравственного и рефлексивного инфантилизма в выборках молодых, взрослых и пожилых людей ($n = 459$, оценки приведены к диапазону от 0 до 4)

ношению к респондентам, составившим молодёжную выборку, и детьми по отношению к респондентам пожилого возраста. Взрослые люди в некоторых случаях также становятся объектами инфантилизирующих практик в сфере внутрисемейных отношений, причём субъектами инфантилизации в этом случае выступают и их родители, и их дети, однако взрослые респонденты отмечают инфантилизирующие воздействия значительно реже, чем молодые и пожилые люди.

Помимо инфантилизирующих воздействий в сфере семейных отношений взрослые люди констатируют элементы инфантилизирующих практик в профессиональной сфере (прежде всего, в отношениях «руководства — подчинения»), а пожилые люди отмечают проявления инфантилизирующих отношений в их адрес во взаимодействии с социальными и медицинскими работниками. Сравнительные полученные данные с результатами исследований зарубежных коллег [14, 15],

можно отметить, что преимущественная локализация инфантилизирующих практик в сфере семейных отношений является типичной именно для российской социальной действительности.

Роль самооценки в континууме «зрелая личность – инфантильная личность» в регуляции человеком собственного социального поведения. Самооценка в континууме «зрелая личность – инфантильная личность» изучалась с помощью модифицированной методики Дембо-Рубинштейн ($n = 459$, возрастной диапазон респондентов от 17 до 78 лет). Результаты представлены на рисунке 6.

Результаты демонстрируют последовательное снижение самооценок личностного инфантилизма по мере продвижения человека по жизненному пути, что подтверждает сформулированную выше гипотезу о важной роли конструкта «личностная зрелость – личностный инфантилизм» в поддержании позитивной социальной идентичности, особенно в пожилом возрасте. Эта самооценка имеет выраженную возрастную специфику, обусловленную различиями в социально-возрастных ожиданиях. Сопоставление самооценок с идеальными самооценками показало, что конструкт «личностная зрелость – личностный инфантилизм» во многом определяет направления личностного развития человека в соответствии с ожидаемым изменением социальных ожиданий по мере перехода на следующие этапы жизненного пути, фиксируя в «идеальной модели личности» прежде всего те качества, которые составят ядро позитивной самооценки на следующем этапе жизненного пути. На основе анализа свободных высказываний респондентов было установлено, что произвольное использование позиции «инфантильной личности» в период взрослости и зрелости затруднено негативными или амбивалентными переживаниями, сопровождающими оценку себя как инфантильной личности.

Ограничения социально-психологического подхода к исследованию личностного инфантилизма

Ограничения социально-психологического подхода к исследованию личностного инфантилизма связаны, в первую очередь, с дефицитом исследовательского инструментария, который позволил бы реализовать принципы социально-конструкционистского подхода в эмпирическом исследовании. Имеющиеся на сегодняшний день психодиагностические инструменты, претендующие на оценку «личностного инфантилизма» или «личностной зрелости», в подавляющем большинстве случаев опираются на трактовку личностного инфантилизма как атрибута личности, симптомокомплекса черт, которые не позволяют человеку продемонстрировать поведение, соответствующее эталонному образу «зрелой личности». Изучение личностного инфантилизма как социального конструкта предполагает широкое использование различных вариантов анализа вербальной и невербальной продукции в ситуациях актуализации самооценок или оценок других людей в континууме «личностная зрелость – личностный инфантилизм». Однако полученные нами эмпирические результаты позволяют прогнозировать трудности в организации подобных исследований, связанные с тем, что проявления личностного инфантилизма допускают разную степень осознанности соответствующих им качеств в силу негативных коннотаций понятия «инфантилизм» в обыденном сознании, а также с восприятием многих практик инфантильного и инфантилизирующего поведения (в силу их укоренённости в сложившейся системе социальных отношений) как «естественных» форм социального взаимодействия. Преодоление этих трудностей предполагает разработку новых исследовательских процедур, позволяющих снизить проявление эффекта социальной желательности, крайне выраженного в ответах респондентов в контек-

сте данной проблематики, а также широкое использование методов наблюдения и интервью, основанных на предварительном построении качественного контакта с респондентом, задающего доверительный контекст взаимодействия.

Заключение

Как показало наше исследование, социально-психологический подход, и в частности привлечение методологии социального конструкционизма, является весьма перспективным для анализа личностного инфантилизма как феномена, проявляющегося во взаимодействии человека с другими людьми, обществом в целом и самим собой. Обобщение результатов нашего исследования, изложенных в данной статье, а также в опубликованных ранее [12], позволяет проследить механизмы социального конструирования личностного инфантилизма, представленные в виде своеобразного «замкнутого круга», в котором несоответствие поведения и/или личностных особенностей челове-

ка социально-возрастным ожиданиям порождает разнообразные инфантилизирующие практики, в свою очередь «подкрепляющие» характеристики, которые интерпретируются как проявления личностного инфантилизма. Этот «замкнутый круг» усиливается реалиями современной социокультурной ситуации, в которых, как свидетельствуют наблюдения социологов и культурологов [16, 17 и др.], «эталон личностной зрелости» размывается, «нормативные стратегии жизненного пути» становятся всё более и более вариативными, что является серьёзным фактором риска инфантилизации личности на любом этапе жизни. В связи с этим такие исследовательские подходы, которые позволяют интегрировать методологические возможности психологии и смежных с ней наук, к числу которых, безусловно, относится социально-конструкционистский подход, представляются весьма продуктивными для решения задачи развёрнутой и объёмной характеристики личностного инфантилизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сабельникова Е.В., Хмелёва Н.Л. Инфантилизм: теоретический конструкт и операционализация // Образование и наука. 2016. № 3 (132). С. 89–106. DOI: 10.17853/1994-5639-2016-3-89-105.
2. Жесткова Н.А. Методологические подходы к исследованию социальной зрелости и социального инфантилизма личности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 2 (14). С. 128–136.
3. Кон И.С. Ребёнок и общество: историко-этнографическая перспектива. М.: Наука, 1988.
4. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
5. Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. М.: Наука, 2007.
6. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М.: Изд-во ИП РАН, 1999.
7. Герген К. Социальная конструкция в контексте. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2016.
8. Курышева О.В. Социально-возрастные нормы: конструирование феномена // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Акмеология образования. Психология развития». 2015. Т. 4. № 1 (13). С. 30–34.
9. Серёгина А.А. Социально-психологические условия преодоления инфантилизма у безработной молодёжи: Автореф. дис. ... канд. психол. н. М., 2006.
10. Медведева О.А. Создание и психометрическая проверка опросника «Инфантильность личности» // Психология XXI века: Материалы международной научно-практической

конференции молодых учёных «Психология XXI века» (Санкт-Петербург, 26–28 апреля 2012 г.) / Под науч. ред. Р.А.Березовской. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 69–70.

11. Ковалевская Е.В. Диагностика личностной зрелости у студентов педагогических специальностей // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова. Серия «Гуманитарные науки: Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика». 2013. Т. 19. № 3. С. 48–52.
12. Микляева А.В. Личностный инфантилизм в постиндустриальном обществе. Социально-психологический подход к проблеме инфантилизации личности в условиях современной социальной действительности. Дюссельдорф: LAMBERT Academic Publishing, 2018.
13. Микляева А.В. Психология межвозрастных отношений. М.: Перо, 2014.
14. Marson S.M., Powel R.M. Goffman and the infantilization of elderly persons: A theory in development // Journal of Sociology & Social Welfare. 2014. Vol. XLI (4). Pp. 143–158.
15. Salari S.M. Infantilization as elder mistreatment: Evidence from five adult day care centers // Journal of Elder Abuse & Neglect. 2005. Vol. 17 (4). Pp. 53–91.
16. Bernardini J. The Infantilization of the Postmodern Adult and the Figure of Kidult // Post-modern Openings. 2014. Vol. 5. Issue 2. Pp. 39–55.
17. Hockey J., James A. Infantilization as social discourse // Growing up and growing old: Ageing and dependency in life course. London: Sage, 1993. Pp. 9–44.

ENGLISH

Socio-Psychological Approach to the Study of Personal Infantilism

Anastasia Vladimirovna Miklyaeva – DSc in Psychology, Professor at the Department of Human Psychology of Herzen State Russian Pedagogical University of Russia, supervisor of the project “Socio-Psychological Infantilism: Patterns of Formation and Manifestation at Various Stages of Life” (16-06-50031a). E-mail: a.miklyaeva@gmail.com

This paper describes the socio-psychological approach to the study of personal infantilism. The author confirms the relevance of applying the methods of social constructionism in the research focused on this issue and offers to interpret personal infantilism as a pole of the binary social construct “personal maturity – personal infantilism”, which helps to evaluate the conformity or discrepancy between the achieved level of personal development and the standards of a “mature personality”. It is shown that the consistent application of the socio-psychological approach to the study of personal infantilism can largely expand the field of research of this phenomenon and, in particular, help to explore its content and determinants at various levels of analysis: social, interpersonal and intrapersonal.

The theoretical assumptions are illustrated by the empirical research findings that reveal the contents of the construct “personal maturity – personal infantilism”, the phenomenology of personal infantilism at different stages of life, specific to each stage of life infantilizing practices, the role of self-assessment in the continuum “mature personality – infantile personality” in the human regulation of one’s own social behaviour. The author describes the limitations of the socio-psychological approach to the study of personal infantilism and the ways to overcome them.

Keywords: personal infantilism, personal maturity, social constructionism, social representations, practices of infantilization

REFERENCES

1. Sabel'nikova E.V., Khmelyova N.L. Infantilizm: teoreticheskiy konstrukt i operatsionalizatsiya // *Obrazovanie i nauka*. 2016. № 3 (132). S. 89–106. DOI: 10.17853/1994-5639-2016-3-89-105. (in Russian).
2. Zhestkova N.A. Metodologicheskie podkhody k issledovaniyu sotsial'noy zrelosti i sotsial'nogo infantilizma lichnosti // *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. 2013. Vyp. 2 (14). S. 128–136 (in Russian).
3. Kon I.S. *Rebyonok i obshchestvo: istoriko-etnograficheskaya perspektiva*. M.: Nauka, 1988 (in Russian).
4. Mid M. *Kul'tura i mir detstva*. M.: Nauka, 1988 (in Russian).
5. Benedikt R. *Khrizantema i mech. Modeli yaponskoy kul'tury*. M.: Nauka, 2007 (in Russian).
6. Shikhirev P.N. *Sovremennaya sotsial'naya psikhologiya*. M.: Izd-vo IP RAN, 1999 (in Russian).
7. Gergen K. *Sotsial'naya konstruktsiya v kontekste*. Khar'kov: Izd-vo «Gumanitarnyy tsentr», 2016 (in Russian).
8. Kuryshcheva O.V. Sotsial'no-vozzrastnye normy: konstruirovaniye fenomena // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya»*. 2015. T. 4. № 1 (13). S. 30–34 (in Russian).
9. Seryogina A.A. Sotsial'no-psikhologicheskie usloviya preodoleniya infantilizma u bezrabotnoy molodyozhi: Avtoref. dis. ... kand. psikhol. n. M., 2006 (in Russian).
10. Medvedeva O.A. Sozdaniye i psikhometricheskaya proverka oprosnika «Infantil'nost' lichnosti» // *Psikhologiya XXI veka: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchyonikh «Psikhologiya XXI veka» (Sankt-Peterburg, 26–28 aprelya 2012 g.) / Pod nauch. red. R.A. Berezovskoy*. SPb: Izd-vo SPbGU, 2012. S. 69–70 (in Russian).
11. Kovalevskaya E.V. Diagnostika lichnostnoy zrelosti u studentov pedagogicheskikh spetsial'nostey // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya «Gumanitarnye nauki: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Akmeologiya. Yuvenologiya. Sotsiokinetika»*. 2013. T. 19. № 3. S. 48–52 (in Russian).
12. Miklyaeva A.V. Lichnostnyy infantilizm v postindustrial'nom obshchestve. Sotsial'no-psikhologicheskiy podkhod k probleme infantilizatsii lichnosti v usloviyakh sovremennoy sotsial'noy deystvitel'nosti. Dyussel'dorf: LAMBERT Academic Publishing, 2018 (in Russian).
13. Miklyaeva A.V. *Psikhologiya mezhvozzrastnykh otnosheniy*. M.: Pero, 2014 (in Russian).
14. Marson S.M., Powel R.M. Goffman and the infantilization of elderly persons: A theory in development // *Journal of Sociology & Social Welfare*. 2014. Vol. XLI (4). Pp. 143–158.
15. Salari S.M. Infantilization as elder mistreatment: Evidence from five adult day care centers // *Journal of Elder Abuse & Neglect*. 2005. Vol. 17(4). Pp. 53–91.
16. Bernardini J. The Infantilization of the Postmodern Adult and the Figure of Kidult // *Postmodern Openings*. 2014. Vol. 5. Issue 2. Pp. 39–55.
17. Hockey J., James A. *Infantilization as social discourse // Growing up and growing old: Ageing and dependency in life course*. London: Sage, 1993. Pp. 9–44.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 902.01

ГРНТИ 03.41.01

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-095-02-158-169

Д.С. КОРОВОВ*

Исследование ресурсных зон поселений Кисловодской котловины

Публикация посвящена результатам проведённого в 2018 г. комплексного почвенно-археологического исследования ресурсной зоны разновременных поселений в пределах Кисловодской котловины. Наиболее детальное исследование проводилось в окрестностях укрепления Подкумское 3 (V–VIII вв. н.э.), где были заложены 100 почвенных разрезов по регулярной сети с шагом в 50 м на разном удалении от зоны обитания. В почвенных разрезах послойно фиксировался археологический материал, а также выполнялись описание почвенных профилей и отбор образцов на химические и микробиологические анализы. В образцах определяли активную микробную биомассу, уреазную активность, численность сапротрофных бактерий, магнитную восприимчивость и содержание фосфатов.

В настоящей статье речь идёт только о находках керамики как маркере сельскохозяйственной активности древнего и средневекового населения данного памятника. Всего обнаружено около 2380 фрагментов сосудов общим весом около 9 кг. Предварительный анализ пространственного распределения керамики проводился с помощью геостатистического модуля программы ArcGIS. Он наглядно показал разные зоны сельскохозяйственного освоения изучаемой территории в кобанскую и раннеаланскую эпохи. Сейчас коллектив ведёт работы по анализу полученного материала и почвенных образцов для детальной реконструкции ресурсной зоны земледелия данного памятника.

Ключевые слова: ландшафтная археология, Северный Кавказ, Кисловодская котловина, бронзовый век, ранний железный век, раннее средневековье, археологическое почвоведение, ресурсные зоны

Исследования ресурсных зон поселений разных эпох и культур (off-site archaeology) становятся достаточно широко применяемой практикой в зарубежной (преимуществен-

но британской и нидерландской) археологии. Начиная с 1980-х гг. Т.Уилкинсон, Т.Уильямсон, Дж.Бинтлифф [1–3] и др. выработали методы оценки использования ресурсных зон вокруг поселений, ко-

* **Коровов Дмитрий Сергеевич** — доктор исторических наук, заведующий отделом теории и методики Института археологии РАН, руководитель проекта «Археология ресурсных зон: комплексное почвенно-археологическое изучение ландшафтов вокруг древних и средневековых поселений Кисловодской котловины» (18-09-00615а).
E-mail: dkorobov@mail.ru

Рис. 1. Вид с северо-востока на Кисловодскую котловину, на заднем плане гора Эльбрус

торые базируются на разработках палео-экологической школы Э.Хиггза [4–9], восходящей к концу 1960-х гг. (Site Catchment Analysis). Согласно данной теории, земледельческое население использовало окружающие ресурсы вокруг рядовых сельских поселений на удалении не более 5 км, что соответствует расстоянию в один час пешей ходьбы по ровной местности. При этом зона земледельческого использования, как правило, лежит на удалении не более 1 км от поселения.

Проверка данных теоретических положений осуществлялась зарубежными коллегами в основном путём систематического сбора подъёмного материала и изучения содержания фосфатов в почвах вокруг поселений [10–12]. Широко используемые в зарубежной археологии подходы и методы исследования ресурсных зон были адаптированы и развиты в ходе многолетнего изучения следов земледелия в Кисловодской котловине (рис. 1) методами археологического почвоведения, результатом стали ряд статей и монографий [13, 14]. Коллектив почвоведов из Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (г. Пущино) под руководством к.б.н. А.В.Борисова разработал ряд уникальных индикаторов (уреазная ак-

тивность почв, количество термофильных микроорганизмов), позволяющих выявить присутствие органических удобрений в почве пахотных горизонтов, описание которых также было опубликовано [15–17]. Полученные результаты легли в основу авторской модели ресурсных зон вокруг раннесредневековых поселений Кисловодской котловины, моделирование которых осуществлялось с помощью пространственного ГИС-анализа [18, 19].

Настоящая работа посвящена продолжению этих исследований, выполненному на более детальном уровне. Новые результаты по моделированию активных зон древнего и средневекового земледелия были получены в ходе систематического обследования окрестностей укрепления Подкумское 3, относящегося к эпохе раннего Средневековья.

Систематическое обследование окрестностей укрепления Подкумское 3

Памятник располагается на левом берегу р. Подкумок в 2 км к юго-западу от окраины села Терезе на территории Малокарачаевского района Карачаево-Черкесской Республики. Этот район мы обследовали дважды, в 2009 и 2012 гг., тогда же проводились его шурфовка и топографическая

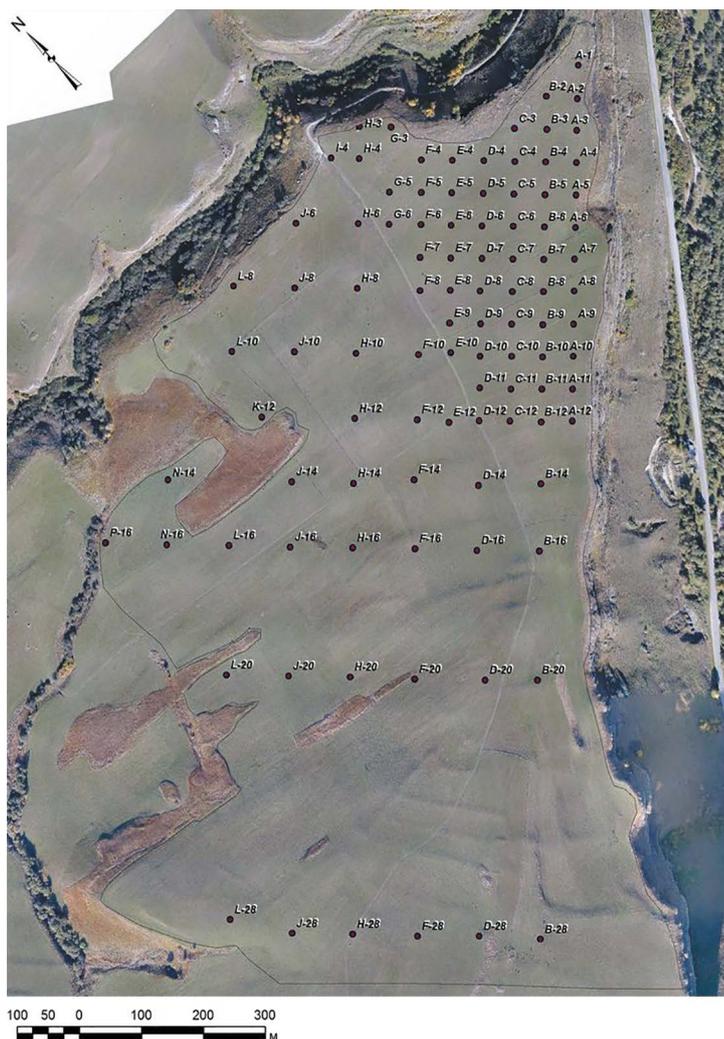

Рис. 2. Ортофотоснимок окрестностей укрепления Подкумское 3 с нанесёнными местоположениями почвенных разрезов, выполненный Ю.М. Свойским и Е.В. Романенко

съёмка [20, с. 60–66]. В окрестностях крепости закладывалась небольшая серия почвенных разрезов на разном удалении от памятника, информация по которым послужила основанием для реконструкции границ земледельческой зоны аланского поселения V–VIII вв. [13, с. 156–159; 15, с. 102–155; 17].

Почвенно-археологические исследования сезона 2018 г. заключались в систематическом обследовании всей прилегающей к поселению территории путём заложения серии почвенных разрезов по сетке с шагом в 50 м. Поскольку территория, охваченная почвенно-археологическими исследованиями, по площади превышала 1 кв. км, были использованы современ-

ные возможности низковысотной аэрофотосъёмки для получения трёхмерного изображения поверхности с помощью фотограмметрии. Работы по созданию микротопографической модели поверхности проводили Ю.М. Свойский и Е.В. Романенко (Лаборатория дистанционного зондирования и анализа пространственных данных). Полученная цифровая модель поверхности имела пространственное разрешение 5 см и была соотнесена с мировыми географическими координатами с помощью GNSS-приёмника (рис. 2).

Всего в окрестностях укрепления Подкумское 3 были заложены 99 почвенных разрезов по координатной сети с буквенно-цифровым обозначением (линии разрезов в направлении юго-восток – северо-запад получили наименования латинскими буквами от А до Р, по линии северо-восток – юго-запад – цифрами от 1 до 28). Начало сети (разрез А-1) располагалось в 50 м к юго-западу от крайних сооружений укрепления, видимых на поверхности. При этом почвенные разрезы закладывались с максимальной плотностью (через 50 м) на прилегающей к поселению территории, где не было распахивания в советское время. Далее, на удалении 400–600 м от укрепления на залежном участке разрезы закладывались с шагом в 100 м, а на удалении свыше 750–1000 м – с шагом в 200 и 400 м. Таким образом, крайняя линия разрезов В-28 – L-28 находилась на расстоянии 1400–1500 м от укрепления Подкумское 3 (см. рис. 2).

Почвенные разрезы размерами 1×1 м выполнялись пластами по 10 см с отбором археологического материала из каждого пласта. Кроме фиксации археологических находок, из каждого пласта отбиралась серия почвенных проб для определения содержания фосфатов, магнит-

ной восприимчивости, активности фермента уреазы, обилия краринолитических грибов и численности термофильных бактерий. В настоящий момент перед коллективом стоит задача картографирования этой обширной информации, для чего предполагается использовать возможности геостатистического анализа, которые предоставляются современными ГИС. В этой публикации рассматриваются первые результаты использования подобного анализа при изучении пространственных особенностей распределения керамического материала как отражения ареала ресурсных зон поселений разных эпох и культур.

Анализ распределения керамики в окрестностях укрепления Подкумское 3

Керамические фрагменты, обнаруживаемые вне поселений, прекрасно маркируют зону сельскохозяйственного освоения (off-site), поскольку являются хорошим индикатором внесения органических удобрений на поля, в процессе которого вместе с навозом в пахотные слои поступал бытовой мусор [1, 2, 21, р. 37–38; 22, 23, р. 245]. Помимо керамики, в качестве индикаторов внесения удобрений могут выступать повышенное содержание фосфатов, высокие показатели уреазной активности и значительное число термофильных бактерий [15, с. 110–155; 16, 17]. Эти показатели будут непременно учтены в ходе дальнейшей работы над моделированием ресурсной зоны укрепления Подкумское 3. В настоящей статье речь идёт только о находках керамики как маркере сельскохозяйственной активности древнего и средневекового населения данного памятника.

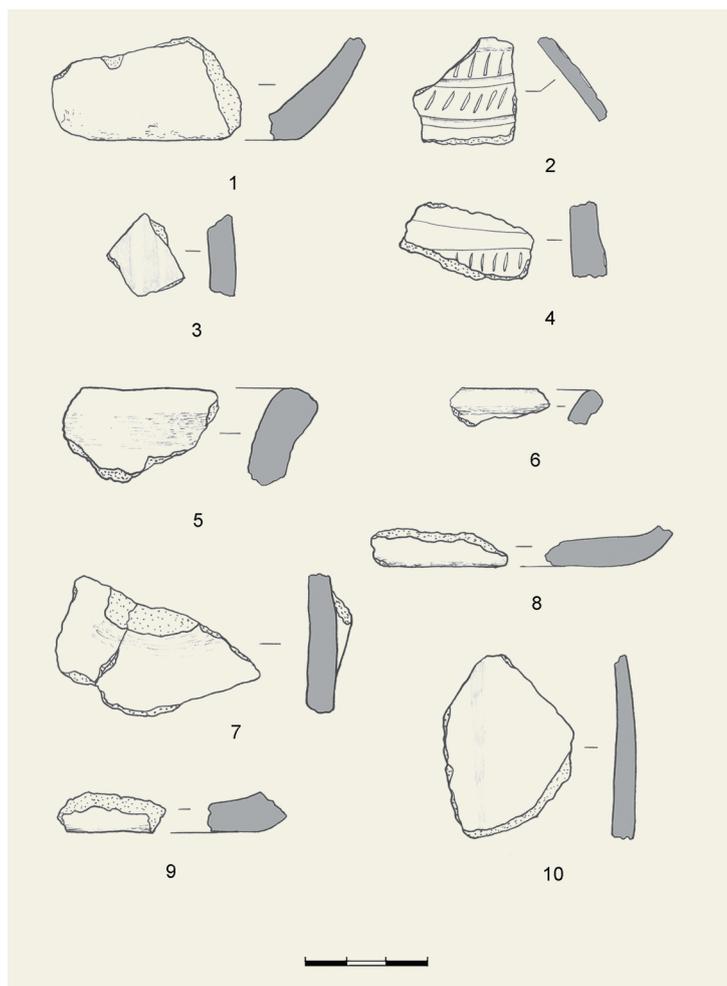

Рис. 3. Фрагменты керамики из почвенных разрезов в окрестностях укрепления Подкумское 3: 1, 3, 5–7, 10 — аланская культура; 2, 4, 7 — кобанская культура; 9 — неопределённая

Практически во всех разрезах присутствовала керамика, в некоторых из них — кости животных. Всего обнаружено около 2380 фрагментов сосудов, из которых около 800 были атрибутированы как относящиеся к аланской культуре эпохи раннего средневековья (рис. 3, 1, 3, 5–7, 10), более 1300 — к кобанской культуре позднего бронзового – раннего железного века (рис. 3, 2, 4, 7); около 270 фрагментов остались неопределёнными (рис. 3, 9), но с высокой долей вероятности датирующимися первыми веками нашей эры.

При этом степень фрагментированности керамики разных эпох и культур весьма сильно различается. Так, черепки

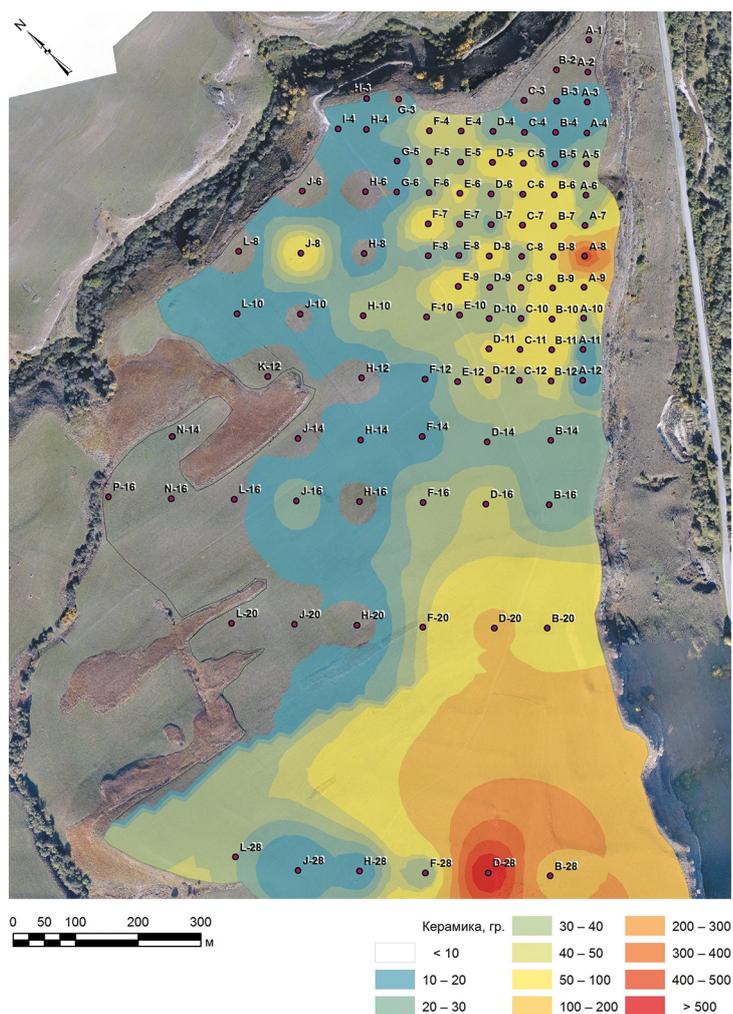

Рис. 4. Моделирование распределения веса керамики кобанской культуры в окрестностях укрепления Подкумское 3

раннесредневековой керамики приблизительно в два раза крупнее, чем фрагменты сосудов кобанской культуры. Для достижения большей объективности при геостатистическом сопоставлении пространственного распределения керамики было решено использовать не число обнаруженных фрагментов, а их вес. Общий вес керамических фрагментов, найденных в разрезах 2018 г. в окрестностях укрепления Подкумское 3, составил около 9 кг. Керамика кобанской культуры, составлявшая более половины от обнаруженной по количеству, весит чуть более 4 кг. Аланская керамика (примерно треть от найденной в 2018 г.) имеет общий вес около 3,6 кг, а неопределённая по культурной принадлежности керамика — чуть более 1,1 кг.

Если обратиться к общему распределению керамики по разрезам, то становится очевидным её неравномерное залегание на обследованной территории. Так, керамика кобанской культуры имеет максимальные значения веса в двух разрезах А-8 и D-28, где найдено более 500–600 г посуды этого периода (рис. 4). Высокие значения веса кобанской керамики в последнем разрезе в сочетании со значительным количеством её (около 100 г и выше) в разрезах В-20, В-28 и D-20 создают обширный ареал следов кобанского земледелия в южной части обследуемой территории. Отметим, что расстояние между рядами разрезов здесь составляет 400 м, и смоделированная обширная территория высоких значений веса керамики кобанской культуры является результатом интерполяции.

Гораздо более обоснованным выглядит ареал сельскохозяйственной активности населения кобанской культуры на территории, примыкающей к укреплению Подкумское 3 (линии разрезов 4–12) (см. рис. 4). Обращает на себя внимание его ограниченность с востока, севера и запада. Максимальные значения веса кобанской керамики приходятся на разрез А-8, где в нижних пластах был обнаружен развал крупного сосуда. Очевидно, в данном случае мы имеем дело со следами небольшого поселения кобанской эпохи, которое прекрасно оконтуривается по результатам геостатистического анализа (см. рис. 4).

К поселению примыкает зона земледельческой активности, следы которой прослеживаются в разрезах в виде находок кобанской керамики на расстоянии 300–350 м. Отдельный «выплеск» с относительно высокими значениями веса кобанской керамики (74 г) наблюдается

в разрезе J-8, находящемся на расстоянии около 450 м от разреза A-8 с предполагаемыми слоями поселения. Далее значения веса керамики снижаются до 10–30 г на разрез, что очевидно маркирует границу ресурсной зоны данного кобанского поселения. Большое число находок кобанской керамики в крайних разрезах линии 28 вероятно относится уже к ресурсной зоне другого поселения (см. рис. 4), сельскохозяйственные угодья которого сопровождалось участками террасного земледелия (на них приходятся разрезы B-28 – F-28) классического облика для памятников кобанской культуры Кисловодской котловины IX–VI вв. до н.э. [13, с. 68–98].

Иной ареал сельскохозяйственной активности прослеживается при картографировании фрагментов посуды эпохи раннего средневековья (рис. 5). Здесь максимальные значения веса керамики наблюдаются в разрезах, непосредственно примыкающих к укреплению Подкумское 3 (A-1 – A-4) с максимальным количеством её в разрезе A-3 (655 г). Этот разрез явно маркирует зону аланского неукрепленного поселения, расположенного за пределами видимой на поверхности укреплённой части. Далее следует ресурсная зона интенсивной сельскохозяйственной деятельности, которая выявляется за счёт находок аланской керамики в разрезах, где её вес колеблется в пределах 50–100 г на разрез (см. рис. 5). Границы этого ареала проходят на расстоянии 500–600 м от поселения, что прекрасно соотносится с теорией ресурсных зон Э.Хиггза и его школы [4–7; 8, р. 229–236; 9]. Интересно отметить, что за понижением количества найденной аланской керамики до минимальных значений около 10 г следует участок с высокими показателями веса керамических фраг-

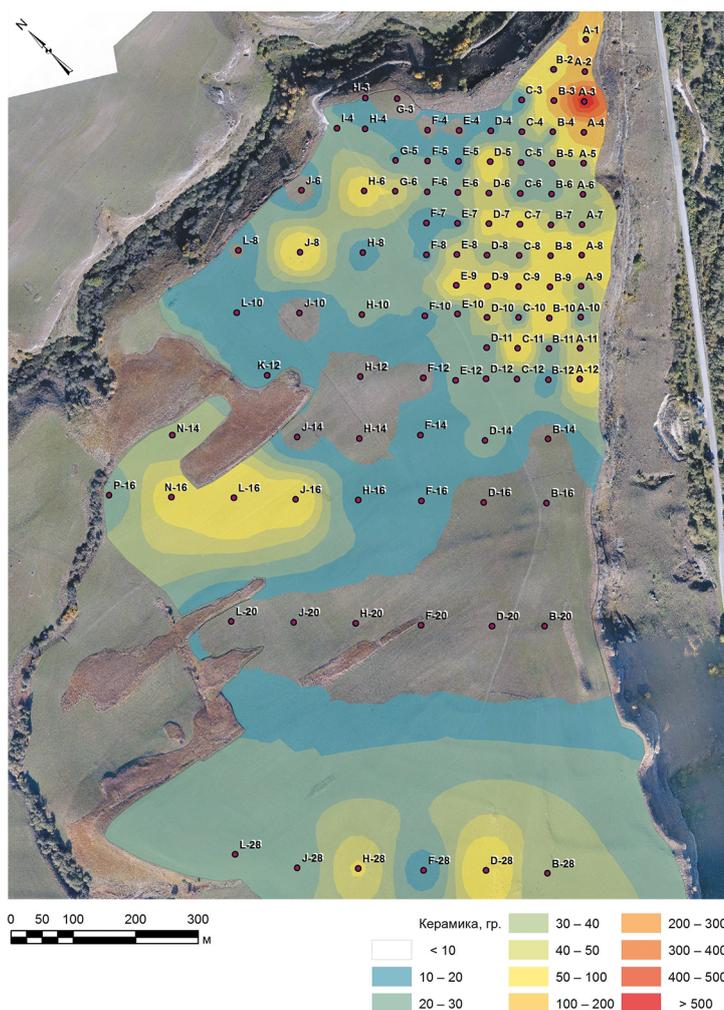

Рис. 5. Моделирование распределения веса керамики аланской культуры в окрестностях укрепления Подкумское 3

ментов (60–80 г), маркируемый разрезом J-16 – N-16, который отстоит от поселения на расстоянии около 1000 м. Вероятно, здесь мы имеем дело с регулярно обрабатывавшейся заимкой, также относящейся к укреплённому поселению Подкумское 3, пространство между которой и основным ареалом сельхозугодий находилось в менее интенсивной обработке (см. рис. 5).

Наблюдающееся в юго-западной части исследованной разрезами территории повышенное содержание аланской керамики (разрезы D-28 – H-28, 50–70 г на разрез), по аналогии с описанной выше кобанской, очевидно, относится уже к ресурсной зоне другого поселения, расположенного далее к юго-западу.

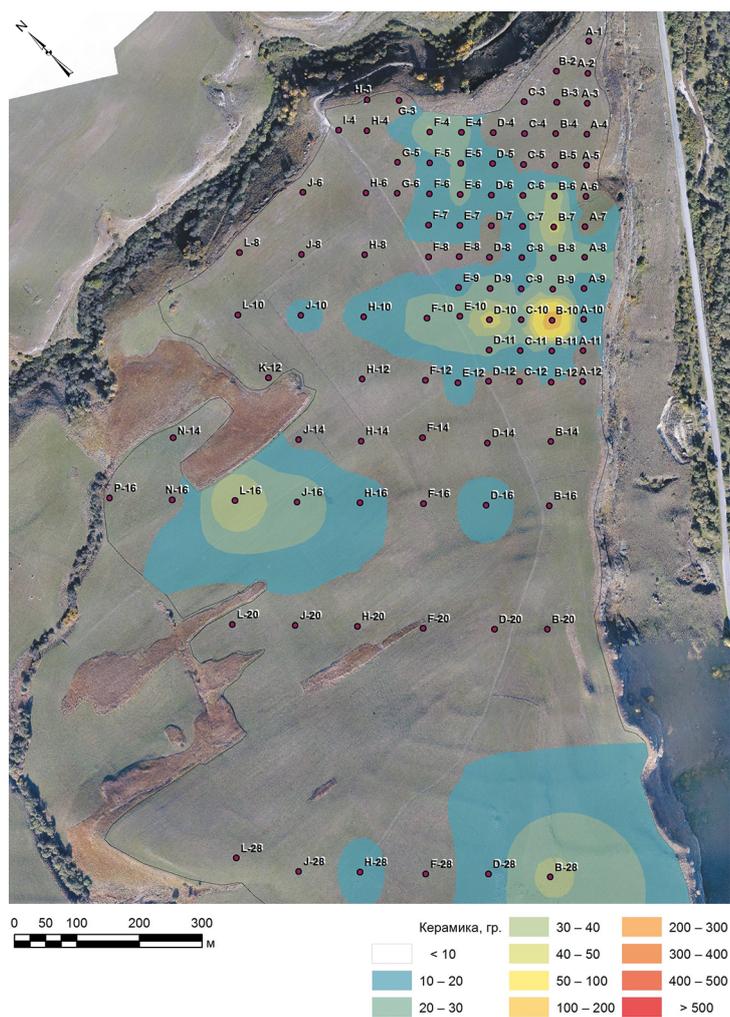

Рис. 6. Моделирование распределения веса неопределённой керамики в окрестностях укрепления Подкумское 3

Сложнее для интерпретации распределение керамики, определение которой затруднительно. Очевидно, сама процедура отнесения того или иного черепка к данной категории находок, описанная в [19, с. 167], приводит к тому, что эта посуда занимает промежуточное положение между керамикой кобанской и аланской культур, имея схожие черты и с той, и с другой. Косвенно это подтверждается результатами геостатистического анализа неопределённой керамики, происходящей из 59 почвенных разрезов (рис. 6). Наибольшее её количество приходится на разрез В-10, где обнаружено 166 г подобной керамики. Более 50 г найдено в разрезе D-10, находящемся неподалеку. В остальных разрезах встре-

чается менее 50 г такой керамики, причем ареал её совпадает с одной стороны с ареалом находок кобанской посуды: он отстоит от укрепленного поселения и занимает центральную часть мыса между линиями разрезов 5 и 12. Некоторое количество неопределённой керамики найдено в разрезе В-28 (33 г), где кобанская посуда встречается в изобилии. С другой стороны, в разрезах J-16 и L-16, где обнаружено значительное количество аланской керамики при практически полном отсутствии кобанской, имеется и 30–50 г керамики неопределённой. Таким образом, не исключено, что схожесть неопределённой керамики и с кобанской, и с аланской посудой влияет на полученный результат геостатистического анализа её пространственного распределения.

Интересно проследить залегание посуды разных культурно-хронологических этапов по глубине (рис. 7). Поскольку керамика в разрезах отбиралась с каждых 10 см, можно отобразить эту информацию картографически. Попластовое распределение кобанской керамики демонстрирует её незначительное количество в верхних двух пластах; на третьем и четвертом пласте максимальное количество керамики зафиксировано в разрезах В-20 и D-20. Далее на большей глубине (пласты 5–8) самое большое количество керамики — от 55 до 185 г — найдено в разрезе D-28, находящемся на древней террасе. Здесь кобанская керамика залегает в слое погребённой почвы. На восьмом пласте в разрезе А-8 обнаружен развал крупного сосуда весом в 385 г, что также отразилось на результатах геостатистического анализа. Наконец, девятый пласт даёт значительное количество керамики в разрезе В-6 (75 г) и небольшое количество — в нижних слоях погребён-

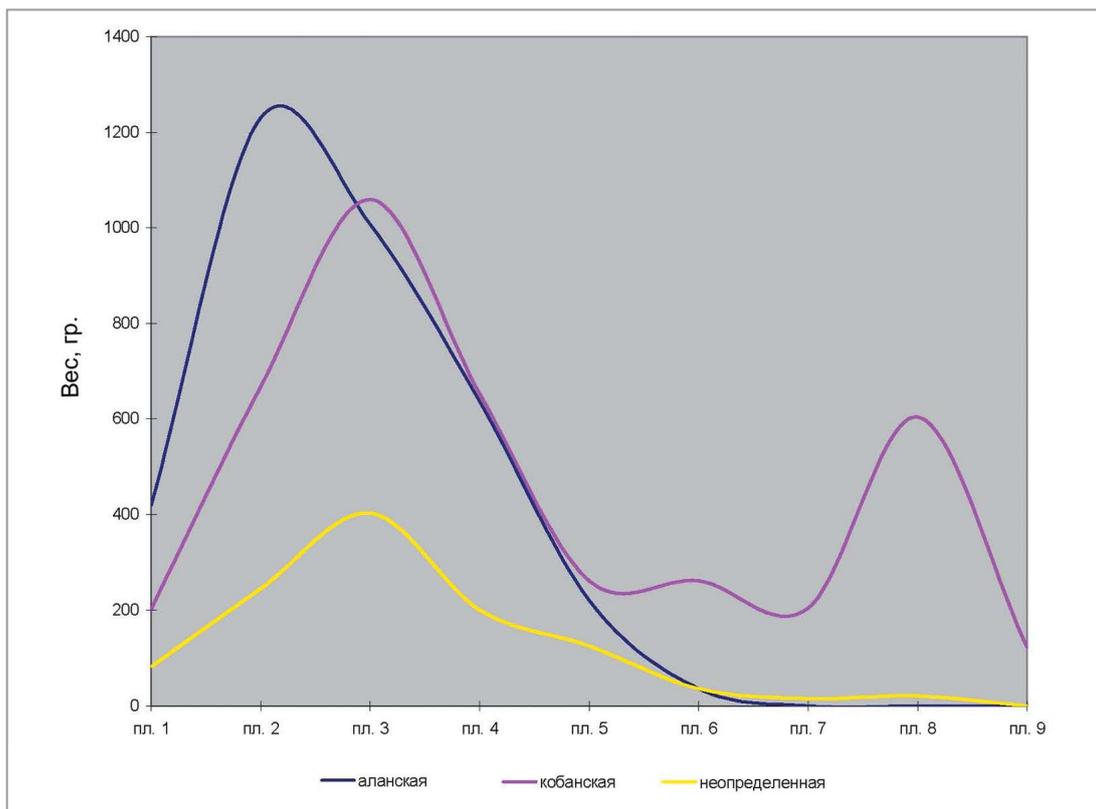

Рис. 7. Диаграмма распределения веса обнаруженной в разрезах керамики по пластам в 10 см

ной почвы на террасах в разрезах В-28 и D-28 (23–26 г).

Иные закономерности прослеживаются при попластовом анализе распределения аланской керамики (см. рис. 7). Здесь максимум керамики встречается в верхних трёх пластах, в особенности в прилегающих к укреплению разрезах А-1 – А-3. Второй и третий пласты, очевидно, маркируют залегание аланского пахотного слоя, поскольку именно в них повсеместно встречается керамика раннего средневековья. В некоторых случаях этот слой, скорее всего, продолжается и на четвёртом пласте. По крайней мере в разрезах J-8, N-16 и J-16 именно на этой глубине встречено от 32 до 64 г аланской керамики. Как уже упоминалось выше, значительное количество керамики из разреза А-3 (более 100 г) относится, по-видимому, к культурному слою существовавшего здесь поселения. Далее на пятом пласте количество керамики резко снижается – она встречается в значительном количестве лишь в разрезе

А-4 (более 100 г), который также, скорее всего, относится к поселению. Ниже количество аланской керамики минимально (немного её найдено лишь в разрезе В-28 – 22 г), а начиная с седьмого пласта она исчезает вовсе.

Как и в описанном выше случае с неопределённой керамикой, её распределение по пластам напоминает ситуацию и с кобанской, и с аланской посудой. Максимальное количество неопределённой керамики приходится на второй и третий пласты (см. рис. 7) – здесь она встречена в некотором количестве в 27–29 разрезах из 59. Начиная с четвёртого пласта количество неопределённой керамики уменьшается, но она продолжает встречаться и глубже, вплоть до восьмого пласта, где она найдена в единственном разрезе В-6 (21 г). Максимальное количество неопределённой керамики – чуть более 60 г – обнаружено в третьем пласте разреза В-10. В большинстве разрезов на один пласт приходится не более 20 г подобной керамики.

Заключение

Проведённый анализ показал разные зоны сельскохозяйственного освоения изучаемой территории в кобанскую и аланскую эпохи. Так, для эпохи позднего бронзового – раннего железного века характерна максимальная концентрация находок керамики в зоне разреза А-8, где, вероятно, находилось поселение кобанского времени. Ресурсная зона данного поселения, на которую с видимой интенсивностью вносились органические удобрения, охватывала пространство на удалении в 200–300 м от данного места обитания. Кроме того, значительное число фрагментов посуды этого периода, а также костей животных было обнаружено в разрезе D-28, устроенном на сельскохозяйственной террасе, в юго-западной части изучаемого комплекса. Расположенные поблизости на других террасах разрезы также несли значительное количество керамического материала и маркировали зону сельскохозяйственного освоения уже другого поселения, которое, скорее всего, находилось неподалеку, но не попало в изучаемое разрезами пространство.

Максимальная концентрация керамики эпохи раннего средневековья приходится на разрез А-3; далее наблюдается постепенное снижение количества керамических фрагментов по мере удаления от укрепления Подкумское 3 и постепенное исчезновение аланской керамики в разрезах, находящихся на расстоянии более 650–700 м от крепости. Пространство интенсивного внесения удобрений в основном охватывало радиус около 500 м от раннесредневекового поселения, далее следовала зона менее интенсивной сельхозобработки. На расстоянии около 900 м в западном на-

правлении имелась ещё одна зона регулярной распашки (разрезы J-16 – N-16), очевидно, также относящаяся к укреплению Подкумское 3. Далее после некоторого перерыва в юго-западной части исследуемой в 2018 г. территории обнаружена периферия ресурсной зоны следующего ранне-средневекового поселения, которое также не попало в сферу нашего внимания.

Что касается пространственных закономерностей распространения неопределённой керамики, то оно может отражать промежуточный характер между распределением кобанского и аланского керамического материала в силу неразработанности критериев выделения данной посуды. Очерченные геостатистическим анализом ареалы данной керамики имеют характерные черты, присущие материалам как той, так и другой археологической культуры.

Основной вывод, полученный при геостатистическом анализе керамики из почвенных разрезов, сводится к следующему: более 100 г керамики на один пласт в разрезе, скорее всего, отражает присутствие поселенческих структур и культурных слоёв, либо соотносится с погребённой почвой сельскохозяйственных террас кобанского периода, где насыщенность керамическим материалом достаточно высока [13, с. 184–185]. Зона интенсивного внесения удобрений, вероятно, совпадает с количеством керамики более 30 г на почвенный разрез в целом, тогда как менее интенсивная обработка маркируется меньшим количеством керамики. Данные показатели будут соотноситься впоследствии с результатами химического и микробиологического анализа почвенных свойств изученных разрезов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Williamson T.M. The Roman Countryside: Settlement and Agriculture in N.W. Essex // *Britannia*. 1984. Vol. 15. P. 225–230.
2. Wilkinson T.J. Extensive Sherd Scatters and Land-Use Intensity: Some Recent Results // *Journal of Field Archaeology*. 1989. Vol. 16, 1. P. 31–46.

3. Bintliff J. The concepts of 'site' and 'offsite' archaeology in surface artefact survey // *Non-Destructive Techniques Applied to Landscape Archaeology* / Ed. by M. Pasquinucci, F. Trément. Oxford: Oxbow Books. 2000. P. 200–215. (The Archaeology of Mediterranean Landscapes; Vol. 4).
4. Jarman M.R. A territorial model for archaeology: a behavioral and geographical approach // *Models in Archaeology* / Ed. by D.L. Clarke. London: Methuen & Co Ltd., 1972. P. 705–733.
5. Jarman M.R., Vita-Finzi C., Higgs E.S. Site catchment analysis in archaeology // *Man, settlement and urbanism* / Ed. by P.J. Ucko, R. Tringham, G.W. Dimbleby. London: Duckworth, 1972. P. 61–66.
6. Higgs E.S., Jarman M.R. Paleoeconomy // *Paleoeconomy* / Ed. by E.S. Higgs. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. P. 1–8.
7. Barker G.W.W. Prehistoric territories and economies in Central Italy // *Paleoeconomy* / Ed. by E.S. Higgs. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. P. 111–175.
8. Hodder I., Orton C. *Spatial Analysis in Archaeology*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1976. (New studies in archaeology; 1).
9. Foley R. Space and Energy: A Method for Analysing Habitat Value and Utilization in Relation to Archaeological Sites // *Spatial Archaeology* / Ed. by D. Clarke. London; New York; San Francisco: Academic Press, 1977. P. 163–187.
10. Sjöberg A. Phosphate Analysis of Anthropogenic Soils // *Journal of Field Archaeology*. 1976. Vol. 3, 4. P. 447–454.
11. Widgren M. Settlement and farming systems in the early Iron Age. A study of fossil agrarian landscapes in Östergötland, Sweden. Stockholm: Almquist & Wiksell Int., 1983. (Acta Universitatis Stockholmensis, Stockholm Studies in Human Geography; 3).
12. Thurston T.L. *Landscapes of Power, Landscapes of Conflict. State Formation in the South Scandinavian Iron Age*. New York; Boston; Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2001.
13. Борисов А.В., Коробов Д.С. Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине: итоги почвенно-археологических исследований. М.: ТАУС, 2013.
14. Korobov D.S., Borisov A.V. The origins of terraced field agriculture in the Caucasus: new discoveries in the Kislovodsk basin // *Antiquity*. 2013. Vol. 87, 338. P. 1086–1103.
15. Чернышёва Е.В., Борисов А.В., Коробов Д.С. Биологическая память почв и культурных слоёв археологических памятников. М.: ГЕОС, 2016.
16. Chernysheva E.V., Korobov D.S., Khomutova T.E., Borisov A.V., 2015. Urease activity in culture layers at archaeological sites // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 57. P. 24–31.
17. Chernysheva E.V., Borisov A.V., Korobov D.S. Thermophilic microorganisms in arable land of archaeological sites: novel evidence of ancient manuring // *Geoarchaeology*. 2017. Vol. 32/4. P. 494–501.
18. Коробов Д.С. Новые результаты компьютерного ГИС-моделирования ресурсных зон аланских поселений Кисловодской котловины I тыс. н.э. // *Археология и геоинформатика*. Вып. 8. [Электронный ресурс] / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев, Д.С. Коробов. 2017. М.: ИА РАН, DVD-ROM.
19. Коробов Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). Т. 1. М., СПб.: Нестор-История, 2017.
20. Коробов Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. Т. 2. Каталог поселений Кисловодской котловины. М.; СПб.: Нестор-История, 2017.
21. Miller N.F., Gleason K.L. Fertilizer in the Identification and Analysis of Cultivated Soil // *The Archaeology of Garden and Field* / Ed. by N.F. Miller, K.L. Gleason. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1994. P. 25–43.
22. Ford S., Bowden M., Gaffney V., Mees G.C. The «Celtic» Field Systems on the Berkshire Downs, England // *The Archaeology of Garden and Field* / Ed. by N.F. Miller, K.L. Gleason. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1994. P. 153–167.
23. O'Connor T., Evans J.G. *Environmental Archaeology: Principles and Methods*. Stroud: Sutton Publishing, 2005.

ENGLISH

Site-Catchment Study of Kislovodsk Depression

Dmitry Sergeevich Korobov – DSc in History, Head of the Theory and Methodology Department, Institute of Archaeology under the auspices of the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “Archaeology of Site Catchment: Comprehensive Soil-Archaeological Survey of the Landscape around the Ancient and Medieval Settlements of Kislovodsk Depression” (18-09-00615a).
E-mail: dkorobov@mail.ru

The publication focuses on 2018 findings of a comprehensive soil-archaeological survey of the multi-temporal settlements catchment within Kislovodsk Depression. The most in-depth study was conducted in the vicinity of Podkumskoye 3 fortification (5th – 8th centuries AD), where 100 soil sections were laid along a regular network with 50 m step at different distances from the habitat zone. In the soil sections, archaeological material was recorded layer by layer, the description of soil profiles and sampling for chemical and microbiological tests were carried out. The samples were tested for active microbial biomass, urease activity, saprotrophs, magnetic susceptibility and phosphates.

This paper deals only with the findings of ceramics as a marker of farming practiced by ancient and medieval people living in this site. In total, about 2,380 fragments of pottery with a total weight of about 9 kg were discovered. A preliminary analysis of the spatial distribution of ceramics was carried out using the geostatistical module of ArcGIS software. It clearly showed different areas of farming in the Koban and Early Alanian areas. Now, the team is working on the analysis of the obtained material and soil samples for the detailed reconstruction of the site catchment in terms of farming.

Keywords: landscape archeology, the North Caucasus, Kislovodsk basin, the Bronze Age, the Early Iron Age, the Early Middle Ages, archaeological soil science

REFERENCES

1. Williamson T.M. The Roman Countryside: Settlement and Agriculture in N.W. Essex // *Britannia*. 1984. Vol. 15. R. 225–230.
2. Wilkinson T.J. Extensive Sherd Scatters and Land-Use Intensity: Some Recent Results // *Journal of Field Archaeology*. 1989. Vol. 16, 1. P. 31–46.
3. Bintliff J. The concepts of ‘site’ and ‘offsite’ archaeology in surface artefact survey // *Non-Destructive Techniques Applied to Landscape Archaeology* / Ed. by M. Pasquinucci, F. Trément. Oxford: Oxbow Books. 2000. P. 200–215. (The Archaeology of Mediterranean Landscapes; Vol. 4).
4. Jarman M.R. A territorial model for archaeology: a behavioral and geographical approach // *Models in Archaeology* / Ed. by D.L. Clarke. London: Methuen & Co Ltd., 1972. P. 705–733.
5. Jarman M.R., Vita-Finzi C., Higgs E.S. Site catchment analysis in archaeology // *Man, settlement and urbanism* / Ed. by P.J. Ucko, R. Tringham, G.W. Dimbleby. London: Duckworth, 1972. P. 61–66.
6. Higgs E.S., Jarman M.R. *Paleoeconomy* // *Paleoeconomy* / Ed. by E.S. Higgs. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. P. 1–8.
7. Barker G.W.W. Prehistoric territories and economies in Central Italy // *Paleoeconomy* / Ed. by E.S. Higgs. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. P. 111–175.

8. Hodder I., Orton C. *Spatial Analysis in Archaeology*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1976. (New studies in archaeology; 1).
9. Foley R. *Space and Energy: A Method for Analysing Habitat Value and Utilization in Relation to Archaeological Sites* // *Spatial Archaeology* / Ed. by D. Clarke. London; New York; San Francisco: Academic Press, 1977. P. 163–187.
10. Sjöberg A. Phosphate Analysis of Anthropogenic Soils // *Journal of Field Archaeology*. 1976. Vol. 3, 4. P. 447–454.
11. Widgren M. *Settlement and farming systems in the early Iron Age. A study of fossil agrarian landscapes in Östergötland, Sweden*. Stockholm: Almquist & Wiksell Int., 1983. (Acta Universitatis Stockholmensis, Stockholm Studies in Human Geography; 3).
12. Thurston T.L. *Landscapes of Power, Landscapes of Conflict. State Formation in the South Scandinavian Iron Age*. New York; Boston; Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2001.
13. Borisov A.V., Korobov D.S. *Drevnee i srednevekovoe zemledelie v Kislovodskoy kotlovine: itogi pochvenno-arkheologicheskikh issledovaniy*. M.: TAUS, 2013 (in Russian).
14. Korobov D.S., Borisov A.V. The origins of terraced field agriculture in the Caucasus: new discoveries in the Kislovodsk basin // *Antiquity*. 2013. Vol. 87, 338. P. 1086–1103.
15. Chernyshyova E.V., Borisov A.V., Korobov D.S. *Biologicheskaya pamyat' pochv i kul'turnykh sloyov arkheologicheskikh pamyatnikov*. M.: GEOS, 2016 (in Russian).
16. Chernysheva E.V., Korobov D.S., Khomutova T.E., Borisov A.V., 2015. Urease activity in culture layers at archaeological sites // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 57. P. 24–31.
17. Chernysheva E.V., Borisov A.V., Korobov D.S. Thermophilic microorganisms in arable land of archaeological sites: novel evidence of ancient manuring // *Geoarchaeology*. 2017. Vol. 32/4. P. 494–501.
18. Korobov D.S. *Novye rezul'taty komp'yuternogo GIS-modelirovaniya resursnykh zon alanskikh poseleniy Kislovodskoy kotloviny I tys. n.e.* // *Arkheologiya i geoinformatika*. Vyp. 8. [Elektronnyy resurs] / Otv. red. G.E. Afanas'ev, D.S. Korobov. 2017. M.: IA RAN, DVD-ROM (in Russian).
19. Korobov D.S. *Sistema rasseleniya alan Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v I tys. n.e. (landshaftnaya arkheologiya Kislovodskoy kotloviny)*. T. 1. M., SPb.: Nestor-Istoriya, 2017 (in Russian).
20. Korobov D.S. *Sistema rasseleniya alan Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v I tys. n.e. T. 2. Katalog poseleniy Kislovodskoy kotloviny*. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2017 (in Russian).
21. Miller N.F., Gleason K.L. *Fertilizer in the Identification and Analysis of Cultivated Soil* // *The Archaeology of Garden and Field* / Ed. by N.F. Miller, K.L. Gleason. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1994. P. 25–43.
22. Ford S., Bowden M., Gaffney V., Mees G.C. *The «Celtic» Field Systems on the Berkshire Downs, England* // *The Archaeology of Garden and Field* / Ed. by N.F. Miller, K.L. Gleason. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1994. P. 153–167.
23. O'Connor T., Evans J.G. *Environmental Archaeology: Principles and Methods*. Stroud: Sutton Publishing, 2005.

С.И. РЫЖАКОВА*

Индийские артистические сообщества и практики транса: локальные традиции Гуджарата, Ассама и Кералы

В статье представлены материалы комплексного сравнительного культурно-антропологического исследования индийских артистических сообществ — наследственных музыкантов, танцоров, актёров, исполнителей эпических сказаний, разыгрывающих ритуальную драму, мастеров боевых искусств. Своеобразной общей индийской особенностью является сочетание в их деятельности трёх факторов: артистических навыков, передаваемых в ходе регулярного обучения; религиозно-служебного (большинство художественных действий так или иначе посвящено определённым культам и/или оказывается частью обрядовых действий) и навыков контролируемого транса, достижения специфических психофизических состояний, которые в данном случае включают публичное перевоплощение и умение влиять на зрителей. Этнографический материал, полученный в ходе экспедиции, позволяет проследить социальный и психологический профиль ряда наследственных артистических сообществ.

Ключевые слова: Индия, исполнительские искусства, транс, артистические сообщества, одержимость, этнография

Экспедиционная работа в Индии в 2018 и в феврале 2019 г. велась в Нью-Дели, Калькутте (штат Западная Бенгалия), Ахмедабаде (штат Гуджарат), Гувахати (штат Ассам), Бхопале и на плато Амаркантак (штат Махья-Прадеш), в Вардхе (штат Махараштра), городе Алигарх, в ряде городов и их окрестных деревень штата Западная Бенгалия (Муршидабад, Даулатабад, Джалпайгури), в деревнях областей Саураштра и Качский Ранн штата Гуджарат, в деревнях района Дарранг

штата Ассам, района Суджангарх штата Раджастхан, в северных районах Кералы (Касаргод, Каннур). Исследовались сообщества, традиционно практикующие музыку, танец и драматическое исполнение историй в разных жанрах (*бхаваи, райбаниши, акхра, сатрия, оджапалли*) и в прошлом (а в некоторых случаях и поныне) связанные системой взаимных обязательств с представителями других (почти всегда занимающих более высокое социальное положение) каст, а иногда — этнических и религиоз-

* **Рыжакова Светлана Игоревна** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, руководитель проекта «Одержимость, служение, лицедейство: о границах и взаимосвязи индивидуального транса, религиозного почитания и художественного начала в индийских артистических традициях» (18-09-00389а).
E-mail: SRyzhakova@gmail.com

ных групп. Был собран обширный материал (записи бесед, наблюдений, видеофиксация, фотоархив).

Основными целями стали выявление конкретных сообществ, описание их этнокультурных особенностей, религиозной культуры, выяснение, практикуют ли они в настоящее время своё кастовое занятие или обратились к другим профессиям. Было выявлено, как и что представляли и ныне представляют профессиональные индийские артистические сообщества, как организована повседневная жизнь их семей, как выстраивается психология сценического преобразования, какую роль играет сегодня гендерный фактор, как меняются социальные функции этих традиций и профиль их носителей при глобализации и в рамках культурной политики современной Индии. Кроме того, предполагалось очертить статус исполнительского жанра, «держателями» которого они традиционно были: существует ли он в культурном профиле данного региона и/или штата, какую ценность он представляет для исполнителей и зрителей, существует ли (и если да, то какого рода) система его патронажа.

Большой интерес представляет и тема необычных состояний сознания, которые можно объединить в рамках понятий транса и одержимости и с которыми исследуемые нами сообщества хорошо знакомы. Начато составление глоссария понятий на разных вернакулярных языках Индии (хинди, урду, гуджарати, бенгали, ассами, тулу, малаялам и др.), обозначающих состояния транса и одержимости. Необходимо обрисовать круг значений, сеть ассоциативных рядов [1], которые имеются в контексте данной культуры, социума или ареала и подчас плохо поддаются переводу.

Обратимся к полученным материалам трёх локальных традиций — *бхаваи*, *оджапалли* и *калияттам*, распространённых в определённых районах разных штатов Индии (Гуджарат, Ассам и Керала). Все они до сих пор не были представлены

в отечественной индологии (за некоторым исключением калияттам, см. [2]).

Бхаваи Гуджарата: обряд, развлечение, социальная обязанность

Театр *бхаваи* распространён в северных районах (главный его центр находится в городке Унджха) и ряде районов полуострова Саураштра штата Гуджарат. Это представление спектакля, носящего светский и во многом развлекательный характер. Однако контекст этого представления — время, место, предварительная музыкальная (фото 1), танцевальная и драматическая части — имеют ритуальный характер: они посвящены богам (и прежде всего, Ганapati, Кали и Амбике), разыгрываются ночью, зачастую в рамках храмовых праздников. Особенно отчётливо это видно в таком обязательном элементе *бхаваи*, как *Кали-но-веш* — явление актёра в облике богини Кали с сосудом на голове, в котором горит огонь. *Бхаваи* до сих пор представляется артистическим сообществом *таргала*, состоящим из трёх подкаст: *найки*, *вьасы* и *бходжаки*. Они занимают своё место в общей социальной структуре, предполагающей систему взаимных обязательств между представителями разных кастовых, этнических и религиозных групп.

В 2018 г. исследование проходило в северном Гуджарате (деревни Ирана и Кадри), в Ахмедабаде (в Таргалаваре — районе Ахмедабада, где проживают представители кастового сообщества *таргала*) и в Саураштре (деревня Нанабала недалеко от Дрол). Подробно изучены экспозиция и коллекции Музея Фонда Шреяса в Ахмедабаде, известного богатой коллекцией предметов по истории исполнительского искусства и этнографии Гуджарата.

Важным информантом стала Биджал Хариа, преподавательница танцевального стиля *кучипуди*, знаток символики и хода *гарбы*; её муж принадлежит к джайнской семье, благодаря чему представилась возможность выяснить любопытные

Фото 1. Музыканты из традиционных артистических семей каст вьяс и вагхела в представлении пьесы «Раджа Бхаратхари-ну-веш» в жанре бхаваи на фестивале 8 Theatre Olymics, Нью-Дели. Директор Кану Патель. Фото С. Рыжаковой. 20.02.2018 г.

связи индуистских и джайнских культов в контексте как *гарбы*, так и *бхаваи*, прежде всего, в рамках культа богини Амбикки. Благодаря связям Биджал открылся доступ к нескольким различным пространствам проведения *гарбы*: в частные дома, в Гольф-клуб, в три высших учебных заведения (СЕРТ, Indian Institute for Desighne), по-разному воспроизводящих единую в принципе модель.

Большое содействие мне оказали сотрудники регионального офиса Индийского совета по культурным связям, театральные режиссёры и актёры, знатоки *бхаваи*, не принадлежащие к сообществу *таргала*, Арчан и Нисарг Триведи, Кану и Суреш Патель из города Ананд. Важными информантами стали Бхарат Равал (носитель традиции так называемого *бхаваи нритья* — танца с мечом и платком, состоящего из одних поворотов) (фото 2), Арпан Наяк (энтузиаст, знаток истории и культуры касты *наяков*, с ко-

торым мы записали несколько часов видеоинтервью), Бхаратбхай Вьяс и Правин Бхай Ганапат Наяк (руководители трупп *бхаваи*). Ценные интервью в Ахмедабаде мы записали с этномузыковедом Прачи Дубей, преподавателем факультета драмы Университета Ахмедабада Врундаван Вайдья, фольклористом Бхагавандас Патель и социальным активистом Утпала Десаи. Большую помощь оказали руководитель фольклорной танцевальной группы из города Латипур Махендрабхай Андани и Джигнешвар Девпрасад Агарват из города Дрол.

Исследование 2018 г. шло в период важнейшего в Гуджарате праздника Наваратри (октябрь) и поэтому неизбежно сочеталось с традицией исполнения *гарбы* (краткое обозначение целого комплекса обрядов, увеселений и танцевальных представлений, выполняющих как социальную, так и религиозно-культурную функцию). Было записано около 20 про-

должительных бесед, сделана видеосъёмка двух полных ночных представлений *бхаваи* (на окраине Ахмедабада и в деревне Ирана).

Целью работы в Гуджарате в 2018 г. было расширение понимания социального контекста формирования артистического сообщества *таргала*, а также выявление особенностей их отношения к тем состояниям, которые можно обозначить как транс и одержимость. Важно было прояснить различия между *наяками*, *вьясами* и *бходжаками*. Оказалось, что отчасти они носят региональный характер: в то время как *наяки* и *бходжаки* расселены в Северном Гуджарате, хорошо осведомлены друг о друге, *вьасы* – жители более отдалённых районов Саураштры, Сурендранagara и западнее. *Наяки* практически не встречаются с ними. Второе различие оказалось конфессиональным: *бходжаки* могут быть джайнами, и они же обслуживают джайнские семьи. Численно их меньше, чем *наяков* и *вьасов*. Однако при характеристике самого понятия *таргала* часть информан-

тов говорит о единой касте, разделившейся со временем на три потока, что моделируется в легенде о «трёх сыновьях Асаиты Тхакура», легендарного основателя театра *бхаваи* в начале XIV в.

Выяснилось, что *наяки*, *вьасы* и *бходжаки* связаны с тремя культами: с Ганешей, богиней Амбика (которая имеет две «аффилиации» – индуистскую и джайнскую) и богиней Бахучарой, что имеет принципиальное значение при интерпретации их социальной конфигурации, а также и для объяснения владения техникой переменны идентичности в ходе представления (фото 3). Любопытно, что благодаря последней они «освобождены» от необходимости подавать милостыню *хиджра* – обществу гермафродитов, в которое также входят и другие люди со сложной или неоднозначной сексуальной идентичностью. Как рассказал Арпан Найк, согласно обычаю, *хиджра* не имеют права просить и получать деньги, даже самую малую сумму, от *наяков*: это им запрещено богиней Бахучарой, с которой *хиджра* и *наяки* тесно связаны. Получается, что в рели-

Фото 2. Бхарат Рават, исполнитель уникального танцевального стиля *бхаваи нритья*. 15.10.2018 г. Ахмедабад. Гуджарат. Фото С. Рыжаковой

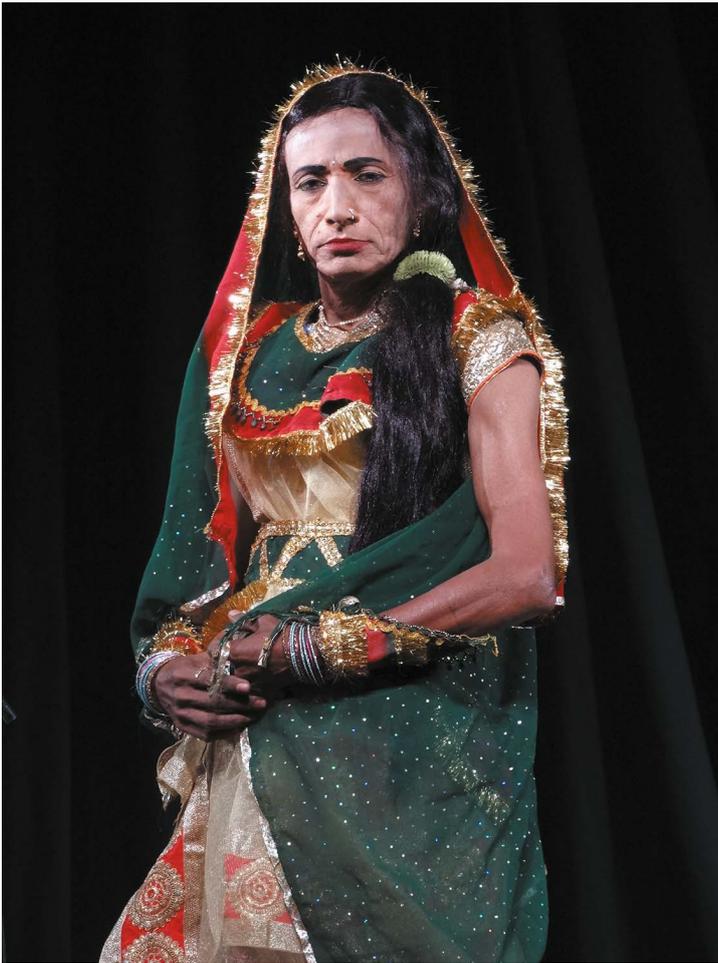

Фото 3. Вьяс Джиту Канубхай в роли Калавати.

Представление пьесы «Раджа Бхартхари-ну-веш» в жанре *бхаваи* на фестивале «8 Theatre Olympics», Нью-Дели. Директор Кану Патель. Фото С. Рыжаковой. 20.02.2018 г.

гиозно-культурном отношении они своего рода «братья». Дело в том, что Бахучара покровительствует актёрам, помогая им играть женские роли и потом возвращаться к своей мужской ипостаси «безболезненно». Интересно также представление, что именно поэтому среди *наяков* никогда не рождаются люди-хиджры (т.е. с признаками гермафродитизма; что вряд ли правда, но во что они свято верят и гордятся).

Все представители сообщества *таргала* считают себя брахманами и носят священный шнур, однако факт их «брахманства» подвергается сомнению со стороны ряда других брахманов Гуджарата. Примечательно, что *наяки*, как оказалось, выполняли для жителей деревень ряд об-

рядов, которые во многих случаях закреплены за другими брахманами, в частности, имянаречение и первое кормление ребёнка твёрдой пищей.

Что касается одержимости, то в рамках *бхаваи* она отсутствует полностью, хотя может практиковаться параллельно, в рамках одного празднования в одной деревне. Но это будут другие люди, другое время и другое пространство (что удалось увидеть на праздновании девятого дня *Наваратри* в деревне Ирана).

Сеансы одержимости я наблюдала в деревне Ирана, однако они были связаны с ночным представлением *бхаваи* и впадавшие в транс люди не принадлежали к *таргала*. Это было связано с комплексом обрядов, посвящённых богине Кали, и культом змеиного божества Гоги Чоухана (известного также, и даже ещё больше, в Раджастхане). *Наяки* же, по-видимому, дистанцируются от такого рода действий. Позднее, в беседе с Арпаном, я услышала и критику людей, утверждающих, что они одержимы, и уж тем более — одержимы богиней Кали. «Человек, не раз бывший под арестом и сейчас находящийся под наблюдением полиции, — какое отношение он может иметь к Кали? Никакого! Он жулик и мошенник. Я его хорошо знаю. Он притворяется, он не одержим».

Адепты Гоги могут спонтанно впасть в состояние одержимости: достаточно было поднести к его лицу ароматические курения, которые до того находились на алтаре святыни Гоги. Но в обоих случаях нет никакого театрального представления, никакого специального сценария. Единственное, при них обязательно будет присутствовать человек, контролирующий их поведение. Этим людей используют как медиумов для предска-

заний. Медиум Кали раздавал благопожелания, *аширвад*. При этом состояния, похожие на транс, хорошо известны в арсенале художественных средств представления *бхаваи*, а главной целью вхождения в транс является стремление более ярко продемонстрировать ту или иную эмоцию (само слово «*бхаваи*» можно перевести как «процесс порождения и восприятия эмоциональных состояний»).

В результате исследования 2018 г. подтвердилось наше наблюдение постепенного, но не полного исчезновения как традиционного пространства представления *бхаваи*, так и деятельности трупп. По-видимому, в настоящее время существует около 30 регулярно действующих трупп (в середине XX в. их были сотни), которые выступают по приглашению деревенских и реже городских панчаятов (советов, выполняющих административную функцию). В ходе непосредственного знакомства с тремя труппами я выяснила, что традиция передачи *бхаваи* как ремесла внутри семей постепенно исчезает: молодое поколение няяков и вясов выбирает иные сферы деятельности. Тем не менее ещё остаются люди среднего и старшего поколений, прекрасно владеющие навыками этого искусства, способные рассказать о смыслах и значении всех артефактов (главный среди которых — духовой инструмент *бунгаль*), а некоторые прогрессивные театральные режиссёры (Арчан Триведи, Нисарг Триведи) находят способ ввести *бхаваи* в репертуар профессиональных трупп.

Оджа-палли Ассама: сказительство, «явление» мифа и практика одержимости

Вторая изучавшаяся традиция — это *оджа-палли* Ассама, также своего рода «народный театр», представляемый в деревнях, в *сатрах* (религиозных центрах реформированного кришнаизма традиции бхакти Шанкардевы [3]), и не только в рамках религиозного служения. Од-

жа-палли — прежде всего сказительская традиция представления нараспев мифологических историй, что сопровождается специфической жестикულიцией и иногда танцем [4]. *Оджа-палли* делится на две большие субтрадиции: *биах* (от санскритского *вьяса* — имя легендарного создателя эпоса Махабхарата), связанной с культом Вишну, и *сукнани*, посвящённой змеиной богине Манасе.

Главными помощниками стали Прабодх Джинган (исследователь театра, многие годы работавший в Северо-Восточном горном университете в Шиллонге, штат Мегхалайя), его сотрудница Пураби Баруа (исследовательница традиции экстатического танца *деодхани*), Лопамудра Дас (докторантка Университета Тезпура, изучающая теорию и практику *оджа-палли*), Сеуджприя Госвами (актриса и танцовщица из *Sattriya Dance Academy* (Гувахати), ученица и невестка Джатина Госвами) и Дулал Рой (известный ассамский театральный режиссёр и знаток местных традиционных исполнительских искусств).

Важнейшую танцевально-драматическую традицию Ассама, ставшую ныне «брендом» штата, *сатрию* (или *саттрию*), я исследовала в прошлые годы [5]; главными задачами полевой работы 2018 г. стали выяснение её возможной связи с традицией *оджа-палли* и стоящие за обеими традициями артистические сообщества. *Сатрия* формировалась с 1970-х гг. как профессиональная форма сценического танца (где за основу взяты представления в сатрах), исполняемого монахами-бхакатами, традиционно только мужчинами и мальчиками, ведущими уединённый образ жизни в сатрах и получающих регулярную артистическую подготовку. Они могли происходить из разных каст. Представление *анкхья-нат*, одноактной драмы, основанной на мифологической истории из жизни Кришны, стало здесь главной формой исполнения культа и способом религиозного действия. Стиль *сатрия* формировался на основе

этой ритуальной драмы, а также некоторых музыкальных форм (групповая, реже сольная игра на барабанах и цимбалах) и элементов народного танца.

Оджа-палли образует отдельную исполнительскую традицию Ассама, хотя некоторые его элементы были освоены монахами-бхакатами и позднее вошли в стиль *самрия* (этот вопрос ещё требует прояснения). Его носители – широкий в социальном смысле круг людей, которые могут принадлежать разным кастам и этническим группам (ахом, раджбанси, бодо и др., в основном тибето-бирманские сообщества). Главное действующее лицо здесь – *оджа*, сказитель, знаток мифологических текстов, владеющий музыкальными и артистическими навыками их исполнения. Кроме того, он – что особенно явно в традиции *сукнани* – обладает умением контролировать транс, в который впадают танцовщицы *деодхани*. *Палли* – группа помощников *оджи*, подпевающих ему, танцующих, играющих на музыкальных инструментах. *Деодхани* же – танцовщицы, ныне крайне малочисленны и чрезвычайно маргинализированы. Они исполняют роль важнейшей героини мифа о Манасе – Бехулы, танцуют экстатический танец, оказываются одержимы и впадают в продолжительный транс, в который их вводит и из которого выводит *оджа*. К этой теме в своих работах впервые обратился фольклорист Набин Чандра Шарма [6].

В районе Дарранг Ассама развитая традиция *оджа-палли* существует в обеих формах, *биах* и *сукнани* (здесь действует около 70 групп), однако полностью отсутствуют (что ещё надо уточнить) настоящие (т.е. впадающие в транс) *деодхани*. Одновременно их танец постепенно (и это началось уже в 1990-е гг.) становится фактом сценического представления танцовщицами, которые никогда не испытывали ни одержимости, ни трансa, но стараются их имитировать в выступлении, длящемся, как правило, не более 15 минут.

Пожалуй, единственное специальное этнографическое исследование реальных *деодхани* (с примерами из восточноасамского района Гоалпара, все информантки принадлежат этнической группе бодо) провела Пураби Баруа из Тезпура. Я записала её длительное интервью с детальными рассказами о трудностях подобного исследования. Различную информацию о том, чем является танец *деодхани*, я получила в деревнях района Дарранг, а также почерпнула из интервью и бесед в Гувахати. Два исполнения танца *деодхани* в его имитационном сценическом варианте записаны на видео. Весьма интересен процесс освоения сказительской традиции *оджа-палли* (традиционно исключительно мужской компетенции) женщинами, выступающими на сцене. Это повторяет случай с наследием *самр*, с танцевальной практикой монахов-бхакатов: в настоящее время их действия имитируют женщины, использующие элементы мужского облачения. В будущем предполагается продолжить полевую работу с Лопой Дас, а некоторые фрагменты работы Пураби Баруа, как и части интервью, будут переведены и опубликованы в готовящихся статьях по настоящему проекту. Изучив все полученные материалы, можно будет уточнить характер психологической трансформации, известной монахам-бхакатам *самр* в их культовой и исполнительской практике, и особенности трансa в традиции *оджа-палли*.

Бхута-колам, дайва-нема, калияттам, арадхане, майме. Ритуал и «тотальный театр» Тулунаду

Третья традиция, изучение которой продолжилось в феврале 2019 г. (именно на этот месяц выпадает наибольшее число представлений), это *дайва-арадхане*, имеющая ряд других обозначений: *бхута-колам, калияттам, тейям*; см. [2, 7] (фото 4). Основная работа проходила в северном Малабаре, в районах Касаргода и Каннура. Мне содействовали сотруд-

Фото 4. Обряд калияттам: явление *тейяма*. При дворце в Майпади. 1.03.2019. Район Касаргода, Керала. Фото предоставлено Сушобитом Кришной Варма

ники Государственного колледжа Касаргода — Балакришна, Ашалата и Сатиш, Камалакша, жители деревни Кудлу и Аджай Кумар (Чауки), а также члены княжеской семьи из Майпади (особенно Сушобхит Кришна Варма). Исследовались сообщества перформеров (*налке*, *малаян* и других) и ход проведения ритуально-театрализованных действий. Была обнаружена

ярко выраженная культурная и языковая гибридность области вокруг Касаргода (территории, известной как «пространство семи языков»; действительно, мультилингвистичность характерна для множества семей).

Здесь бытуют обряды *колам*, где почитаются *дайва* (божества) тулуязычных групп, и *тейямы*, говорящие на малая-

лам (фото 5). Зафиксированы ход действия и значение пяти ритуалов различной длительности — от суток до полутора часов. Среди них — один уникальный, редко проводимый обряд Джатадхари *майме* (это слово языка тулу, происходящее от санскритского *махиме* — «возвеличение») в храме Дургапарамешвар недалеко от Касаргода. Благодаря разрешению храмового комитета я не только присутствовала на этом исключительно мужском обряде, но смогла зафиксировать его на фото и видео. До сих пор нет описаний (тем более визуального материала) этого обряда в литературе и архивах. Перформер представлял Джатадхари — одну из форм Шивы, что дополняется представлением им же в другой, близкий по времени день, образа богини, супруги Шивы. В ходе общения с перформерами из каст *ваннан*, *налке*, *копалан* (до и после ритуалов) удалось сделать ряд уточ-

нений по поводу обычаев и традиций их семей, социальных и ритуальных связей с представителями других каст и символы исполняемых ими обрядов (фото 6).

Полностью подтвердились догадки о «тотальности» театрализованных ритуалов Тулунаду, их высокой социальности и способности интегрировать элементы разного этнического и конфессионального происхождения; ярким примером тому служит *Али-тейям*, представление мусульманского *тейяма*, тесно связанного с индуистскими священными образами.

Ценными стали встречи и беседы с «активистом *тейяма*» Шрикантом (из Пайянура) и театральным режиссёром Шашикумаром (из Каннура), которые осуществили сценическую постановку одного из представлений *тейяма*, Каттиваннур виран, впервые на фестивале Бхарата Ранга Махотсав в феврале 2019 г. в Дели. Ис-

Фото 5. Бхута-колам в деревне Кудду. Район Касаргода. Керала. 24.02.2019.
Фото предоставлено Ашалатой

Фото 6. С. Рыжакова получает благословение от Панджурли дайвы. 20.02.2019 г. Дхармашри Нилаям, Бларкоде, Кудлу, район Касаргорда, Керала. Фото из коллекции автора

полнителем здесь стал представитель традиционной касты *ваннан*. В то время как само ремесло *арадхане* до сих пор находится строго в руках немногочисленных и социально весьма низких артистических сообществ, представление, как оказывается, может быть вынесено за пределы привычного ареала – в светское театральное пространство. Шрикант и Шашикумар ищут возможности вывезти это представление и за пределы Индии, возможно, на театральный фестиваль в Польшу или Россию. Зафиксированы различные типы обрядовых пространств, где проводится представление *арадхане*, как чётко огороженные, так и слегка намеченные. Примечательно сходство ряда таких небольших «арен» с деревенскими ячейками компартии Кералы. Действительно, как оказалось, многие исполнители *тейяма* являются одновременно коммунистами, ведут активную политическую деятельность.

Весьма важным стало знакомство с перформерами из касты *налке*, среди которых имеется сотрудник инженерной компании в городе Дхармастхала (штат Карнатака). Будучи одним из немногих образованных *налке*, он рассказал о деталях костюма, металлических украшений, масок и прочего декора.

Таким образом, в трёх исследованных региональных традициях сочетаются повествовательная линия, передаваемая в устной форме (в *бхаваи* – авторские сценарии, обрамлённые сценками; в *оджа-палли* – эпические истории, восходящие к Махабхарате и мифу о богине Манасе; в *арадхане* – мифологические повествования *пардхана* и *тоттам*), музыка, танец, ритуал и глубокое психологическое проникновение в характер представляемых божеств. Характеры трансового состояния в каждой из традиций различаются: в *бхаваи* это прежде всего

разыгрывание, перевоплощение в персонажа, в том числе божественного, в *оджа-палли* – призывание божества и повествование о нём, практики *адорцизма* для приглашения богов, в *арадхане* – явление богов в теле перформеров.

Наше исследование показало, что каждая из традиций до сих пор связана с определённым сообществом: кастовыми *таргала* в случае *бхаваи*, кастами *налке*, *ваннан*, *малаян*, *памбада*, *парава* и некоторыми другими в *арадхане* и ритуально-театрализованными труппами *оджа-пал-*

ли, включающими людей разного происхождения. Несмотря на некоторый опыт перемещения этих традиций на профессиональную и любительскую сцену, они сохраняют ряд важных социальных функций, обеспечивают историческую преемственность, сохраняют определённую культурную консервативность, однако одновременно демонстрируют гибкость и готовность к восприятию нового и к преобразению – подобно своим мастерам, актёрам, музыкантам, танцорам и сказителям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.
2. Рыжакова С.И. Одержимость, служение, лицедейство: о границах культового и художественного в традициях *колам* (*дайва-нема*) Южной Каннады и *калияттам* (*тейям*) Северной Кералы // Антропологический форум. 2017. № 34. С. 213–246. <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/034/ryzhakova.pdf>.
3. Neog Maheswar. Sankaradeva and His Time. Early History of the Vaisnava Faith and Movement in Assam. 2nd edition. Guwahati: LBS Publication, 2018.
4. Bora Debajit. Politics of performance and the creation of Darangi identity: looking at the *ojapalli* performance of Assam // Research in Drama Education: The Journal of Applied Theatre and Performance. 2016. 21 (4). P. 465–470.
5. Рыжакова С.И. *Сатрия*: танцующие монахи Ассама и их последовательницы. О преобразовании ритуального представления *бхакатов* в ещё один классический танцевальный стиль Индии // *Mitrasampradānam*. Сборник научных статей к 75-летию Ярослава Владимировича Василькова. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 570–590.
6. Sarma, Nabin Chandra. Shamanistic Dances of the Tribal and the Non-Tribal People of Assam. A Critical Study. Guwahati: Chandra Prakash, 2012.
7. Claus P.J. The Siri myth and ritual: A mass possession cult of South India // *Ethnology*. 1975. Vol. 14.

ENGLISH

Indian Artistic Communities and Trance Practices: Local Traditions of Gujarat, Assam and Kerala

Svetlana Igorevna Ryzhakova – DSc in History, Leading Researcher of N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology under the auspices of the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “Obsession, Service, Mummery: Boundaries and Interrelations of Individual Trance, Religious Veneration and Art in Indian Artistic Traditions” (18-09-00389a).

E-mail: SRyzhakova@gmail.com

The paper provides a comprehensive comparative cultural and anthropological study of Indian artistic communities – dynasties of musicians, dancers, actors, performers of epic legends playing ritual drama, martial arts masters. A peculiar common Indian feature is the combination of three factors in their activity: artistic skills passed during regular training; religious service (most artistic activities are in one way or another devoted to certain cults and/or turn out to be part of ceremonies) and skills of controlled trance, specific psychophysical states, which in this case include on-stage reincarnation and the ability to impact spectators. The ethnographic material obtained during the expedition helps to trace the social and psychological features of some dynasties of artistic communities.

Keywords: trance, artistic communities, spirit-possession, India, performance, ethnography

REFERENCES

1. Vezhbitskaya A., Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001 (in Russian).
2. Ryzhakova S.I. Oderzhimost', sluzhenie, litsedeystvo: o granitsakh kul'tovogo i khudozhestvennogo v traditsiyakh *kolam (dayva-nema)* Yuzhnoy Kannady i *kaliyattam (teyyam)* Severnoy Keraly // Antropologicheskii forum. 2017. № 34. S. 213–246. <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/034/ryzhakova.pdf> (in Russian).
3. Neog Maheswar. Sankaradeva and His Time. Early History of the Vaisnava Faith and Movement in Assam. 2nd edition. Guwahati: LBS Publication, 2018.
4. Bora Debajit. Politics of performance and the creation of Darangi identity: looking at the ojaipalli performance of Assam // Research in Drama Education: The Journal of Applied Theatre and Performance. 2016. 21 (4). R. 465–470.
5. Ryzhakova S.I. Satriya: tantsuyushchie monakhi Assama i ikh posledovatel'nitsy. O preobrazovanii ritual'nogo predstavleniya bhakatov v eshchyo odin klassicheskiy tantseval'nyy stil' Indii // Mitrasampradānam. Sbornik nauchnykh statey k 75-letiyu Yaroslava Vladimirovicha Vasil'kova. SPb.: MAE RAN, 2018. С. 570–590 (in Russian).
6. Sarma, Nabin Chandra. Shamanistic Dances of the Tribal and the Non-Tribal People of Assam. A Critical Study. Guwahati: Chandra Prakash, 2012.
7. Claus P.J. The Siri myth and ritual: A mass possession cult of South India // Ethnology. 1975. Vol. 14.

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-095-02-182-186

М.В. ВДОВИЧЕНКО*

Всероссийская научная конференция с международным участием «Век археологии: открытия — задачи — перспективы» (Москва, 10–12 апреля 2019 г.)**

Проведённая в Москве научная конференция собрала учёных-археологов из России, Германии, Италии, Франции, Казахстана; она содержательно отразила ключевые итоговые и перспективные достижения 100-летнего развития российской академической археологии. Выставка, приуроченная к юбилейной конференции, представила наиболее интересные результаты археологических исследований за этот период.

Ключевые слова: академическая археология, юбилей, археологическая выставка, полевые исследования, археологические коллекции

В 2019 г. российская академическая археология отмечает 100-летний юбилей. Отсчёт её истории ведётся с 18 апреля 1919 г., когда Декретом Совета Народных Комиссаров была учреждена Российская академия истории материальной культуры (РАИМК), позднее вошедшая в состав Академии наук СССР. Благодаря этому организационному и символическому акту российская академическая археология обрела свой нынешний статус, причём решение о её поддержке было принято на самом высоком государственном уровне. Преемниками РАИМК сегодня являются Институт археологии РАН (ИА РАН) в Москве и Институт истории материальной

культуры РАН (ИИМК РАН) в Санкт-Петербурге.

В рамках празднования 100-летия Института археологии РАН при финансовой поддержке РФФИ и фонда «История Отечества» провёл Всероссийскую научную конференцию с международным участием. Форум открыли председатель Российского исторического общества С.Е. Нарышкин, вице-президент РАН, директор Института археологии РАН Н.А. Макаров и директор Государственного исторического музея А.К. Левыкин (фото 1). В приветственном слове Н.А. Макаров рассказал о важности материальных свидетельств ушедших эпох и отметил, что за прошедший век

* **Вдовиченко Марина Викторовна** — кандидат искусствоведения, учёный секретарь Института археологии РАН, заместитель председателя Организационного комитета конференции.
E-mail: zakomara@yandex.ru

** Проект 19-09-20031г.

Фото 1. Президиум конференции.

Слева направо: А.К. Левыкин, С.Е. Нарышкин, Н.А. Макаров

археология вышла за узкопрофессиональные границы, став частью большой культуры. Николай Андреевич поблагодарил Российский фонд фундаментальных исследований, тесное и деловое сотрудничество с которым «приблизило отечественную археологию к естественно-научным дисциплинам».

О той поддержке, которую РФФИ оказывает развитию археологической науки, рассказал заместитель председателя Совета РФФИ чл.- корр. РАН В.В. Квардаков. С первых дней своей деятельности Фонд активно поддерживал проекты по применению естественно-научных методов в археологии, которые увенчались многими значимыми открытиями. Сегодня Фонд поддерживает широкий спектр проектов археологической направленности. Среди них исследовательские и издательские проекты, проекты проведения экспедиций и научных мероприятий, междисциплинарные проекты и многие другие.

В целом конференция содержательно отразила ключевые итоговые и перспективные достижения 100-летнего развития российской академической археологии.

На форуме выступили учёные из Франции, Италии, Германии и Казахстана с докладами, представляющими исследовательский и практический опыт зарубежных археологических организаций.

Доклад А.П. Деревянко, научного руководителя ИАЭТ СО РАН (Новосибирск) «Новейшие открытия на Алтае и распространение рода Ното в Евразии», был посвящён новейшим палеогенетическим и антропологическим данным, свидетельствующим, что носителем палеолитических традиций на Алтае был ранее неизвестный науке ископаемый человек, названный по месту обнаружения антропологических останков в Денисовой пещере человек алтайский, или денисовец. Общие итоги археологических исследований ГАИМК-ИИМК РАН на территории Северо-Запада РФ подвёл директор ИИМК РАН В.А. Лапшин.

О проблемах так называемой греческой колонизации рассказал Ортвин Далли, директор Римского отделения Германского археологического института. Жан-Поль Демуль (Парижский университет, Франция) выступил с докладом «Археология настоящего и будущего: взгляд из Франции».

Фото 2. Осмотр археологической выставки.

На первом плане депутат Государственной Думы РФ Е.Г. Драпеко, председатель РИО С.Е. Нарышкин, вице-президент РАН, директор Института археологии РАН Н.А. Макаров

Об итогах и перспективах археологии Казахстана рассказал директор Института археологии Республики Казахстан Б.А. Байтанаев. О первоначальном заселении Сибири сообщил М.В. Шуньков (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск). Археология славян на севере Германии стала темой доклада Ральфа Блэйля, директора Музея земли Шлезвиг-Гольштейн.

Директор ИА РАН Н.А. Макаров в докладе «Общество и культура Северо-Восточной Руси X–XII веков: современный археологический взгляд» представил некоторые результаты систематизации и анализа археологических материалов Суздальского Ополя. Учёный определил главные узлы расселения и формирования новых социальных отношений на землях Волго-Клязьминского междуречья в X–XI вв. — «большие поселения», выделяющиеся своим благосостоянием и включённостью в международную торговлю. Суздальская земля на первых этапах своего формирования таким образом оказывается не мо-

ноцентричной, социальная элита присутствует на целом ряде поселений, а не только в крупных городских центрах.

О вкладе академической археологии в исследования средневекового Новгорода рассказали П.Г. Гайдуков и Вл.В. Седов (ИА РАН). Широкомасштабные археологические раскопки, проведённые совместно кафедрой археологии МГУ им. М.В. Ломоносова и Институтом археологии во второй половине XX – начале XXI в., позволяют судить о возникновении и развитии средневекового мегаполиса. Отдельные итоги многолетних новгородских раскопок были подведены на конференции.

Приуроченная к юбилейной конференции выставка отразила результаты археологической деятельности: пополнение музейных фондов, архивных хранилищ и библиотечных каталогов.

Историческая постерная часть экспозиции была поделена на четыре периода: 1919–1942, 1943–1970, 1971–1989 и 1990–2019 гг., в целом отражающих эта-

Фото 3. Фрагмент археологической выставки

пы развития академической археологии в России. Первые три периода были представлены архивными фотографиями, иллюстрирующими долгую и наполненную событиями экспедиционную летопись, прежде всего, Института археологии РАН, а также Института истории материальной культуры РАН и Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Летопись увековечивает наиболее яркие полевые проекты и события, произошедшие за 100 лет на территории Евразийского континента при участии российских археологов – от Йемена до Чукотки и от Болгарии до Амура. Четвёртый этап истории российской археологии по сути ещё продолжается, поэтому он был показан отдельными кадрами в слайд-фильме.

За 100 лет проведения академических экспедиций были собраны тысячи коллекций археологических находок, включающие как массовый материал, обнаруженный в пластах всех исторических эпох, так

и комплексы, содержащие исключительные по своему значению предметы.

На выставке были представлены археологические находки из фондов Государственного исторического музея, в том числе отдельные предметы из коллекции, переданной в ГИМ Институтом археологии РАН в 2017 г., экспонаты из фондов Новгородского государственного объединённого музея-заповедника, Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория», а также из раскопок ИА РАН самых последних лет (фото 2, 3).

Среди уникальных археологических находок последних лет – комплекс украшений из курганной группы эпохи бронзы «Кенделенская I» из Кабардино-Балкарии, ювелирные украшения скифо-сарматского времени из Крыма, фрагменты фресок с ликами и надписями-граффити из раскопок княжеских соборов XII в. Великого Новгорода.

Событием, венчающим исследовательскую деятельность археологов, является выход в свет научных публикаций – книг и статей. Российский фонд фундаментальных исследований к конференции подготовил книжную выставку, на которой

Фото 4. Выставка научных трудов по археологии, вышедших в свет при финансовой поддержке РФФИ

Фото 5. Юбилейный Каталог научных проектов РФФИ по археологии

были представлены издания по археологии, увидевшие свет при финансовой поддержке РФФИ за последнюю четверть века (фото 4).

Ещё одна часть библиотечного собрания, отдельные тома которого датируются 1950-ми – концом 2010-х гг., была представлена на книжных полках рядом с витринами с археологическими находками. В этих книгах, изданных Институтом археологии РАН, в ряде случаев рассказыва-

лось о предметах, демонстрировавшихся в витринах.

К юбилею Российский фонд фундаментальных исследований подготовил двухтомный Каталог научных проектов, осуществленных при его финансовой поддержке в 1992–2018 гг., «РФФИ – к 100-летию российской академической археологии». В первом томе опубликованы аннотированная библиография научных трудов по археологии, систематизированная по хронологическому принципу, а также перечни проектов целевого конкурса РФФИ «Древности», проекты исследовательских

и других конкурсов РФФИ (РГНФ). Во втором томе представлены материалы о наиболее значимых археологических экспедициях, съездах и конференциях. Каталог богато иллюстрирован (фото 5).

Конференция «Век археологии: открытия – задачи – перспективы» и приуроченные к ней выставки стали ключевыми событиями юбилейного года, посвящённого 100-летию российской академической археологии.

ENGLISH

Russian National Scientific Conference with International Participants “The Age of Archaeology: Discoveries – Tasks – Prospects” (Moscow, April 10–12, 2019)

Marina Viktorovna Vdovichenko – Ph.D. in Art History, Academic Secretary of the Institute of Archaeology under the auspices of the Russian Academy of Sciences, Deputy Chairman of the Conference Organizing Committee.

E-mail: zakomara@yandex.ru

Held in Moscow, the scientific conference brought together archaeologists from Russia, Germany, Italy, France, Kazakhstan; it provided ample key complete and future promising achievements of the 100-year development of the Russian academic archaeology. The exhibition dedicated to the anniversary conference announced top-line findings of archaeological research during this period.

Keywords: академическая археология, юбилей, археологическая выставка, полевые исследования, археологические коллекции

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-095-02-187-191

**В.Н. БАРЫШНИКОВ, В.Е. ВОЗГРИН,
Н.О. КОЗЛОВ***

XXI Международная научная конференция «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» (Санкт-Петербург, 3–4 апреля 2019 г.)**

В статье приведён обзор работы XXI Международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Весенняя встреча исследователей-скандинавистов стала традиционным событием и является одной из самых представительных конференций в области истории стран Северной Европы. Участникам конференции, работа которой проходила по пяти секциям, удалось обсудить множество проблем, стоящих перед исторической наукой. Исследователи представили свои новейшие разработки в области источниковедения и историографии Северной Европы, социально-экономического развития скандинавских стран, политического противостояния в Балтийском регионе и других важнейших проблем истории севера Европы.

Ключевые слова: Санкт-Петербург и страны Северной Европы, конференция, Северная Европа, Скандинавия, Балтийский регион, Институт истории СПбГУ, кафедра истории Нового и новейшего времени

Конференция прошла под эгидой кафедры истории Нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Санкт-Петербургского центра по исследованию истории и культуры Скандинавских стран, а также Санкт-Петербургской Ассоциации международного сотрудничества, Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга, Российской национальной библиотеки и Русской

христианской гуманитарной академии. Конференция продолжила традицию весенних встреч исследователей истории стран Северной Европы и собрала более 100 участников из России, Финляндии, Швеции и Дании.

Открытие конференции состоялось в здании Ассоциации международного сотрудничества. С приветственными словами выступили организаторы конференции, прежде всего председатель Правления Санкт-Петербургской Ассо-

* **Барышников Владимир Николаевич** — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), сопредседатель Оргкомитета.

E-mail: vbaryshnikov@mail.ru, v.baryshnikov@spbu.ru

Возгрин Валерий Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и новейшего времени Института истории СПбГУ, член Оргкомитета.

E-mail: valerijvozgrin@mail.ru, v.vozgrin@spbu.ru

Козлов Никита Олегович — аспирант кафедры истории Нового и новейшего времени Института истории СПбГУ.

E-mail: koylov1725@gmail.com

** Проект 19-09-20019г.

Фото. Председатель Правления Санкт-Петербургской Ассоциации международного сотрудничества М.Ф.Мудрак и заместитель председателя Оргкомитета конференции проф. В.Н.Барышников

циации международного сотрудничества М.Ф.Мудрак и заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени Института истории СПбГУ д.и.н. В.Н.Барышников (фото). Были представлены 20-й выпуск журнала «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» (СПб.: РХГА, 2019. № 20/2/), регулярно публикующего последние научные достижения исследователей в области изучения стран Северной Европы, а также монография д.и.н., руководителя Центра военной истории России Института российской истории РАН, президента Российской ассоциации историков Первой мировой войны Д.Ю.Козлова «Шведский поход адмирала Эссена (июль 1914 г.)» (М.: Квадрига, 2019. — 328 с.).

На пленарном заседании, которое вели М.Ф.Мудрак и В.Н.Барышников, участники конференции заслушали доклад исследовательницы из Финляндии В.-Т. Вассара (Тампере) о финском национализме и финско-шведских отношениях начала XX в. К.т.н. А.В.Лукошков (Центр подводных исследований РГО), опираясь на обширный фотоматериал проведённых не-

давно научных экспедиций, представил новые сведения об обнаруженных на дне Балтийского моря останках затонувших кораблей. В докладе были ярко представлены последние результаты реконструкции боевых действий в Финском заливе в 1918–1919 гг. Далее в развитие военно-морской тематики и новых подходов к изучению загадочной биографии адмирала И.И.Траверсе прозвучал доклад к.и.н. А.И.Терюкова (Музей антропологии и этнографии РАН). Его выступление вызвало широкую дискуссию и заострило внимание участников конференции на необходимости более глубокого изучения российско-шведских отношений и войн на Балтике конца XVIII в. Первый день работы конференции завершился концертной программой, организованной Ассоциацией международного сотрудничества.

Второй день работы конференции проходил в стенах Российской Христианской гуманитарной академии (РХГА). Начавшись со вступительного слова ректора РХГА д.филос.н., профессора Д.К.Богаты-

рёва, конференция продолжилась пленарным заседанием. О взаимосвязи боевых действий на Балтике в период Первой мировой войны и о российско-шведских отношениях развёрнутый доклад сделал д.и.н. Д.Ю.Козлов (Москва). Исследователь обратил внимание участников конференции на весьма спорную подготовку и проведение российским флотом в 1916 г. «минной блокады» бассейна Ботнического залива. Докладчик подчеркнул, что эти действия были призваны лишь затруднить перевозки в Германию шведской железной руды и пресечь здесь действия германского флота. Известный финский исследователь д.н. К.-Ф. Геуст (Хельсинки) обратил внимание на малоизвестный факт участия финских войск в блокаде Ленинграда. В частности, он указал на созданный в 1942–1943 гг. на захваченном немецкой армией южном побережье Финского залива в Петергофе финский наблюдательный пункт, который контролировал восточные коммуникации. Продолжил тему Второй мировой войны В.Н. Барышников, который проанализировал роль финского маршала К.Г.Э. Маннергейма в боевых действиях финской армии, в том числе и во время Выборгской наступательной операции советских войск в июне 1944 г. Докладчик особо подчеркнул, что «анализ источников и литературы показывает, что неспособность финских войск отразить советское наступление объясняется во многом взглядами Маннергейма». Поясняя это положение, Барышников заметил, что Маннергейм «не смог предвидеть масштаб советского наступления» и «не был непогрешимым гением».

В завершение пленарного заседания были представлены новейшие труды в области истории стран Северной Европы. Ли Инин (КНР) рассказала о значении новой монографии известного историка Северной войны профессора П.А.Кротова (СПбГУ) «Полтавская битва. Переломное сражение русской истории» (М.: Яуза, 2018. — 640 с.) на основе вновь обнаруженных источников, разработкой ко-

торых автор занимается много лет. Д.и.н. В.И.Мусаев (СПБНИИ РАН) представил фундаментальную монографию профессора В.Е.Возग्रина (СПбГУ) «Летописцы и историки Дании: эволюция национальной историографии от Средневековья до современности» (СПб.: Крига, 2019. — 816 с.). Как было отмечено, В.Е.Возгрин смог впервые в отечественной науке рассмотреть историю датского историописания от рунических петроглифов до современных трудов. В результате, как заметил, В.И.Мусаев, в центре внимания автора монографии оказались черты личностного самосознания Средних веков, Нового и новейшего времени, менявшегося в связи как с этнической, так и социальной аккультурацией.

Дальнейшая работа конференции была организована по секциям. На секции «Экономика, война и политика», которую вели С.Г.Веригин (д.и.н., профессор, Петрозаводский госуниверситет) и А.В.Смолин (д.и.н., профессор, СПбГУ) были представлены доклады, раскрывавшие проблемы политической истории стран Северной Европы. Наибольший интерес вызвали доклады д.и.н., профессора М.Ф.Флоринского (СПбГУ), к.и.н. Е.Ю.Дубровской (Карельский научный центр РАН) и к.и.н. Д.А.Бажанова (Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена), которые были посвящены проблемам взаимоотношений России и Финляндии накануне и во время Первой мировой войны, а также в период революционных событий в России в 1917 г. Продолжая военную тематику, выступили исследователи истории Второй мировой войны. Особенно интересным стало выступление д.и.н. С.Г.Веригина, касающееся организации финской разведывательно-диверсионной деятельности в 1941–1944 гг. В целом на секции, наряду со стендовыми докладами, выступили ещё 10 исследователей, представивших различные научные и образовательные центры.

Деятельность секции «Люди и события сквозь призму истории» вели А.И.Те-

рюков и Ю.Д. Балащенко (Музей-усадьба И.Е. Репина «Пенаты»). Начав работу с доклада о финском просветителе Микаэле Агриколе в Финляндии и России (Т.К. Михайловская), конференция продолжилась докладами к.фил.н. Б.С. Жарова (СПбГУ) и к.и.н. Т.Г. Фруменковой (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена), осветившими жизнь и труд четы П.Г. и А.В. Ганзен, знаменитых литераторов и популяризаторов скандинавской литературы в России. В сообщении к.ф.н. Л.Э. Сутягиной (Музей антропологии и этнографии РАН) и Л.А. Турне (Стокгольм) были приоткрыты тайные страницы жизни русской эмиграции в Швеции. С большим интересом участники конференции встретили также доклад молодого исследователя О.В. Корчагина (СПбГУ), в котором были раскрыты подробности малоизвестной биографии Тююнге и Оскари Токой, а также проблемно-тематическое выступление Ю.Д. Балащенко, касающееся неизвестных сторон жизни художника И.Е. Репина на Карельском перешейке.

Проблемы геополитического противостояния стран Северной Европы нашли отражение в работе секции «Балтийское море: сотрудничество и противостояние», которой руководили П.А. Кротов и Т.А. Гребенщикова (д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета). Оживлённую дискуссию вызвало выступление известного российского военного историка Б.Г. Кипниса (Санкт-Петербургский государственный институт культуры), в котором он затронул вопросы российской дипломатии в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и русско-шведской войны 1788–1790 гг. Большой интерес вызвал доклад А.В. Иванова (Центральный военно-морской музей) о проблемах коммеморации Великой Северной войны в отечественных музеях. Весьма необычным по постановке вопроса стал доклад д.и.н. А.М. Пашкова (Петрозаводск), который был посвящён

организации снабжения русских боеприпасами в годы Великой Северной войны. В целом работа секции прошла в оживлённых дискуссиях, в которых активное участие принимали также к.в.н. Е.Ю. Кобчиков (Кронштадт), д.и.н. Г.А. Гребенщикова (Санкт-Петербург), к.т.н. М.А. Партала (Санкт-Петербург) и др.

Вопросам историографии и источниковедения истории стран Северной Европы была посвящена секция «Исторические взгляды и оценки», возглавляемая д.и.н. В.Е. Возгриным и к.и.н. Т.А. Базаровой (СПБНИИ РАН). В докладах наблюдалось не только многообразие методологических подходов, но также и активное введение в оборот новых источников. В.Е. Возгрин, проанализировав состояние дискуссии норманистов и антинорманистов в наши дни, представил современные интерпретации норманской теории. Весьма необычным выглядело выступление к.и.н. Г.М. Коваленко (Новгород), который, используя описание России Бернгом Брайтхольцем, пришёл к выводу, что впечатления о России попавших в 1808–1809 гг. в плен шведов оказались довольно благоприятными. В ходе работы секции в целом исследователи смогли не только поделиться последними результатами своих научных изысканий, но и обогатить свой методологический инструментарий.

Секция «Наука, культура и религия», которую вел д.и.н. В.И. Мусаев, сосредоточилась на проблемах истории культуры и культурного обмена стран Северной Европы. Ряд выступлений был посвящён религиозным вопросам, в частности, сообщение Д.В. Шмониной (д.филос.н., профессор Русской Христианской гуманитарной академии), сравнившего опыт теологического обучения в России и Финляндии, и доклад В.И. Мусаева о проблемах православных обителей на Ладозе в начале XX в. Об истории академических контактов университетов Санкт-Петербурга и Гельсингфорса в конце XIX – начале XX в. рассказала К.С. Гаврилова (СПбГУ). Диск., профессор О.А. Кривдина (Санкт-Петербург-

ский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е.Репина) представила обзор произведений датских скульпторов, включённых в каталог коллекции западноевропейской скульптуры XIX–XX вв. На секции выступили 14 участников конференции, а её работа отличалась большой дискуссионностью, где наряду с проблемами науки и культуры активно обсуждались проблемы духовного взаимодействия России со странами Северной Европы.

На заключительном пленарном заседании, которое вели В.Н.Барышников и П.А.Кротов, состоялась презентация нескольких новых уникальных научных трудов по истории стран Северной Европы. Особый интерес участников вызвала фун-

даментальная книга А.В.Вострова «Аланды. Острова мира и раздора», которая раскрывает историю Аландского архипелага с древнейших времён до наших дней.

В заключение отметим высокий уровень проведения конференции, а также представленных на ней докладов. Во многих из них были подняты новые вопросы и проблемы. Несмотря на существующие лакуны, или «белые пятна», участники конференции отметили, что историография стран Северной Европы дополняется не только новыми проблемами, но и новыми достижениями. В полном объёме с докладами можно будет ознакомиться в сборнике материалов конференции, который планируется издать в ближайшее время.

ENGLISH

21st International Scientific Conference “St. Petersburg and the Nordic Countries” (St. Petersburg, April 3–4, 2019)

Vladimir Nikolaevich Baryshnikov – DSc in History, Professor, Head of the Department of New and Modern History, Institute of History of St. Petersburg State University, Co-Chairman of the Organizing Committee.

E-mail: vbaryshnikov@mail.ru, v.baryshnikov@spbu.ru

Valeriy Evgenievich Vozgrin – DSc in History, Professor of the Department of New and Modern History, Institute of History of St. Petersburg State University, member of the Organizing Committee.

E-mail: vozgrin60@mail.ru, v.vozgrin@spbu.ru

Nikita Olegovich Kozlov – Postgraduate Student, Department of New and Modern History, Institute of History of St. Petersburg State University.

E-mail: koylov1725@gmail.com

The paper overviews the 21st International Scientific Conference “St. Petersburg and the Nordic Countries”. The spring meeting of Scandinavian researchers has become a traditional event and one of the most reputable conferences in the history of the Nordic countries. The participants of the conference, which embraced five sections, managed to discuss many issues faced by the historical science. The researchers announced their latest developments in the field of source study and historiography of Northern Europe, the socio-economic development of the Scandinavian countries, the political confrontation in the Baltic region and other major issues of the history of Northern Europe.

Keywords: St. Petersburg and the Nordic countries, conference, Northern Europe, Scandinavia, Baltic region, Institute of History, St. Petersburg State University, Department of Modern and Contemporary History

В.Н. ДЁМИНА, А.В. КРЫЛОВА*

Международная конференция «Проблемы синтеза в современной музыкальной культуре» (Ростов-на-Дону, 11–15 апреля 2019 года)**

На конференции обсуждался широкий круг проблем, сфокусированных на анализе синтеза искусств в современном социокультурном пространстве. В докладах были рассмотрены вопросы трансформации классических форм и жанров под воздействием синтеза, рождение новых синтетических образцов, определяющих эволюционный путь развития музыки. Был обобщён мировой опыт, демонстрирующий активизацию творческих поисков в направлении экспериментирования с любыми формами художественного синтеза, выявлена роль в этом процессе технических средств и компьютерных технологий. В русле междисциплинарных дискуссий рассмотрены вопросы взаимодействия элитарного и массового, психологии восприятия, соотношения музыки с социокультурными трендами современности. Результатом коллективного обсуждения проблемы явились анализ и прогнозирование путей сохранения и приумножения интеллектуальных ценностей сферы академического музыкального искусства.

Ключевые слова: музыка, синтез, исполнительские искусства, инновации, социокультурная ситуация, информационные технологии, музыкальная коммуникация

Международная конференция «Проблемы синтеза в современной музыкальной культуре» — это третье в истории Ростовской государственной консерватории научное событие, в рамках которого обсуждалась проблематика синтеза искусств. Фундаментальность темы состоит в том, что на современном этапе соединение видов творчества, разных жанров и ис-

кусств, сращивание их с реальностью predeterminedены спецификой мышления современного человека, сформированного визуальным типом культуры.

На конференции результаты своих исследований по вопросам синтеза в современной музыкальной культуре представили учёные Германии, Колумбии, Китая, Болгарии, Молдовы, Белоруссии, Украины, Армении, Казахстана, а также

* **Дёмина Вера Николаевна** — доктор искусствоведения, доцент кафедры истории музыки Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова, председатель Программного комитета конференции.

E-mail: vnd-80@mail.ru

Крылова Александра Владимировна — доктор культурологии, проректор по научной работе Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова, председатель Организационного комитета конференции.

E-mail: naukargk@mail.ru

** Проект 19-012-20006г.

многих музыкальных вузов и ссузов нашей страны – Москвы, Петербурга, Казани, Саратова, Воронежа, Нижнего Новгорода, Волгограда, Краснодара, Таганрога, Майкопа, Орла, Белгорода.

Доклады, вынесенные в пленарное заседание, были призваны очертить широту спектра проблем, актуализируемых темой конференции, совместными усилиями обозначить магистральные линии в исследовании столь сложного феномена, как проявление процессов синтеза в современном музыкальном искусстве. В связи с этим были рассмотрены такие проблемные направления, как синтез разновекторных культурных традиций в социальных системах общества, особенности развития жанрово-стилевого синтеза в современном композиторском творчестве, коммуникационные процессы в сфере современной культуры, аккумулирующие взаимодействие музыки с креативными индустриями (в докладах Е.В.Кисеевой, С.В.Лавровой, Е.С.Мироненко, А.С.Рыжинского, Т.С.Рудиченко, Т.В.Франтовой, А.М.Цукера) (фото 1).

Глобальность темы в ещё большей степени проявилась в работе секций. Исследователи рассматривали исторические предпосылки и актуальные вопросы аудиовизуального синтеза музыки с современными технологиями медиакультуры (секция «Музыка в зеркале современных технологий»). В результате дискуссий были обозначены теоретические и методологические аспекты взаимодействий музыкального искусства и технологий с точки зрения их воздействия на материал музыкального искусства и непосредственно на текст произведений. В целой группе докладов были раскрыты основные параметры функционирования киномузыки как комплексного феномена, объединяющего «звучащую реальность» сконструированного кинематографического пространства/времени, особый вид композиторской практики и специфический музыкальный продукт. Внедрение технологий в область музыкального искусства

Фото 1. Доклад С.В.Лавровой — д.иск., проректора по научной работе Академии Русского балета им. А.Я.Вагановой

в ряде докладов рассматривалось также с позиций экспериментальных подходов в аналитической и научно-методической сферах, а также исследования инновационных методов музыкальной индустрии (Ю.К.Агеева, Е.В.Андреева, А.Л.Бердников, Н.В.Дуда, В.Ю.Кисеев, А.В.Краснокулов, В.П.Рыжов, Г.Р.Тараева, Т.Ф.Шак).

Синтетическая природа театрального действия анализировалась как система, позволяющая синтезировать традиционные и инновационные формы изучения технологий обновления музыкально-театральных сочинений вследствие разного рода экспериментов, рождающих новые жанры и формы представления; выявлялись пути расширения форм синтеза от жанровых микстов до использования новых технологий в виде компьютерного дизайна, голографических проекций и др. (Е.Ю.Андрющенко, Н.Г.Ганул и О.В.Романюк, С.В.Государева, А.В.Крылова, О.Оганесян, А.Л.Маклыгин, М.Г.Раку, Е.В.Смагина) (фото 2).

Фото 2. А.Л.Маклыгин — д.иск., проф. Казанской государственной консерватории им. Н.Г.Жиганова иллюстрирует свой доклад «Театр фортепианной импровизации как концертный жанр»

Рассмотрение методов адаптации музыкального искусства в современных условиях обозначило новаторские подходы к исследованию новых форм музыкального просветительства, вопросов продвижения музыкального искусства посредством немusical средств, создания условий для сохранения духовных ценностей. Изучение инструментов воздействия музыки, транслируемой СМИ, на формирование мировоззрения и шире — картины мира выявило пути конструирования её новых смыслов (М.Георгиев, Н.А.Мещерякова, В.М.Гуменна, М.И.Катунян, А.В.Крылова, Н.В.Самоходкина, О.Н.Журавлёва, Е.А.Коноплёва).

Вопросы стилевого синтеза в сфере духовной музыки рассматривались в контексте современных тенденций развития богослужбной и внебогослужбной ветвей певческого искусства. Большое внимание было уделено особенностям взаимодействия музыкального компо-

нента с другими элементами синтеза искусств храмового действия. Анализируются как особенности соединения традиционных и новаторских черт письма, так и специфика оформления певческого процесса в православном богослужении — от взаимодействия музыкального и немusical в духовных произведениях до экуменических тенденций и применения богослужебных текстов в современных произведениях светских композиторов (И.П.Дабаева, А.В.Зернина, В.Г.Коваленко и А.М.Колотиненко, А.Л.Кузнецов, Е.Э.Лобзакова, У.В.Сорокина, С.А.Тараканов, О.А.Твердохлебова, С.И.Хватова, Н.В.Чаленко).

Жанрово-стилевой синтез в сфере современного музыкального искусства рассматривался в аспекте выявления уникальных для исторического процесса эволюции музыкального искусства методов, формирующих фундамент для дальнейших экспериментов в сфере соединения

стилей и направлений в XXI в. Эта проблема обсуждалась в самых разных ракурсах: от проявления синтеза в конкретных сочинениях, на уровне авторских стилей, индивидуальность которых опирается на экспериментирование с различными жанрово-стилевыми моделями, до внутрителивых взаимодействий отдельно взятого музыкального направления (например, джазового) и шире – взаимодействия академического и массового в творчестве и исполнительстве (З.В. Бахтина, Г.Е. Калошина, Ю.Г. Кинус, М.С. Копырюлин, Е.В. Лубяная, Л.В. Малацай, С.И. Нестеров, Т.К. Овчинникова, А.А. Предоляк, М.А. Фуксман, Ф.М. Шак).

Рассмотрение синтетических подходов в музыкальной педагогике и исполнительстве определило ключевые направления развития комплекса наук, формирующих базовые представления об особенностях становления и развития современного музыкального образования. Обсуждение вопросов прикладного использования научного знания о природе музыки и возможностях синтеза в сфере образовательных технологий неизменно приводит к выводам о необходимости более широкой её интеграции в систему образовательного процесса. Изучение вопросов повышения продуктивности деятельности музыканта-исполнителя, как и музыканта-педагога, актуализирует методы взаимодействия музыковедения со смежными областями знания и внемузыкальными сферами искусства. Установлено, что для исполнителя освоение навыков, присущих разным школам, традициям и разным видам исполнительских практик, может стать основой поисков своей индивидуальности и особых способов интерпретации сочинений (Е.В. Абакумова, Н.О. Антоненко, Н.В. Бекетова, М.Н. Боровинская, В.В. Горочная, Е.Г. Мальцева, Г.В. Мурадян, С.В. Надлер, Ю.В. Фролова, Е.Н. Чаплина, Е.А. Шлыкова).

Исследование ключевых аспектов взаимодействия музыки с гуманитарным знанием в целом раскрыло особенности функ-

ционирования музыковедения как развивающейся системы. Взгляд на проблему с позиций философии, эстетики, истории, языковедения, архитектуры позволил осмыслить множественность подходов к проблеме, её глобальность и раскрыть некоторые общегуманитарные ракурсы её осмысления (Л.А. Гаврильчук, И.В. Гринченко, А.М. Колотиенко и С.В. Самбир, Т.В. Кравцова, В.О. Пигулевский, А.М. Руденко, Г.В. Рыбинцева, Н.Ю. Скрябина, С.В. Шаповалов, В.Ю. Щербаков).

Активное участие в обсуждении темы конференции приняли молодые учёные. Их внимание в большой мере было сконцентрировано на стремлении определить магистральные линии разработки проблем синтеза в сфере музыкального искусства в перспективе. Этим обусловлен широкий охват вопросов, освещающих ключевую проблему – от проявления индивидуального видения жанрово-стилевых микстов в рамках конкретных композиторских сочинений до новых форм исполнительских практик. В аспирантских и студенческих докладах были отражены наиболее значимые проблемные аспекты, которые обсуждались и в представленных на конференции исследованиях ведущих учёных. Подобную консолидацию участники конференции оценили положительно, как проявление преемственности научных школ и подходов.

Обзор основных проблемных направлений в работе конференции показал, что тематика представленных докладов позволила обозначить общую тенденцию современного искусства, суть которой в том, что разнообразные процессы синтеза программируют ключевые векторы эволюционных процессов в культуре в целом.

Конференция обозначила «белые пятна», которые связаны, с одной стороны, с проявлением процессов жанрового синтеза в рамках индивидуальных композиторских стилей, а с другой – с постоянным поиском новых микстов. Синтез как

общекультурологический феномен и его проявление в музыкальном искусстве, вопросы синестезии восприятия, бытования музыкального искусства в социуме в целом, влияние современных технологий на музыкальное искусство – эти и иные проблемные ракурсы, представленные в докладах учёных, показали высокую степень новизны и во многом способствовали заполнению обозначенных лакун в знании целого ряда вопросов.

Суммарное информативное поле конференции внесло свой вклад и в разработку методологии анализа по сути синтетических музыкально-культурных явлений в искусстве и социуме, в форми-

рование подходов к созданию комплексной картины действия принципов синтеза в сфере музыкальной культуры, обобщило опыт и обозначило пути его трансформации применительно к синтетическим по природе явлениям современного музыкального искусства, дополнило новой фактологией изучение модификаций разных форм синтеза в музыке в общем процессе динамики культуры. Научные результаты конференции будут способствовать дальнейшему развитию теории синтеза, анализу и прогнозированию путей сохранения и приумножения интеллектуальных ценностей академического музыкального искусства.

ENGLISH

International Conference “Synthesis in Contemporary Musical Culture” (Rostov-on-Don, April 11–15, 2019)

Vera Nikolaevna Demina – DSc in Arts, Associate Professor of the Department of Music History, S.V. Rachmaninoff Rostov State Conservatory, Chair of the Conference Program Committee.

E-mail: vnd-80@mail.ru

Aleksandra Vladimirovna Krylova – DSc in Cultural Studies, Vice-Principal Research of S.V. Rachmaninoff Rostov State Music Academy, Chair of the Conference Organizing Committee.

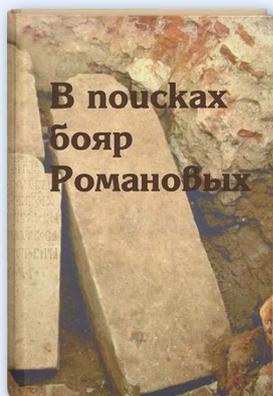
E-mail: naukargk@mail.ru

The conference members debated on a wide range of issues to analyse the synthesis of arts in the modern sociocultural space. The reports addressed the transformation of classical forms and genres impacted by synthesis, the emergence of new synthetic patterns that determine the evolution of music. The event summarized the global experience demonstrating the intensification of creative search and experimenting with any forms of artistic synthesis, and the role of technical means and IT technologies in this process. In the context of cross-sectoral debates, the interaction of the elite and mass, the psychology of perception, the relationship of music with the socio-cultural trends of modernity were reviewed. The result of the team discussion was the analysis and outlook for ways aimed to preserve and enhance the intellectual values of academic music.

Keywords: music, synthesis, performing arts, innovations, socio-cultural situation, information technologies, musical communication

МИР КНИГИ РФФИ

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-095-02-197-200

А.В. ТОПЫЧКАНОВ*

Беляев Л.А., Медникова М.Б. В поисках бояр Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве: В 2 вып. / Отв. ред. Н.А. Макаров; Институт археологии РАН. М.: Club Print, 2018. Вып. 1. — 208 с.**

Ключевые слова: Новоспасский монастырь, Романовы, Смутное время, некрополь, династическая археология

Исследование, выполненное заведующим Отделом археологии Московской Руси Института археологии РАН членом-корреспондентом РАН Л.А.Беляевым и ведущим научным сотрудником Отдела теории и методики Института археологии РАН доктором исторических наук М.Б.Медниковой, посвящено комплексному изучению Палатки Никитичей — родовому некрополю Романовых и их родственников между Преображенским собором и Знаменской церковью Московского Новоспасского монастыря. В историографии утвердилось представление, что в Палатке и Знаменской церкви хоронили представителей боковых ветвей династии Романовых — братьев и сестёр Фёдора Никитича Романова, впоследствии

патриарха Филарета, а также их родственников — Сицких, Черкасских и других. Многие из них оказались жертвами опалы Бориса Годунова в 1600–1601 гг. Внутри палатки до 1920-х гг. находился подиум с плитами, имитирующими надгробия над погребениями братьев Никитичей.

Формирование этого некрополя началось в 1606 г., когда Лжедмитрий I разрешил боярину Ивану Никитичу Романову перезахоронить в Москве тело Василия Никитича Романова, скончавшегося в ссылке в Пелыме. Считается, что тогда же были перезахоронены Александр и Михаил Никитичи Романовы. Над некрополем Никитичей И.Н.Романов поставил храм в честь иконы Богородицы «Знамения» — родового образа Романовых.

* **Топычканов Андрей Владимирович** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и теории политики МГУ им. М.В. Ломоносова, сотрудник отдела археологии Московской Руси Института археологии РАН.
E-mail: topychkanov@gmail.com

**Проект 16-01-00081д.

К 1624 г. храм уже существовал, но, возможно, он стоял уже в 1617 г. В 1791 г. этот храм был разобран, а на его месте по проекту архитектора Е.С.Назарова воздвигли новый храм, освящённый в 1795 г.

Монография Л.А.Беляева и М.Б.Медниковой внесла существенный вклад в понимание истории формирования некрополя в Палатке Никитичей. Данная работа основана на натуральных археологических исследованиях 2014–2015 гг. Анализ полученных результатов был осуществлён в 2016–2018 гг. В качестве соавторов и экспертов в работе приняли участие также Е.В.Долгих, И.И.Ёлкина, Д.О.Осипов, А.С.Пилипенко, А.В.Расказова, А.А.Тарасова, Р.О.Черданцев и С.Ю.Шокарев. В настоящее время авторы работают над вторым томом исследования, в который войдут материалы по истории некрополя XVIII–XIX вв. к западу от Преображенского собора Знаменского монастыря.

В ходе натуральных археологических исследований в Палатке Никитичей были выявлены погребения *in situ*: четыре белокаменных саркофага (один взрослый (№ 3) и три детских) и белокаменная надгробная плита над склепом, собранным из крупных белокаменных блоков. В XVI–XVII вв. белокаменные склепы встречаются крайне редко. Как было установлено, этот склеп относится ко времени погребения, хотя его и потревожили при строительстве Знаменской церкви в 1790-е гг. Плита на склепе содержит врезную надпись о погребении Марфы Никитичны Черкасской (Романовой), скончавшейся 28 февраля 1611 г. Внутри склепа выявлены останки женщины и четверых мужчин. Последние были положены в склеп позже, вероятно в 1790-е гг. В склепе находились бокал (Нидерланды, первая половина XVII в.), женский волосник, остатки двух мужских рубах, фрагменты одежды из шёлковой камки, два погребальных венчика. Текстиль датируется XVI–XVII вв.

На плите, закрывающей детский саркофаг № 4, содержалась врезная надпись

с именем младенца Евдокии Яковлевны Черкасской, скончавшейся 7 ноября 1640 г. В саркофаге № 1 находились останки младенца 5–7 месяцев, а в саркофаге № 2 — младенца 9–12 месяцев. В саркофагах 1 и 4 были зафиксированы текстильные остатки савана. Кроме того, под саркофагом № 4 обнаружено погребение (№ 5) в могильной яме, впущенной в материк. Оно принадлежало мужчине в возрасте 40–49 лет, ростом 168 см и относится к периоду до возникновения некрополя Никитичей.

В заполнении (строительном мусоре) обнаружены также верхняя часть крышки саркофага Алексея Юрьевича Сицкого (ск. 5 июля 1644 г.) и расколотая надгробная доска над погребением Ивана Яковлевича Черкасского (ск. 28 сентября 1658 г.). Ещё один выявленный фрагмент настенной доски восстанавливается по поздним спискам погребённых в Новоспасском монастыре. Под ней был погребён «стол[ник князь Ан]дрей Михайлови[ч Черкасский]», скончавшийся [«21 но]ября 1701 года».

Особую ценность в рассматриваемом исследовании представляет антропологический анализ останков погребённых. Под плитой 1 было выявлено женское погребение и четыре мужских. Анализ костных останков женщины позволил установить, что её возраст составлял 40–51 год, рост 146–147 см, в состав её питания входило большое количество мясных и молочных продуктов, что характерно для привилегированных слоёв общества. При этом женщина переносила ежедневные статические нагрузки (авторы считают, что они были связаны с рукоделием, хотя это могли быть и длительные церковные службы), испытала повышенное количество физиологических стрессов (14), в частности в период первого детства, а в её костной ткани зафиксирован повышенный сигнал цинка, возможно вызванный применением цинковых белил. Анализ изотопов стронция в костной ткани показал, что женщина меняла места жительства в последние годы жизни. Всё это в совокупности позволи-

ло авторам монографии прийти к выводу, что останки принадлежат именно Марфе Никитичне Черкасской (Романовой), которая находилась в ссылке на Белоозере вместе со своим мужем князем Борисом Камбулатовичем Черкасским. В конце книги предлагается реконструкция внешности М.Н. Черкасской по черепу.

В этом же склепе находилось потревоженное погребение четырёх мужчин, останки которых сохранились частично (сохранилось два черепа) и лежали не в анатомическом порядке. Первый имел атлетическое сложение и высокий рост (175 см), умер в возрасте 30–34 лет. Второй, ростом 169 см, болел бактериальной инфекцией, рано утратил зубы, умер в возрасте 35–39 лет. Третий, ростом 175 см, умер в возрасте 35–39 лет. Четвёртый (рост 166–169 см) скончался в возрасте 30–39 лет. Его костные останки содержат изменения, характерные для всадников. Как было установлено в ходе исследования, все четверо питались по-разному, но в целом их диета характерна для людей высокого социального положения. Внешность двоих мужчин была реконструирована по черепу.

Наибольший интерес представляет погребение подростка во взрослом саркофаге № 3. Он испытывал значительную прижизненную физическую нагрузку, вероятно, много ездил верхом, пережил неоднократные физиологические стрессы, особенно в возрасте 3–4,5 лет и за несколько лет до смерти. Его высокопротеиновая диета включала меньше мясных и молочных продуктов, чем у М.Н. Черкасской. Он умер в возрасте 13–15 лет. В саркофаге сохранились фрагменты рубахи, тонкой шёлковой ткани, которая закрывала усопшего в момент похорон, а также полупрозрачный штоф зеленоватого стекла. При погребении в саркофаг была положена грамота с разрешительной молитвой, скреплённая печатью. Круглая печать красного сургуча с благословляющей десницей сохранилась, но надпись не читается. Сравнительный анализ черепа позво-

лил установить, что он не имел портретного сходства с погребёнными мужчинами. В останках подростка выявлен вариант митохондриальных ДНК, относящийся к филогенетическому кластеру J1d3a1, который встречается только в генофондах Северного Кавказа, включая кабардинцев, адыгейцев и северных осетин. На основании этого авторы выдвинули предположение, что его останки принадлежат к Черкасским. Погребение датируется первой половиной XVII в., вероятнее всего второй четвертью. Отсутствие указанной гаплогруппы у остальных погребённых говорит о том, что среди них нет Б.К. Черкасского.

При изотопном анализе удалось установить, что М.Н. Черкасская и мужчина (№ 5) провели ранние годы в сходных геохимических условиях. То же самое относится к подростку (саркофаг № 3) и мужчине № 2 (склеп). М.Н. Черкасская и мужчина № 2 (склеп) провели последние годы в геохимических условиях, отличных от мест, где они выросли.

Особенную ценность представляют результаты палеогенетических исследований останков, выявленных в Палатке Никитичей. Анализ митохондриальных ДНК позволил установить, что М.Н. Черкасская и трое из четверых мужчин, погребённых в склепе, не были родственниками по материнской линии, т.е. мужские останки не принадлежали её братьям Никитичам. Мужчины, погребённые в склепе и в могильной яме (№ 5), и подросток (саркофаг № 3) также не были родственниками по материнской линии.

Таким образом авторы монографии пришли к важному открытию, что в Палатке Никитичей только одно погребение может быть идентифицировано с Романовыми. Это погребение Марфы Никитичны, в замужестве Черкасской. К роду Черкасских также принадлежат погребённые здесь младенец Евдокия Яковлевна Черкасская и неизвестный подросток (саркофаг № 3).

Комплексное исследование Л.А. Беляева и М.Б. Медниковой вносит значитель-

ный вклад в развитие династической археологии, о необходимости которой авторы пишут во Введении к книге. Полученные результаты в полной мере продемонстрировали современные возможности этого направления, позволив по-новому взглянуть и на историю Палатки Никитичей, и на практики мемориали-

зации в первой половине XVII и конце XVIII в. В то же время теперь можно поставить вопрос, были ли в действительности перенесены тела Василия, Александра и Михаила Никитичей Романовых в Москву или мемориальный комплекс создавался И.Н. Романовым без перенесения их тел.

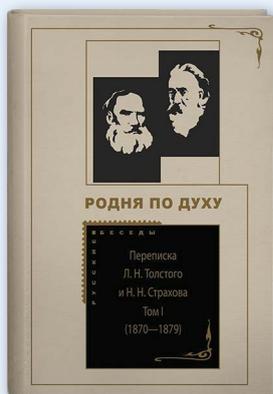
ENGLISH

Belyaev L.A., Mednikova M.B. In Search of the Romanovs' Boyars: Cross-Sectoral Study of the Tomb of the 16th – 17th Centuries in Znamenskaya Church of Novospassky Monastery in Moscow: in 2 vols. Vol. 1 / ed. N.A. Makarov; Institute of Archaeology, RAS. Moscow, ClubPrint Publ., 2018. 208 p.

Andrey Vladimirovich Topychkanov – PhD in History, Senior Researcher of the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University, staff member of the Archaeology Department of Moscow Rus, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences.
E-mail: topychkanov@gmail.com

Keywords: New Monastery of the Savior (Moscow), Romanovs, Time of Troubles, necropolis, dynastic archeology

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-095-02-201-204

М.И. ЩЕРБАКОВА*

Родня по духу. Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова (1870–1896): В 2 т. Т. I: 1870–1879 / Сост., подг. и коммент. Л.В. Калюжной, Т.Г. Никифоровой, В.А. Фатеева, В.Ю. Шведова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. — 816 с. — («Русские беседы». РАН, Институт русской литературы (Пушкинский дом); Государственный музей Л.Н. Толстого)**

Ключевые слова: русская литература, текстология, источниковедение, комментарий, история текста

Впервые в отечественном книгоиздании публикуется полный свод сохранившейся переписки Л.Н.Толстого (1828–1910) с философом и литературным критиком Н.Н.Страховым (1828–1896), близким другом семьи Толстых. Корпус печатаемых материалов существенно расширен за счёт включения в него комплекса корреспонденций Страхова и жены писателя С.А.Толстой (1844–1919), которые проливают дополнительный свет на процесс работы над изданиями Толстого и содержат множество ценных биографических деталей, психологических наблюдений и характеристик.

Нет сомнений, что появление этого крупнейшего эпистолярного памятника, уникального по своему содержанию и непреходящему культурному значению, представляет собой значительное литературное событие. Это издание существенно обогатит представление читателей о незаурядных личностях кор-

респондентов, особенностях формирования их творческого сознания в условиях изменчивой социально-политической динамики последней трети XIX в., а также о характере их взаимоотношений и ярком индивидуальном мировосприятии каждого из участников переписки. Погружаясь в письма, сохранившие живое дыхание исторической эпохи и наполненные глубоким интеллектуальным содержанием, читатель имеет возможность окунуться в атмосферу дружеских и в то же время нравственно требовательных отношений — как они складывались и проявлялись в длившемся без перерывов почти четверть века заинтересованном общении корреспондентов.

Письма печатаются по автографам и воспроизводятся в полном объёме; каждое из них снабжено подробным историко-общественным и литературным комментарием. Первый том включает переписку 1870–1879 гг. Издание, содер-

* **Щербакова Марина Ивановна** — доктор филологических наук, заведующая Отделом русской классической литературы Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.
E-mail: m-shcherbakova@mail.ru

**Проект 17-04-16503д.

жащее обширный научный аппарат, рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей русской общественной мысли и литературы.

Двухтомник переписки Толстого и Страхова выходит в серии издательства «Пушкинский Дом» «Русские беседы», в которой ранее была издана книга «Пророки византизма» (2012), посвящённая переписке писателя и мыслителя К.Н.Леонтьева с государственным деятелем и публицистом Т.И.Филипповым (подготовлена О.Л.Фетисенко).

Переписку Л.Н.Толстого и Н.Н.Страхова предваряет обширная вступительная статья (с. 5–101) под названием «“Сердце сердцу весть подаёт...”. Л.Н.Толстой и Н.Н.Страхов: четверть века в переписке», написанная В.А.Фатеевым и В.Ю.Шведовым. В статье подробно рассматривается история дружбы выдающегося писателя, автора гениальных романов и создателя собственного, вызвавшего бурные споры религиозно-нравственного учения, с одним из его наиболее образованных и умных современников. Много внимания уделяется обсуждению увлечёнными собеседниками текущих и вечных литературно-философских проблем, а также таких волнующих современников событий, как распространение в обществе радикально-оппозиционных настроений, мода на спиритизм и массовое увлечение эволюционной теорией Дарвина.

Из переписки можно извлечь массу ценнейших, малоизвестных подробностей о создании и публикации большинства художественных произведений Толстого, а также связанных с ними сложностей и конфликтов, в разрешении которых не раз принимал деятельное участие Н.Н.Страхов. Освещена атмосфера напряжённых нравственных исканий Толстого, которая привела писателя к известному религиозному повороту конца 1870-х гг. и отходу от художественного творчества; прослежены идейные взаимоотношения Толстого и Страхова. При этом не обой-

дены вниманием их разнообразные литературные и философские споры, а также существенные расхождения корреспондентов во взглядах на важнейшие политические события современной им России. Не менее интересны читателям будут и перипетии сложных и насыщенных духовным драматизмом отношений Толстого и Страхова с такими выдающимися деятелями отечественной культуры, как И.С.Тургенев, А.А.Фет, Ф.М.Достоевский, К.Н.Леонтьев и В.С.Соловьёв.

В первый том вошли 253 письма; они расположены в хронологическом порядке, печатаются по автографам, заново сверенным для настоящего издания, и имеют единую нумерацию для обоих томов.

У издания существует довольно длинная предыстория. В 1900-е гг. отбором материалов переписки из архивов Л.Н.Толстого занималась С.А.Толстая, которая передала письма для издания в Общество Толстовского музея в Москве. В 1913 г. в журнале «Современный мир» был впервые напечатан основной массив переписки под редакцией сотрудника Пушкинского Дома Б.Л.Модзалевского, а в следующем году вышел отдельной книгой в серии изданий Общества Толстовского музея (Толстовский музей. Т. II. СПб., 1914). Причём если письма Страхова были представлены в этом издании за весь период их общения, то эпистолярное наследие Толстого печаталось далеко не в полном виде — не был охвачен последний период переписки: 1894–1896 гг.

В советское время было предпринято уникальное издание полного собрания сочинений Л.Н.Толстого в 90 томах (1928–1958), в которое вошла и вся переписка писателя. Таким образом, сохранившиеся письма Толстого к Н.Н.Страхову стали доступны широкому читателю, в то время как ответные письма Страхова можно было прочесть лишь в дореволюционном, подготовленном Б.Л.Модзалевским издании 1914 г., давно ставшим раритетом.

Насущная научная необходимость издания всей сохранившейся переписки Тол-

стого и Страхова, без которого история отечественной литературы оставалась неполной, ощущалась на протяжении всего XX в. В качестве подготовительной работы на пути к публикации этого выдающегося памятника эпистолярной литературы в 2000 г. было осуществлено издание тома переписки семьи Толстых с Н.Н.Страховым. В это издание были включены письма Толстого, не вошедшие в сборник 1914 г., а также изданная впервые переписка С.А.Толстой с Н.Н.Страховым. Этот рассчитанный больше на специалистов сборник писем 2000 г. представлял собой совместное научное издание Группы славянских исследований при Оттавском университете и Государственного музея Л.Н.Толстого в Москве.

Наконец, в 2003 г. было осуществлено издание «Полного собрания переписки Л.Н.Толстого и Н.Н.Страхова» в двух томах. Составителями двухтомника были чл.-корр. РАН Л.Д.Громова и Т.Г.Никифорова. Однако счастливыми обладателями этих томов в нашей стране стали лишь немногие, относящиеся к узкому кругу специалистов по творчеству Толстого. «Полное собрание переписки Л.Н.Толстого и Н.Н.Страхова», как и сборник писем 2000 г., было издано в Оттаве под руководством и под редакцией видного канадского слависта А.А.Донскова для распространения исключительно за пределами нашей страны. По этой причине многие важные материалы издания, в том числе обширная вступительная статья Донскова, библиографические данные и даже отрывки из напечатанного Б.Н.Никольским в 1896 г. биографического очерка о Н.Н.Страхове, были представлены там только на английском языке. В России в свободную продажу рассчитанное на зарубежного читателя (главным образом на учёных-славистов) издание 2003 г. не поступало, к тому же и в таком виде весь его тираж давно разошёлся, и сегодня двухтомник переписки отсутствует даже в некоторых крупнейших отечественных библиотеках.

В силу указанных причин вышедшее в 2018 г. новое издание, которое предназначено прежде всего для российских библиотек и в котором все материалы, естественно, даны на русском языке, имеет важное значение, так как оно закрывает существенный пробел в отечественном литературоведении. Объём настоящего издания, по сравнению с двухтомником переписки Толстого и Страхова 2003 г., значительно вырос благодаря дополнительному включению переписки Н.Н.Страхова и С.А.Толстой. Эти письма, расположенные в общем хронологическом порядке и вносящие существенные дополнительные штрихи в воссоздание атмосферы времени, органично сочетаются с основным массивом переписки писателя и философа. Другое и не менее важное отличие настоящего тома от издания 2003 г. — то, что представленные в нём научные комментарии намного превышают прежние по объёму и тематическому охвату, по глубине исследования, по связанной с перепиской литературно-исторической, философской, религиозной и общественно-политической проблематике.

Кроме того, в издании 2003 г. комментарии, опирающиеся главным образом на Полное собрание сочинений Толстого в 90 томах, были сосредоточены прежде всего на личности и творчестве писателя, а Н.Н.Страхова касались лишь в той мере, в какой они способствовали раскрытию образа Толстого. Это объяснялось тем, что творческое наследие друга Толстого в советское время было незаслуженно предано забвению и практически не изучалось. За истекший период отношение к Страхову заметно изменилось, и теперь он по праву занимает видное место среди деятелей отечественной культуры как вдумчивый, эрудированный мыслитель и тонкий литературный критик. Изданы его основные философские, публицистические и литературно-критические труды, ширится круг посвящённых ему научных исследований. Всё это нашло отражение в обновлённой концепции комментирования писем.

Таким образом, в комментариях к изданию даётся объективное и максимально полное на настоящее время представление как о творчестве Толстого и Страхова, так и о литературной и общественно-исторической атмосфере 1870–1890-х гг.

Переписка Л.Н. и С.А.Толстых с Н.Н.Страховым, предлагаемая читателям издательством «Пушкинский Дом», является ценным источником для углублённого изучения русской культуры и общественной мысли.

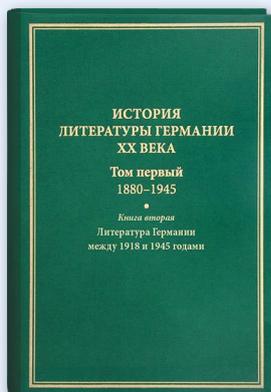
ENGLISH

Soulmates. Correspondence between L.N. Tolstoy and N.N. Strakhov (1870–1896): in 2 vols. Vol. I: 1870–1879 / comp., prepared and comments by L.V. Kalyuzhnaya, T.G. Nikiforova, V.A. Fateeva, V.Yu. Shvedov. St. Petersburg, Pushkinsky Dom Pub., 2018. 816 p. (“Russian Conversations”. RAS, Institute of Russian Literature (Pushkin’s House); The Leo Tolstoy State Museum)

Marina Ivanovna Shcherbakova – DSc in Philology, Head of the Department of the Russian Classical Literature of M. Gorky Institute of World Literature, RAS.
E-mail: info@imli.ru

Keywords: Russian literature, textology, text history, commentary, source study

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-095-02-205-207

Н.В. ПЕСТОВА*

История литературы Германии XX века. Т. I (1880–1945). В 2 кн. Кн. 2: Литература Германии между 1918 и 1945 годами / Отв. ред.-сост. Т.В. Кудрявцева, В.Д. Седельник. М.: ИМЛИ РАН, 2018. — 984 с.**

Ключевые слова: литературный процесс в Германии, Австрии и Швейцарии, тенденции современной российской германистики, смена художественных парадигм, литература российских немцев, литература немецкоязычных еврейских писателей, юношеская литература, нацистская литература, антифашистская литература

Коллективное исследование современной немецкой литературы ведётся в Институте мировой литературы им. А.М.Горького РАН с 2009 г. Вторая книга первого тома «Истории литературы Германии XX века» является частью крупномасштабного проекта «Литературный процесс в Германии XX и XXI вв.». Первая книга данного проекта — «История литературы Германии XX века. Т. I. Книга 1 (1880–1918)» — увидела свет в декабре 2016 г.

Рецензируемая книга посвящена литературе времён Веймарской республики и Третьего рейха. В ней рассматриваются основные проблемно-тематические и художественно-эстетические константы литературного процесса этих исторических периодов, а также исследуется содержательное и стилевое своеобразие основных течений, школ и групп, определявших картину литературного развития

Германии того времени («новая деловитость», пролетарско-революционная литература, литература «консервативной революции», фёлькиш-национальная литература и др.) и находившихся в отношениях как взаимодополнительности, так и непримиримой оппозиции.

Часть обзорных глав посвящена важным для той эпохи жанрам: радиопьесе, кабаре, детской литературе и др. Творчество писателей в монографических главах изучается в тесной связи с социокультурными реалиями тех лет, с учётом генезиса и воздействия на последующие поколения литераторов. Исследование проводится с привлечением историко-литературного контекста родственных немецкоязычных литератур. Показаны генетические связи и типологические параллели немецкой словесности с другими европейскими литературами.

* **Пестова Наталья Васильевна** — доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь (Екатеринбург).
E-mail: nv_pestova@mail.ru

** Проект 18-112-00019д.

Книга состоит из двух разделов. Первый раздел – «Литература времён Веймарской республики (1918–1933)» – содержит 12 обзорных глав: «Особенности литературного процесса в Веймарской республике (вводная глава)», «Поэзия», «Литературные формы кабаре после 1918 года», «Проза», «Драма и театр», «Становление жанра радиопьесы», «Публицистика», «Пролетарско-революционная литература», «Литература “консервативной революции”», «“Новая деловитость”», «Массовая и развлекательная литература», «Детская литература», а также 20 глав, посвящённых творчеству наиболее репрезентативных писателей исследуемого периода (Томас Манн, Генрих Манн, Бертольт Брехт, Герман Гессе, Ханс Хенни Янн, Вальтер Меринг, Эрих Мария Ремарк, Лион Фейхтвангер, Бернхард Келлерман, Эрнст Толлер, Карл Цукмайер, Вальтер Беньямин, Иоганнес Роберт Бехер, Анна Зегерс, Фридрих Вольф, Эрнст Юнгер, Альфред Дёблин, Оскар Мария Граф, Маша Калеко, Ганс Фаллада).

Раздел второй – «Литература в годы нацистской диктатуры (1933–1945)» – включает вводную главу «Литературная ситуация в Германии после прихода к власти национал-социалистов» и два подраздела – «Официальная литература» и «Оппозиционная литература». Первый – содержит обзорные главы «Истоки официальной литературы Третьего рейха», «Фёлькиш-национальная литература», «Национал-социалистическая литература», «Афашистская литература» и главы, посвящённые творчеству писателей, в произведениях которых наиболее ярко отразились черты этой литературы (Ганс Гримм, Эмиль Штраус, Агнес Мигель, Ханс Йост, Фридо Лампе).

Второй подраздел представлен обзорными главами «Литература “внутренней эмиграции”», «Литература антифашистского подполья», «Литература в изгнании» и главами, освещающими творчество наиболее ярких представителей этой литературы (Феликс Хартлауб, Эрнст Вихерт, Теодор Пливье, Клаус Манн).

Во второй раздел вошли также глава «Детская и юношеская литература», посвящённая развитию этого жанра в годы нацистской диктатуры, и обзорная глава «Серболужицкая литература», дающая представление о литературе национального меньшинства в Германии.

Труд заканчивается Послесловием, в котором подводятся итоги литературного развития в рассмотренный период, отмечается отличие данного труда от предшествующих историй литературы.

В создании труда принимали участие ведущие германисты России – В.Д. Седельник, Е.А. Зачевский, Н.С. Павлова, А.А. Гугнин, Л.С. Кауфман, Г.В. Якушева и др.

Новизна и актуальность рецензируемого труда определяются прежде всего тем, что впервые в истории советской и российской германистики два важнейших периода развития немецкой (германской) словесности представлены в таком широком объёме. Вне всякого сомнения, рецензируемый труд восполняет лакуны, образовавшиеся в российской германистике, которая долгое время по разным причинам игнорировала или недооценивала те или иные явления литературного процесса, например литературу «консервативной революции» или официальную литературу Третьего рейха и др.

Большой интерес представляет выбор концептуально-методологических критериев и композиционно-структурных принципов, которыми руководствовались создатели труда: отобранные для исследования художественные явления и методы их анализа, пропорциональность частей, легитимность присутствия или отсутствия в труде имён, явлений, произведений.

Специфику рецензируемого труда определяет успешная попытка учесть различные подходы к отбору материала, сформировавшиеся в отечественной и немецкой германистике. Примечательно, что в книге описание истории литературы как существования и смены художественных парадигм, обращение к творчеству писателей, которые вошли в канон немец-

кой литературы, сочетаются со стремлением выйти за пределы существующих канонических представлений и расширить поле анализа. Об этом свидетельствуют главы о творчестве как известных писателей, так и «изгоев» и «незнакомцев» — Х.Йоста, Г.Гримма, Э.Штрауса, А.Мигель, Т.Пливье, О.М.Графа и др. Примером такого подхода могут служить и главы, освещающие творчество этнических меньшинств (серболужицкая литература), афашистскую литературу, а если говорить о проекте в целом, — литературу российских немцев и творчество немецкоязычных еврейских писателей. Специальные разделы посвящены детской, подростковой и юношеской литературе изучаемого периода, значительное место отведено нацистской литературе и т.д. Всё это служит подтверждением расшатывания канона как некоей незыблемой элитарной структуры.

Как справедливо отмечают создатели книги, «соединение различных типов литературного канона, возникновение зазоров между ними, сдвиги от центра к периферии создают автопортрет работающей с “обломками” разных канонов и отмеченной центробежными тенденциями современной российской германистики» (с. 960).

Ценность рецензируемого издания состоит в том, что в нём нашли яркое отражение тенденции современной российской германистики и научные подходы, в которых общие интерпретационные модели успешно сочетаются с узнаваемостью индивидуальных голосов его создателей. Это издание содержит богатый фактический, справочный и аналитический материал для последующих научных исследований филологов, а также для студентов и аспирантов, изучающих германистику и историю зарубежной литературы.

Безусловно, труд окажется интересным не только российскому, но и зарубежному читателю, поскольку он формирует особый взгляд из России на немецкую культуру. Пожалуй, главным отличием рецензируемой «Истории» от аналогичных немецкоязычных трудов является разграничение литературного процесса в Германии, Австрии и Швейцарии. Авторы труда, таким образом, продолжили отечественную традицию, заключающуюся в «разрыве» лингвоцентричного канона германских филологов и ярко представленную в предшествующее десятилетие в «Истории литературы Швейцарии» (2002–2005) и «Истории австрийской литературы XX века» (2009–2010).

ENGLISH

**History of the Germany's Literature of the 20th Century. Vol. I (1880–1945).
In 2 b. B. 2: Literature of Germany in 1918–1945 / ed.-comp. T.V. Kudryavtseva,
V.D. Sedelnik. Moscow, M. Gorky Institute of World Literature,
the Russian Academy of Science, 2018. 984 p.**

Natalia Vasilyevna Pestova — DSc in Philology, professor, independent researcher (Ekaterinburg).
E-mail: nv_pestova@mail.ru

Keywords: literary process in Germany, Austria and Switzerland; contemporary Russian literature studies trends, change of artistic paradigms, literature of Russian Germans, literature of German-speaking Jewish writers, youth literature, Nazi literature, anti-fascist literature

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2019, № 2 (95)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfh.ru
<http://www.rfbr.ru>

Оригинал-макет ООО Издательство «ЭМПРЕСС»
105082, г. Москва, Рубцовская набережная, д. 3, стр. 3
Тел.: +7 (499) 677-18-71
E-mail: id-empress@mail.ru

Технический редактор Ю.М. Шилова
Верстка К. Страховинский
Корректор В.В. Тихонова

Подписано в печать 24.06.2019. Формат 60×90 ¹/₈.
Усл. печ. л. 24,9. Уч.-изд. л. 18,0.

Печать офсетная. Бумага мелованная. Тираж 300 экз. Заказ № 255341